

БОРИС ЯРНЕ

СВОБОДА

16+

Борис Ярне Свобода

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50812595

SelfPub; 2021

Аннотация

Его судьба перевернулась после того, как он взялся помочь незнакомой девушке, в отчаянии совершившей убийство. Размеренная жизнь с предсказуемым будущим разбилась в прах, а последующие события вынудили еще не раз преступить закон и превратили его вместе со спутницей в преступников и беглецов, у которых не осталось никаких шансов вернуться к прежнему существованию. Скрываясь от правосудия, они угодили не только в политические и криминальные лабиринты, будучи преследуемыми и полицией, и бандитами, но и стали жертвами неведомых мистических сил, контролирующих тайное сообщество, чья деятельность давно является объектом расследования спецслужб. И они оказались не одни, — под необъяснимую лавину угодили и те, кто впоследствии решил присоединиться к ним. Что-то толкнуло их всех встать на новый путь и подрастить судьбу. К ним прикоснулся призрак тайны их существования. Как и когда это произошло? И что это за тайна?..

Содержание

– Пролог –	5
– 1 –	12
– 2 –	26
– 3 –	37
– 4 –	48
– 5 –	62
– 6 –	73
– 7 –	84
– 8 –	96
– 9 –	108
– 10 –	122
– 11 –	142
– 12 –	157
– 13 –	172
– 14 –	186
– 16 –	223
Конец ознакомительного фрагмента.	239

Борис Ярне

Свобода

Я не освободитель.

Освободители не существуют.

Люди сами освобождают себя.

Эрнесто Че Гевара

– Пролог –

Словно испугавшись, стоя ворон с громким криком сорвалась с кургана, оставив его вершину в клубках черного дыма, сквозь который едва можно было разглядеть обгоревшее древко знамени, вонзенное в землю. Мгновенно пала тень, заставившая дым сползти с вершины, превратив его в черную лаву, скользящую по склону. Обрывки полотнища слабо колыхались на ветру. Под грозной тяжестью тени по древку пошли трещины, через которые стала сочиться кровь. Кровь павших в бою воинов. Кровь растекалась по черным склонам кургана. Курган превращался в черное знамя, испещренное красными изломами крови солдат, обретших тайну, ушедших в тайну и объединившихся с тайной...

За что они сражались?

За что они погибли?

За тайну?..

– Как можно дальше, как можно дальше, – лихорадочно бормотал Андрей, не спуская глаз с дороги и с зеркала заднего вида. Вот они, догнали... твою мать! Вот и еще! Нас ценят. Еще бы вертушку подвесили!

Навстречу неслись еще два полицейских автомобиля. Но затормозить и преградить дорогу они не успели. Андрей, выскочив на обочину, и чуть не угодив в кювет, пролетел мимо,

даже не поцарапав корпус. Через двадцать секунд он услышал выстрелы.

– Вот черт! – воскликнул он. – Это уже веселее! Ислам, готов?

– Готов! – откликнулся тот.

– Громи его на хрен!

Ислам, сидевший на заднем сидении, принялся выбивать прикладом автомата заднее стекло. Выбил. В зеркале заднего вида Андрей разглядел, как четыре полицейских автомобиля, заняв обе полосы, мчались следом. Снова раздались выстрелы. Андрею показалось, что задели корпус его автомобиля.

– Так долго мы не протянем! – крикнул он. – Швырни им для начала гранату, пусть задумаются.

Ислам выполнил его поручение. Граната разорвалась метрах в тридцати перед полицейскими машинами. Андрею показалось, что это произошло совсем рядом, прямо за его спиной. Словно началась бомбежка, и бомбили именно его, точно, словно снаряд разорвался прямо за его спиной, словно...

Словно снаряд разорвался совсем рядом. Это был взрыв? Не может быть! Как? Да! Так оно и было. Началась бомбардировка Гватемалы. Нужно направиться непосредственно в район боев, создать ополчение. Нужно! Что бы было, если бы... Бомбы. И тишина... и темно...

– Какие десять лет весны?

– Ты о чем?

– Настолько темно, что я не вижу самой темноты. Я никогда не задумывался о том, можно ли увидеть темноту.

– Почему ты думаешь, что это темнота?

– А что это еще может быть?

– Встряхнись. И представь, что это... не темнота.

– А что же это?

– Это бездна...

– Что ты имеешь в виду?

– Как тебя зовут?

– Андрей.

– Так вот, Андрей, в бездне ты уже не Андрей.

– А кто я?

– Тебе это интересно? Кто ты здесь? Ты уверен в том, что в любом месте ты можешь быть кем-то?

– Я тебя не понимаю.

– Ты находишься в месте, о котором ты ничего не знаешь, в месте, которого для тебя никогда не существовало. С чего ты решил, что здесь ты останешься тем же, кем был там, где для тебя существовало что-то? Ты в бездне!

– Я здесь другой, просто потому, что я не знал о существовании этого места?..

– Представь, что ты в «нигде».

– Смешно. А кто я тогда в этом «нигде»?

– Очевидно! Никто!

– Как «никто» может разговаривать?

– Ты это сейчас серьезно?

– Ты о чем?

– Ты считаешь, что ты разговариваешь?

– Ну, я же разговариваю с тобой, хотя... Я даже не знаю тебя. Не понимаю, откуда ты взялся... я же разговариваю с тобой? Что ты молчишь?

– Ты смеешься? Ты со мной не разговариваешь.

– Что? А с кем же я разговариваю в данный момент, прямо сейчас, а?

– Подумай.

– Черт возьми, не хочу я думать! Просто, скажи, кто ты? Это так сложно?

– Это как раз легко.

– Так кто ты?

– Ты.

– Минутку... не понял.

– Чего ты не понял?

– Что значит, «ты»?

– Тебе видней, ты же у себя спрашиваешь?

– Боже мой! Черт меня дери! Я тут один?

– Браво! Да, ты тут один.

– Что со мной?

– Что было накануне? Вспоминай.

– А что было? Ничего особенного. И накануне чего?

– Накануне того, как ты сюда попал.

– Да я не помню, как я сюда попал! Это бред какой-то!

Так...

– Вот, попытайся вспомнить.

– Сегодня была пятница. Или сегодня есть пятница?

– Не важно.

– Я был на работе. Я хотел написать заявление об уходе, но не смог. Так, а хотел я его написать, потому что меня достал мой начальник. Он меня отчитывал, он... нет, это сейчас не важно.

– И это всё? Хорошо, допустим. А почему не смог написать заявление?

– Я испугался!

– Испугался увольнения, как такового? Испугался того, что тебя уволят?

– Ну, да.

– Стоп, вот и попался! Ты ведь сам собирался написать заявление. В чем тут дело?

– В чем тут дело? Дело в том, что я запутался. И еще дело в ипотеке. Я ипотечный раб. И идти мне некуда. А сколько я буду искать работу, неизвестно. Я итак еле концы с концами свожу. Родители не дожили... А еще автомобиль в кредит...

– Ты можешь себе это все позволить? Оклад позволяет?

– Ничего он мне не позволяет, просто он не соответствует моему образу жизни.

– Не увлекайся. Итак, ты по горло в кредитах?

– Именно.

– И в связи с этим ты автоматически стал рабом своего начальника, начальника его начальника, всей вашей организации, системы, систем, ну, и так далее.

– Именно.

– Да, но где выход? Ты так и будешь терпеть все то, что я только что перечислил?

– Я... не знаю.

– Как ты говорил, ты себя ощущал, когда тебя отчитывали?

– Как будто меня привязали к столбу и били кнутом. Только я этого не говорил.

– Говорил. И тебе это все нравится?

– Черт тебя побери! Как это может нравиться? Бездна? Это не бездна, это дно.

– Возможно. Ты считаешь, что ты на дне?

– Не знаю. Какие-то шорохи.

– Шорохи в твоей голове.

– Это страх.

– Бездны или дна?

– Страх позорного столба.

– Тебе сейчас двадцать восемь лет. Нескромная жизнь, квартира, автомобиль... ты когда намерен погасить кредиты при твоей-то зарплате? А ты еще и не женат! А женишься? А дети? Ты о чем думал?

– Это дно...

– Ты плачешь?

– Я не знаю. Я же у столба, на дне, в бездне. Проклятье!

Да что происходит?

– Ты же здесь, ты и ответь.

– Я устал...

Тьма. Бездна. Дно. Позорный столб. Тоска. Страх.

– А выход есть?

– Всегда есть выход. Ты сам так говорил.

– Я запутался. Как тут холодно! Я боюсь ступить в сторону. Я не решаюсь. Мне кажется, здесь еще кто-то есть.

– Кто-то с кнутом?

– Я хочу домой. Мне холодно. Зачем ты мне обо всем этом напомнил?

– Ой, ты! Это далеко не все.

– На мне наручники? Что за черт?

– Нет, это кандалы.

– Зачем? За что?

– У себя спроси, зачем?

– И на шею?

– Это петля. Так надежней, чтоб не сбежал.

– Мне страшно... Мне...

– Твой разум, вот твой каземат!

– Это не бездна!.. Это тюрьма...

– Андрюша, Андрюшенька, – словно сквозь сон услышал Андрей.

Андрей поднял голову, открыл глаза и замер, рассеянно глядя перед собой. Настороженно, осмотревшись по сторонам, он перевел взгляд на своего приятеля.

– Валера? А ты тут как оказался? – удивленно пробормотал он.

Валера внимательно посмотрел на Андрея.

– Может, пора по домам. Что с тобой? – спросил он.

– Твою мать! Мы где?

– Слушай, дружище, мне уже и в сортир нельзя отлучиться? Тут так орут все, а ты заснуть умудрился? Я тебя предупреждал, не нужно было вторую брать.

– Что вторую?

– Бутылку виски. Да ты плывешь! Тебе трезвого водителя вызвать, или да завтра тачку бросишь?

– Продам я ее к чертям!

– Ты сначала заплати за нее.

– Как ты думаешь, мне дадут потребительский кредит?

Валера еще внимательней посмотрел на Андрея.

– У тебя белая горячка? Я не понимаю, как тебе на мотор дали, да еще на такой.

– Ну, вот и к черту все! Наливай!

– Уверен?

– Как никогда. Ты даже не представляешь, где я сейчас был.

– Спал на столе. И какой потребит...

– Ты нальешь?

Валера разлил виски.

– Лед растаял, – с сожалением сказал он.

– За возвращение из бездны! – Андрей махнул стакан.

– Кстати, зачем тебе квартира, ты же собирался...

– Все! Вспомнил. Да, накрыло меня. Так о чем мы, или я?

– Так вот, – начал Валера, – чем тебя дальневосточный гектар не устраивает?

– Это государственная программа.

– И что?

– Они тебе сейчас десять рублей дадут просто так, а как увидят, что дело пошло и приносит прибыль, у тебя заберут и эти десять, и еще налогами обложат так, что и... Государство само придумывает законы, так что, это все не то. Государство это зло, открытое, всем известное, но никем и ничем непобедимое. Любое государство.

– Заговариваешься. Разошелся. Там нет никого, на Дальнем востоке. И не похоже на то, что скоро там аншлаг начнется. А если ты собираешься бунтовать, то вперед, только сначала подумай о последствиях. Ты же как-то был по молодости на Болотной площади. Развлекался?

– Наблюдал. Это официально разрешенная акция, порой

выходящая из-под контроля. Но ты понимаешь, у нас выходили бастовать против авторитаризма, и такая тоска была, а в какой-нибудь Франции, вон, бензин в гору пойдет, так там всю страну готовы будут спалить. Чувешь разницу? А мы с начала веков закованы в рабство!

– Ты все же остановись, борец за вольность.

– Наливай!

– Передохни.

– Конечно, если говорить о революции?..

– О чем?

– О революции.

Валера расхохотался.

– Знаешь, – продолжал Андрей, – я, хоть, в основном, и просиживаю штаны в офисе...

– Вот в чем дело! – перебил его Валера. – Наконец-то до меня дошло. Ты так нарезался из-за этого уroda? Начальники в нашем отделе долго не задерживаются. А если ты так хреново себя чувствуешь только из-за того, что он тебя сегодня отчитал, так не будь таким эгоистом! А то ты не знаешь, как он рвет всех в отделе, и, поверь, по более твоего. Взять хотя бы меня, ты же помнишь, на прошлой неделе он весь день меня шпилил, козлина! Так, что ты еще в фаворе...

– Да пошел он! О чем я говорил?

– О том, что ты в офисе штаны просиживаешь.

– Ах да... я просиживаю, а в глубинках народ... пухнет... и не против революции... настоящей революции...

– Откуда тебе знать? Ты перебрал, Андрюха. Я с института тебя помню, ты любил болтать про революцию, анархию, и все такое, но сейчас ты меня пугаешь.

– Чем?

– Агрессией. Мы, вообще, не о том говорили. Ты, ты не о том говорил.

– Коммуна? Ты об этом? Ну да. Я бы не стал ее так называть. Вся земля принадлежит государству. Понимаешь, государству, а не народу. С какого хрена? Нужно быть крайне наивным, чтобы как-то ассоциировать эти два понятия. Государство – это чиновники под звездами Кремля, да подкармливаемые олигархами, но никак не народ. Это ж школьнику понятно. И земля по закону, придуманному ими, принадлежит им. Им, а не народу.

– Мне кажется, или ты ходишь по кругу?

– Согласен. Возможно. Давным-давно был такой фильм «Город мастеров»...

– Да видел я его в детстве, и что?

– Я хочу создать такой город. Город, свободный от государства, свободный ото всего. Там же, на их дальневосточных гектарах. Город, свободный от правительства, чиновнического, полицейского и налогового рабства. Свободный город свободных людей. Для всех людей планеты.

– Ты тронулся, Андрюха.

– Вполне вероятно, но ничего не могу с собой поделать.

– Это детский сад!

– Пусть!

– Хорошо, как ты себе это видишь? Хочешь захватить землю? Просто обозначить свой кусок и начать на нем строить коммунизм?

– Да ладно...

– Нет, ты скажи. Кто за тобой пойдет, например? Я? Да не за что в жизни! Мне нравится наш теплый офис.

– Ты раб!

– Что, извини?

– Прости. Все мы рабы. Да наливай уже! Так уж природа устроена, свободны мы лишь перед ней, природой. Вот это я и хочу осуществить. То есть, хотелось бы.

– Может, тебе жениться? Тридцать лет почти, а он...

– У каждого свой путь.

– Куда?

– В том-то и дело, что мало, кто понимает, куда идет. – Андрей сделал глоток.

– Может, уже по домам. Я косой, ты косой.

– Ты иди, я еще посижу.

– Да, сейчас, я тебя оставлю. Скажи что-нибудь на посошок, и пойдем.

– Нас ежеминутно втаптывают еще глубже в рабство. Мы страна крепостного права, претендующая на правовое государство. Мы...

– Ну и достаточно. А ты не патриот, Андрюша.

– Я-то как раз патриот, но, будучи патриотом, я сторонник

утопической идеи объединения всех людей планеты. Для этого я и хочу создать этот город. Представь, в будущем этот город станет целой землей.

Валера снисходительно улыбался, глядя на Андрея.

– Свободный город для свободных людей! – продолжал тот. – Любых, но свободных, готовых принять свободу, готовых уйти от рабства. Город свободы! На берегу Тихого океана. – Андрей рассмеялся. – Какая там статистика по заявкам на эти дальневосточные гектары, интересно?..

– Поехали домой, – прервал его Валера.

– Домой? У тебя никогда не было ощущения дороги, пути? Как будто ты должен завтра утром сесть в седло и отправиться на поиски чего-то необъяснимого, чего-то...

– Поехали, поехали...

– Нужно, чтобы люди поняли серьезность намерений...

– Андрюша, серьезность твоих намерений поймут в наркологическом диспансере.

– Что делать?

– Найди сначала ответ на вопрос «Кто виноват?»

– Виноваты только мы. Мы сами. – Андрей резко замолчал и отвернулся к окну.

– Куда ты смотришь?

– В бездну.

Словно огромная черная птица пролетела за окном бара и скрылась в ночи.

Раздался телефонный звонок. Андрей с трудом оторвал голову от подушки, обнаружив себя одетым.

– Слушаю, – прохрипел он в трубку.

– Ты снова забыл поставить в холодильник пиво, – послышался задорный голос Валеры. – Раз в месяц пьем, и каждый раз ты не готов принять утро.

– Согласен, – пробормотал Андрей. – Магазин внизу.

– Ты предлагаешь мне сгонять?

– Я просто сказал.

– Зачем ты столько пьешь каждый раз? Вот я делал паузы и живой, хоть и не без пива. Ты помнишь, что вчера было?

– Как всегда. Что могло быть нового?

– Тачка твоя возле дома. Это я тебе напоминаю. Я вызвал тебе водителя. О чем болтали, помнишь? Коммуна, и прочее. На Дальнем востоке.

– Чушь это все. Да, помню я. – Андрей поднялся и сел на кровать.

– Город мастеров, – не переставал Валера.

– Дурь, забудь. Это же была последняя стадия? Мы на этом остановились?

– Нет, почему же, дошли почти до революции. Не ново, верно?

– Давай через месяц в какое-нибудь детское кафе сходим. Валера рассмеялся.

– Через месяц ты придашь в себя, и все повторится сначала. Ты оделся?

– Я и не раздевался, – признался Андрей.

– Ну, ты хорош. Давай, дуй за пивом, пока не умер.

– Сэр, есть, сэр!

– Вечером созвонимся. – Валера отключил телефон.

Через полчаса Андрей пришел несколько в себя, опустошив две бутылки пива. Но лавиной накрыла хандра.

– Бездна, – прошептал Андрей.

К середине дня он ощутил явное облегчение, он плотно пообедал и пошел гулять. В ходе прогулки он окончательно взбодрился. Осталась только хандра.

– Ты почему на звонки не отвечаешь? – перед его подъездом стояла Ира, его девушка.

– Ира, привет, мы же сегодня не собирались встречаться, а телефон я дома оставил, извини. Поднимемся?

– Да уж, давай. Я помню, что вчера последняя пятница месяца, и вы с Валериком квасите, но захотелось тебя увидеть.

Андрей встречался с Ириной чуть больше полугода. Ей было двадцать пять лет. Она была «высокой, симпатичной блондинкой», как ее называл Валера. Ирина была из обеспеченной семьи и позволяла себе все, что взбредет в голову, не обходилось и без капризов. Андрей старался не замечать этого, как, порой, ему казалось, он не замечал и самой Ирины.

– Как посидели? – спросила Ира, устраиваясь в кресле и тут же доставая пилочку для ногтей.

– Вполне, – ответил Андрей, усаживаясь в соседнее кресло. – Обсуждали дальневосточный гектар. Это когда государство... – Андрей увидел, как активно Ирина приступила к обработке своих ногтей, и прервался.

– Постоянно ломаются, и всегда именно эти два, – раздраженно сказала Ира.

Андрей посмотрел в окно. За окном заканчивался апрель.

– Десять лет весны, – пробормотал он. – Что это такое? Сны у меня странные. Или это не сны, а бред наяву. Ты не читала Фрейда?

– Шутишь? Больно нужно, а кто это? Вот черт, заново все пилить придется.

– Десять лет весны, – повторил Андрей. Он зашел в «Интернет» через телефон. – Десять лет назад была весна. Я поступал в институт. Так. Десять лет весны. Гватемальская революция 1944 – 1954. Забавно.

– Зинка замуж собралась! Дура.

– Почему дура?

– Погуляла бы еще. Да что такое? – Ирина полезла чего-то искать в сумочке.

– Обычно такое говорят о мужчинах. Ну. Десять лет весны. А взять этот гектар, и построить там город. Хм, город мастеров. Толстой, например, думаю, одобрил бы. А то живем, как тени. Ни пользы, ни цели, ни собственного «я». Нас, как будто и нет вовсе. Может, время такое? Всегда время не такое, какое хотелось бы. Мне уже так много лет, а я тень.

И тишина. Бездна? Диктатора свергли, через десять лет появился новый. Везде что-то происходит. Это было давно, но и сейчас везде что-то есть, какое-то движение. Что-то тут не так. Со мной, может? Хотя, Валера такой же, еще больший тюлень. И еще я ипотечный раб, что как следствие... вот черт, это же было. Какая-то ипотека, а в Гватемале было десять лет весны. А тут у меня позорный столб...

– О, одна готова! Красота! – воскликнула Ирина. – Я такой маникюрный салон, кстати, открыла! Ну, как открыла, он открылся недалеко от моего дома. Вот, вообще, реально, в тренде. Я один раз была, теперь только туда.

Андрей смотрел в окно. Десять лет весны.

– Ну, дура, Зинка!

– Эрнесто Че Гевара. Вот, кто там был, но успел покинуть Гватемалу.

– Что ты там за фигню какую-то смотришь.

– Да так, подумал, весна. А там десять лет весны. Надо куда-то двигаться, наверное. Зинка дура, да?

– Полная, вообще. Я тебе говорю! – Ирина продолжала заниматься ногтями.

– Зачем мне в моем положении такая тачка?

– Жених полный лох, кстати.

– Можно дойти до того состояния, как Калягин в фильме «Старый Новый год». Но у меня еще ничего нет. Я даже не пойму, я больше потребитель, или накопитель. И то и другое, какое-то отвратительное занятие. Когда я выпью, я люблю

разглагольствовать о переменах и революции. Видимо мозг раскрепощенный и более свободный. Ключевое слово. Свободный. А так, позорный столб.

– Да и родители его от сохи, – не слушая Андрея, продолжала Ирина.

– Мои простыми инженерами были, как, собственно, и я.

– Ты инженер? – не глядя на Андрея, спросила Ирина. – У него даже тачки нет. Вот же лох. Вот, дура!

– Что не является моим делом? То не является, это не является, я, казалось бы, свободен, ведь у меня нет дел, я делаю, что хочу. Я как-то подошел к начальнику финансового управления и сказал о возможных рисках проекта, так он мне четко дал понять, что меня это волновать не должно...

– Я считала ее самой продвинутой, она вся по последней моде, и откуда у ее предков столько бабла?

– Но, ведь, все совсем наоборот, все является их делом, а мы исполнители их дел. Значит, мы и есть рабы, у которых своих дел нет, а если и есть, то завязаны на бытовых передрягах, а все что выше, все то, от чего наши передряги и зависят, дело их, то есть, мы зависим от них.

– От кого?

– От тех, кто нами управляет, от тех...

– Обалдеть, какую сумку Танька купила! Вообще, тренд на тренде. Зинка посоветовала. Я ж говорю, шарит, и тут такой лох!

– Мое дело, не мое дело. Напоминает Штирнера.

– Или Зинкин салон круче?

– Десять лет весны, – еле слышно повторил Андрей. – Ир, тебе со мной интересно?

– Что?

– Спрашиваю, тебе со мной интересно?

– Да, мне как-то... в каком смысле?

– В самом прямом. О чем я говорил, ты помнишь?

– Когда?

– Сейчас, прямо сейчас.

– Ты видишь, чем я занята?

– Прости, Ирочка, не заметил. А все же?

– Да что ты пристал? – смеясь, спросила Ира. – В постели, понятно, интересно. А ты о чем? Я не поняла.

– В постели, – повторил Андрей. – Что ж. Жизнь имеет смысл.

– Вообще, не понимаю, что ты такое говоришь.

Андрей смотрел в окно. «Какая тоска, – подумал он. – А тут десять лет весны».

– Мой отец родился в 1961 году, в апреле, через несколько дней после полета Гагарина в космос. Дед мой был шестидесятником. Отец в детстве только видел, что происходит, и то, больше со слов деда. Мне он это все после рассказывал, причем, незадолго до своей смерти. Без матери жить, похоже, не смог... не знаю. А дед застал весь расцвет. Подъем страны. Наша страна запустила первый в мире спутник, потом отправила человека в космос, потом... Я могу долго пе-

речислять, но люди, жившие тогда, видели смысл в жизни, которая бурлила у них на глазах. Дед довольно долго наблюдал за прогрессом, который вскоре уперся в эпоху так называемого застоя. Эпоху, в которую попал отец. Но ворвались восьмидесятые с их надеждой. Ворвались и тут же уткнулись в девяностые года – года сумбура и беспредела, где не то, что прогресса не было – уничтожили все, что было прогрессом в шестидесятые. Мне было так жаль отца, когда он мне это все рассказывал. Дед также уперся в тупик и, став ненужным, доживал свои годы в депрессии, ну, или не в депрессии, а с чувством своей ненужности. Но, он успел что-то сделать! Да, наша страна далека от страны свободной, но в этой стране он мог почувствовать себя личностью, хотя бы для себя самого. А вот отец, его мне было жалко до слез. Он не успел ничего. Он только начал и... все закончилось. Такое впечатление, что всех накрыло цунами. Умер дед. И как-то все погасло. Родителям было горько от того, что они не могут дать мне что-то большее... кроме двушки на окраине Москвы, которая досталась мне в наследство, и которую я продал, чтобы сделать первый взнос за эти модные хоромы. Да и какие это хоромы? Еще и мебель никак во вторую комнату не куплю. Все не хватает. Кредиты! Но я, я продукт совсем другой эпохи. Мы гордость двадцать первого века, когда вообще ничего нет. Одни гаджеты.

– Я новый чехол прикупила. Цени! – опомнилась Ирина, услышав слово гаджет, оторвавшись от своих ногтей, кото-

рые она, наконец, допилила.

– Изумительный чехол, – одобрительно произнес Андрей. – Мы цвет двадцать первого века. Пример для потомства.

– Что?

– Десять лет весны.

– Какой весны? Ты что-то тут так долго говорил. Я задумалась.

– О чем?

– Да так, не о чем, особенно.

«Я полгода с ней, – вдруг подумал Андрей. – Это что-то значит?»

– Я у тебя сегодня останусь.

– Оставайся.

– Сейчас, только Зинке позвоню.

– Дуре этой?

– Ну, да.

– И десять лет весны.

– Что?

– Бездна.

Утром следующего дня Андрей между делом предложил Ирине расстаться.

– А что это? Хотя, как хочешь. У меня в запасе два кандидата. И квартиры у них полностью обставлены. Ну, пока.

– Удачи.

С середины следующей недели должны были начаться майские праздники. Весь офис делился своими планами на выходные, с нетерпением ожидая всеобщего отпуска. Как прошел понедельник, Андрей не заметил. Не замечал он и своего босса.

Лишь в начале следующего дня тот дал о себе знать в полной мере.

– Зорин, начальство вызывает, – окликнула Андрея секретарша.

Андрей вошел в кабинет своего начальника.

– Слушай, Зорин... как бы это сказать, или спросить? Ты же ведь давно тут работаешь? Четыре года. Как так вышло?

– Что именно? – Андрей неожиданно для себя не испытал ни этого омерзительного, привычного для большинства, чувства мелкого страха перед руководством, ни вины, накачиваемой авансом.

– Сергей Николаевич лестно о тебе отзывається. Считает тебя одним из лучших инженеров производственного отдела, моего отдела. Я чту мнение директора по производству, но, может, он тебя все время с кем-то путает?

– Что вы от меня хотите?

– Зорин, ты debil?

Андрей почувствовал, как огонь завладел всем его телом,

руки задрожали, а на глаза пала пелена, заволакивающая взгляд кровью.

– Как такое можно было написать? – Перед Андреем на столе лежало письмо. Он пробежался. Действительно, написана была полнейшая чушь. Внизу письма стояла его фамилия, как исполнителя. Но подписи не было.

– Это не мое письмо, – еле сдерживая гнев, проговорил он.

– А фамилия чья?

Андрей взял письмо и направился к выходу.

– Я не закончил! – заорал начальник.

Андрей уже вышел из кабинета.

Сев за свой стол он вертел перед собой письмо и тут неожиданно взглянул на Валеру, сидящего в дальнем от него углу кабинета. Тот улыбался, поднимая большой палец вверх. Андрей все понял.

«Зачем?» – написал он Валере в почте.

«Услуга. Ты же хотел революционных эмоций» – был ответ.

Андрей бросил взгляд в окно.

Эрнесто Гевара попал в список «опасных коммунистов», подлежащих ликвидации после свержения Арбенса, действующего президента Гватемалы.

Андрей достал чистый лист бумаги и написал заявление об увольнении. Не говоря никому ни слова, он пришел с за-

явлением к своему начальнику и бросил заявление на стол.

– С сегодняшнего дня, – произнес Андрей. – Все о моих объектах знают производственники с самих объектов, – я всегда все дублировал, мне нечего передавать.

Начальник искоса посмотрел на Андрея и молча подписал заявление.

– Ты уже узнал о сокращениях? – спросили его в отделе кадров.

– О каких сокращениях? – несколько удивленно спросил Андрей.

– Из-за закрытия четырех объектов по одному, или по два, как руководство решит, работника из каждого отдела сокращаются. Но, об этом еще мало, кто знает.

Андрей улыбнулся.

– Похоже, я из их числа.

К обеду Андрей собрал все подписи в обходном листе.

– В чем дело, Андрюша? – спрашивал его директор по производству.

Андрей молчал.

– Твой новый босс?

– Понимаете, Сергей Николаевич, совокупность фактов. Решение уже принято.

– Жаль, очень жаль.

Сидя перед своим столом, Андрей отчетливо представил себе картину, как он загружает коробку своими вещами, и выходит из кабинета. Он скупно улыбнулся. Перевернув все

ящички стола, он закинул в сумку несколько личных вещей и решил на этом остановиться. «Трудовую книжку» он получил. «Я свободен, черт меня возьми!»

– А ты резкий парень, оказывается, – услышал Андрей рядом с собой голос Валеры. – Это же шутка.

– Оказался резким, – отозвался Андрей, – и не забывай, что у меня разряд по боксу. Так что лучше отойди от меня подальше.

– Да ты что, дружище? – удивился Валера.

– И забудь это слово, дружище. – Андрей встал и направился к выходу, захватив сумку. Большинство в офисе уже знали о его увольнении, но лишь шушукались между собой, соотнося это с его конфликтом с начальником.

Подойдя к выходу, Андрей что-то вспомнил. Он вернулся, направился к кабинету начальника и без стука открыл дверь. Начальник, стоя, опершись руками на стол, что-то говорил двум, сидящим за его столом подчиненным.

– Что еще? – буркнул он. – У нас совещание.

Андрей, ничего не говоря, направился к нему и с ходу врезал ему прямым ударом в нос. Тот отлетел в дальний угол, роняя за собой стул и хватаясь за нос, из которого хлынула кровь.

– Больше ничего. – Андрей вышел из кабинета.

– Андрюша! – поймал его Валера на выходе. – Извини, не ожидал я такого резонанса. Ну, мир?

– Отвали, сука, – не глядя на него, сказал Андрей и поки-

нул офис.

«С рекомендациями у меня будут проблемы, – подумал он, сидя в своем новеньком автомобиле, «BMW» пятой серии. – Да плевать!»

Он неожиданно ощутил такое облегчение, что ему захотелось закричать.

«А ведь это немного свободы, черт бы вас всех побрал!»

Сидя дома, на полу в пустой комнате, он закурил.

– Я банкрот. Искать работу? Нет, не сейчас. Ипотечный раб. Тачку как-то вернуть придется. Как это делается? Забыл, да и не вникал. Квартира? Эх. Денег, благо, осталось достаточно, чтобы протянуть. Надо посмотреть, сколько я протянуть смогу. До конца лета смогу, наверное. Свобода... Тоска какая-то. Это не то. Не так. Черт, вот и бездна с позорным столбом. Или столб исчез?

Андрей растянулся на полу и закрыл глаза.

– Нужно было что-то поменять. – Он вспомнил про Ирину и улыбнулся. – А я начал движение... куда-то. Вот, только куда? Завтра начинаются выходные, подумаю после, как говорят в кино. Обещают тепло. Да какая разница?..

Но следующий день украл эйфорию дня предыдущего. Андрею стало так неуютно, что он не знал, куда себя деть. Он посчитал деньги. При выплате ипотеки, да кредита за автомобиль, прожить он сможет не более двух месяцев. «И куда я девал все деньги? Зачем... ну, да, Ирина. Но, это не так уж и страшно было. И почему я не копил? Хотя со всеми

выплатами... два месяца автомобилю! Вот, где все деньги! И выплаты только начались, и чтобы быстрее расплатится, я не скупился, балван».

В «Интернете» было достаточно объявлений о выкупе кредитных автомобилей. «Или не торопиться пока? Два месяца. А квартира? Нет, но не я первый! Посмотрим».

– Любой кредит вгоняет тебя в зависимость. А то я этого не знал. Всё! Хватит ныть! Это такие мелочи в сравнении с нашим тотальным крепостничеством! Вот, начинается. Успокоил себя.

Но червь продолжал его точить, точил день, второй, третий. Начался перерыв между праздниками. На четвертый день, Андрей, дождавшись позднего вечера, решил развезаться, прокатившись на автомобиле. «Может, поможет, поможет, может? Все, я надеюсь, уже укатили, или прикатали обратно. Хочется немного погонять, слегка так. Да и не погонять, просто покататься, пока тачку не забрали».

Только оказавшись за рулем, Андрей въехал во тьму. Бездна окружила его. Ему стало настолько не по себе, что он закрыл глаза, отпустив руль. Он ясно ощутил холод, потом жар, потом он очутился под водой и почувствовал, как тонет. Что есть силы, он начал работать всеми частями тела, пока не выгрел на поверхность. Было все также темно. Плывая наугад, он вскоре почувствовал под ногами дно. Выбравшись на берег, он упал на спину, и снова закрыл глаза.

– Что тебя страшит? – раздался мелодичный женский го-

лос.

Андрей вскочил, оглядываясь по сторонам. Кровь стучала в висках, силясь порвать сосуды. Было не настолько темно, как в тот раз, когда он разговаривал с собой у позорного столба.

– Ты сейчас у позорного столба? – снова раздался голос.

Андрей обернулся и увидел изящный женский силуэт, закутанный в плащ. Лицо было закрыто большим капюшоном. Это была скорее тень женщины, а не женщина.

– Где я? – с трудом выдавил из себя Андрей.

– Это-то я и спросила. У позорного столба, на дне, в тюрьме?

– Это имеет какое-то значение? – сам не понимая зачем, переспросил Андрей.

– Для тебя, возможно, имеет. Ты же из этих символов строишь свое настоящее, то, к чему прибило твое эго, то, чего ты боишься даже избежать, потому, что привык находиться именно там.

– Кто ты? – спросил Андрей.

– Ты этого не поймешь?

– Почему ты так думаешь?

– Еще никто в мире не смог разгадать меня. И ты склонен думать именно так.

– Я не понимаю, – признался Андрей.

– Я цель твоих мучительных, порой никчемных, размышлений, если ты еще не понял. – Женщина выдержала паузу

и спросила: – Тебе страшно?

– Мне не понятно. Мне... Боже! – Андрей потерялся.

– Что такое?

– Скажи только, кто ты?

Андрей услышал лишь легкий смех, похожий на музыку, на какую-то неземную музыку, на шум ветра, морской прибой. Это была музыка...

– Кто ты? Кто ты? – повторял Андрей, наматывая круги по МКАД. – Вот черт! – Он затормозил и съехал на обочину. – Что это было? Как я ездил, не помня этого? – Он достал пластиковую бутылку и принялся жадно пить воду. – Темно уже. Совсем темно. Что делаем дальше? – Он взглянул на знаки. Ближайший поворот был на Варшавское шоссе. – Ну, и ладно! – Андрей надавил на газ.

Шоссе было практически пустым в обе стороны. Андрей, не набирая скорости, ехал в никуда. «Я же как-то побывал в «нигде». Хотя, я еду не в никуда. В Варшаву я еду». Он рассмеялся сам себе. «Да, наверное, смешно».

Изредка ему попадались встречные автомобили. Пару раз его обогнали. Недавнее видение прочно засело у него в голове, – он никак не мог объяснить суть произошедшего. «Я схожу с ума?»

Вдруг свет его фар захватил силуэт девушки, стоящей на обочине дороги и голосующей большим пальцем вверх.

– Это она сошла с ума, – проговорил Андрей. – Или... да нет. В Москву? В такое время. Все автобусы проспала. Но,

автостопом? – Андрей снизил скорость. – Нет, не стоит, не нужно... – Андрей почему-то задумался о целесообразности предстоящего поступка. – Но, она может так попасть. А я... а что мне? Черт возьми!

Андрей тут же наткнулся на разворот и, еле в него вписавшись, оказался на соседней полосе, ведущей в Москву. Вскоре он увидел девушку, стоящую с вытянутой рукой, у ее ног лежал небольшой рюкзак. Она была невысокая, худощавая, с выраженной точеной фигуркой. Короткая стрижка и озорные карие глаза, в мгновение ока оказавшиеся в салоне через открытое окно, дали Андрею повод подумать о том, что это, вообще, девочка. Настолько юно она выглядела.

– Спасибо! – услышал Андрей звонкий голос. – Не подбросите до города? Только денег у меня нет.

– Это я понял, садись, – сказал Андрей.

Девушка запрыгнула на переднее сидение и положила на колени рюкзак.

– Тебя куда? – спросил Андрей.

– А вы можете, куда я захочу? Вы волшебник?

Андрей улыбнулся.

– Нет, еще не научился.

– Можно на Курский, или... да, на Курский вокзал.

Андрей рассмеялся.

– Ты забыла, где живешь? – спросил он.

– Нет, просто, что-то, смутилась. Я Оксана.

– Андрей. Ты не поздно по трассам бродишь? Родители

знают, где ты?

– Родители, – грустно произнесла Оксана, но, тут же, словно встрепенувшись, весело добавила: – Родители в отпуске. Я от бабушки. Задержалась у нее в деревне.

– В отпуске? – удивленно спросил Андрей. – Они не следят за тем, как ты заканчиваешь учебу? Ты в каком классе-то?

Оксана рассмеялась.

– Мне двадцать один год, я уже большая девочка.

– Ну, извини, – также смеясь, сказал Андрей.

– А тебя что так поздно носит?.. Извини, что я на ты.

– Извиняю. Просто так, решил покататься.

– Бывает же такое, – задумчиво проговорила Оксана.

– У тебя все в порядке? – не сдержавшись, спросил Андрей.

– Все норм, – жестко ответила Оксана. – А твои родители не следят за тем, где ты? – весело спросила она.

– Мне двадцать восемь лет. Я большой мальчик. Они давно не следят.

– Жена? – продолжала допрос Оксана.

– Никогда не следила.

– Девушка? – не останавливалась Оксана. – Извини, наверное, я задаю слишком много лишних вопросов. Просто...

– Оксана запнулась. – Можно я буду молчать?

– Как хочешь, – пожав плечами, сказал Андрей.

И Оксана молчала до тех пор, пока Андрей не припарко-

вал автомобиль возле Курского вокзала.

– Ты же не на вокзале живешь? – спросил он.

– Да нет. Мне тут встретиться нужно, а после домой.

– Далеко домой отсюда?

– Ты становишься подозрительным, – загадочно проговорила Оксана. – Нет, спасибо, что довез. Дальше я сама. Пока!

– Пока!

Отец Оксаны умер пять лет назад, когда она еще училась в школе. Работал он слесарем в ЖЭК, и много после себя не оставил. Мать в то же время работала продавцом в супермаркете. После его смерти семья не могла свести концы с концами. Оксана по окончании школы, тем не менее, решила поступить в институт, и не в какой-нибудь, а в театральный. Провалила экзамены. Мать устроила ее в тот же магазин, где работала сама. В том же году мать повторно вышла замуж. Отчим Оксаны, Толя, оказался по ее собственным словам, полнейшей скотиной. Вскоре узнали и о его пристрастии к алкоголю. Большую часть времени он не работал, а валялся дома перед телевизором, либо спал в полном отключении.

– Мужчина в доме нужен, – уверяла мать.

Жили они в крохотной двухкомнатной квартире, в «хрущевке», даже в полуторке, как говорила Оксана. Те самые полкомнаты были ее, там с трудом помещалась кровать, поэтому дома Оксана не задерживалась, а с появлением отчима и вовсе не желала там появляться. Старалась приходить домой как можно позже, в ночь. Где она проводила время, мать не спрашивала. Последние два года были адом и для матери и для дочери. Новый папа Толя стал проявлять свой бешеный нрав, и порой избивал мать. Та плакала, но ничего сделать не могла. Оксана предлагала ей подать заявление в

полицию, но та боялась. А Толя требовал денег, когда ему не хватало на «опохмелиться». Мать экономила, как могла. Складывала сбережения в специальную коробочку, которую прятала в платяном шкафу. Но как-то совсем недавно Толя обнаружил коробочку и устроил скандал с последующим избиением матери, но после уразумел мудрость поступка жены, объяснив, что про запас должно что-то быть всегда, и даже сам старался эту коробочку не трогать.

Оксана трижды поступала в театральное училище, и трижды проваливала экзамены. Кем она только не успела поработать за все это время! Порой не на одном месте одновременно, собственно, как и ее мать. На личную жизнь, как и на подготовку к экзаменам у нее вечно не хватало времени. Всех школьных друзей и подруг она растеряла. А новые с ее жизнью не появлялись. Довольно часто она проводила время в сомнительных ночных клубах, где обзаводилась такими же сомнительными знакомствами. Но друзьями никого из той молодежи назвать было нельзя.

Ночами Оксана плакала в своей каморке, вторя матери, но как изменить жизнь, она придумать не могла. Ни сильный характер, ни воля, ни привлекательная внешность не помогли. Она, как она сама говорила, была будто проклята за что-то. Она была в плену, на дне, у позорного столба, в тюрьме.

– Я в рабстве у судьбы, – говорила она матери, – но каждый выбирает свою судьбу сам, и жизнь, и путь. И счастье

свое каждый кует сам. Говорю тебе, мама, прописные истины. Все еще получится. И поступлю я, наконец, в этот чертов театральный. И буду я звездой, и будет у нас много денег.

– Замуж бы тебе, – не слушая, бормотала мать.

– Эх, мама, это уж, как повезет. Да и... Ты бы Толика прогнала.

– Оксана... да я бы, но, как... и перед соседями стыдно. Живем, итак, как... Боже ты мой, за что же это мне такое?

– Спокойно, мама, все будет. Ты только бить себя не позволяй. Я вмешуюсь...

– Ох, только не надо, дочка, прошу тебя. Только хуже будет.

– Да куда уж хуже, мам?

А хуже оказалось куда. Толя как-то, находясь в соответствующем подпитии, довольно таки агрессивно пристал к Оксане в ее комнате, и уже принялся ее раздевать, как та схватила лежащие на столе ножницы и приставила их к его глазам.

– Мне наплевать, Толя, я просто вырежу твои поганые зенки и выброшу их в мусорное ведро! Хочешь проверить? – грозно произнесла она.

С тех пор Толя к Оксане не подходил. Но в тот же день, она, все еще, будучи в возбуждении, заявила ему:

– А будешь бить мать, я тебя убью...

Толя лишь ухмыльнулся.

Зимой Оксана окончила курсы парикмахеров, и устрои-

лась в простенький салон красоты. Устроилась в марте. Но за два месяца эта работа ей так опостылела, что она еле сдерживала себя, чтобы не расплакаться прямо во время обслуживания клиентов. А через два месяца очередная попытка поступления в институт. А готовиться некогда, да и негде. Да и в совокупности, что семейная, что, так называемая, профессиональная жизнь, ее так придавили, что она чувствовала, что находится на последнем издыхании.

Она была на дне, у позорного столба, в тюрьме. Вокруг клокотала бездна.

– Ничего, – говорила она себе, – и не такое бывает, в мире и не так еще живут, я справлюсь, лишь бы характер не подвел, черт бы его побрал.

Но черт его не побрал.

Накануне майских праздников Оксана обслуживала клиента, толстую, прыщавую женщину, видеть которую в зеркало, она просто не могла. А за окном шумела весна! А Оксане двадцать один год! А она одна, и после того, как закончится ее смена, она также останется одна, она пойдет искать тихий безлюдный угол, чтобы там хоть как-то попытаться готовиться к экзаменам в институт, и никто ее не поддержит... а дома несчастная мать, отчим свинья, теснота и нищета. А за окном чудо! Радость! Любовь! Весна!

– Девушка, вы про меня не забыли? – просипела женщина. Оксана, не сказав ни слова, продолжила стричь.

– Девушка, а вы бы не могли не жевать, когда работаете?

Я про жвачку.

Оксана бросила взгляд в окно.

– Вот эту? – спросила она и надула огромный пузырь, который громко лопнул.

– Девушка, можно вы не будете меня обслуживать?

– С удовольствием!

– Хамка! Мне нужен администратор!

Администратором была парикмахерша, стоявшая в углу салона и обслуживающая другого клиента.

– Я вас слушаю? – спросила она, подойдя к клиентке.

– Да не слушайте вы, Любовь Львовна. – Оксану пробрало на смех.

– Хамит, жует жвачку...

– Я поняла. Сейчас к вам подойдет другой мастер.

– Оксана, на минутку, – попросила администратор.

Они вышли из зала в маленький кабинет.

– Оксана, это далеко не в первый раз ты так себя ведешь, – назидательно произнесла Любовь Львовна.

– Любовь Львовна, меня тошнит, – призналась Оксана.

– Ты о чем? – испуганно спросила Любовь Львовна.

– Обо всем этом! От этой жирной коровы, от... вы видели, какая там весна?

– Ты уволена. Выйди на минуту. Я тебя рассчитаю.

Оксана вышла за дверь. Любовь Львовна вышла следом за ней и выдала ей конверт.

– Это полный расчет. Трудовую книжку мы не заводили,

так что ты полностью свободна.

Оксана неожиданно для себя ощутила, как тепло прошло по всему ее телу.

– Как вы сказали? – нежно спросила она.

– Это расчет, – повторила Любовь Львовна.

– Нет, в самом конце!

– Ты свободна.

– Вот, – Оксана рассмеялась. – Спасибо! Спасибо!

Оксана выбежала на улицу и подняла руки вверх. Ей было легко.

Но эйфория скоро закончилась. Вечером Оксана вернулась домой и забила в свой угол, думая о том, что делать дальше.

«Какая же я дура, – подумала она. – Не могла перетерпеть. Так ничего не получится. Нужно пережить это состояние... как бы его назвать? Это, это... да рабство это! И пробиваться, пробиваться. И можно пробиться, я уверена. Нет, я знаю это. Нет, я никого не хочу обидеть, – продолжала она разговаривать сама с собой. – Продавец, так продавец, парикмахер, так парикмахер. Каждому свое. Но не мое это настолько, что скулы сводит. А мое... буду стучаться в эти театральные двери, пока мне «Оскара» не дадут».

Оксана уснула. Она проспала до полудня – настолько сильно было ее перевозбуждение накануне. Проснувшись, она сразу почувствовала голод и, одевшись, вышла на кухню. Мать сидела и смотрела в окно.

– Ты что, мам? – спросила Оксана.

– Долго же ты спишь, – не глядя на дочь, сказала мать. – Предчувствие у меня плохое. Толя с утра ушел отмечать Первомай, боюсь, вернется на рогах.

– Мам, а ты не впускай его, – предложила Оксана.

– Да как не пускать? – ужаснулась мать.

– Начинается. Все, я поняла. Есть, чего поесть?

– Посмотри в холодильнике.

– Щи, отлично. То, что надо! Меня уволили вчера.

– Ох, дочка...

– Не надо, мам. Этим летом я должна поступить.

До вечера Оксана просидела за учебниками. А вечером вернулся Толя. Судя по голосу, он выпил со всеми трудящимися мира. Оксана надела наушники и продолжала читать.

В какой-то момент музыку в наушниках стал заглушать шум, доносящийся из квартиры. Оксана сняла их. Это кричала мать. Толя избивал ее в коридоре. Огонь охватил голову Оксаны. Она сжала кулаки и медленно поднялась с кровати. Выйдя из своей комнаты, она увидела, как ее отчим пинает мать ногами в живот. Пройдя мимо коридора на кухню, Оксана открыла ящик под газовой плитой и выбрала самую большую и тяжелую чугунную сковородку.

Быстро захлопнув ящик, она вышла в коридор и, недолго думая, со всего маха, огрела «любимого» отчима сковородкой по затылку. Тот, моментально потеряв сознание, завалился на мать. Оксана помогла ей выбраться.

- Мама, ты цела?
- Ты убила его? – пролепетала мать.
- Очень на это надеюсь.
- Как это выяснить?
- Горло перерезать, тогда наверняка знать будем.
- Бог с тобой, доченька. Вызывай скорую!
- Ну, конечно.
- Я сама.
- Эх, мама...

Оксана ушла к себе в комнату.

Отчима она не убила. Сотрудники скорой помощи долго настаивали на вызове полиции, но мать Оксаны мольбами уговорила их этого не делать. Потом те сказали, что Толя – клиент наркологической клиники, а в таком состоянии они его не заберут... но, забрали. Обещали через три дня вернуть. Просили предварительно позвонить, чтобы забрать его, либо навещать, чтобы точно знать, что да как.

Майские праздники превратились в тоскливое ожидание. На второй день, день накануне которого Толю должны были выпустить, Оксана сидела с матерью на кухне. Мать плакала.

– Мам, ну, что ты каждый раз? Каждый раз одно и то же, и ты каждый раз...

– Я не о том сейчас, доченька.

– Что такое?

– Тебе нужно уйти. – Мать заплакала навзрыд.

Оксана потеряла дар речи. Она не знала, что сказать, как

реагировать, что думать.

– Ты останешься с этой тварью, а меня прогоняешь? – в сердцах спросила Оксана.

– Прости меня! – Мать бросилась на колени.

– Мама, мама, что ты? – Оксана подняла ее.

– Я не смогу его прогнать, – еле слышно проговорила мать.

– Все, мама. Достаточно. Я поняла. Не говори больше ничего. – Оксана обняла мать. – Мне тяжело тебя понять, но раз ты считаешь, что так будет лучше...

– Оксана! – снова заголосила мать.

– Все, все, мама, успокойся. Его завтра выпускают? Целого и невредимого? Наверняка, кроме шишки, ничего не заработал.

– Возьми все деньги, что я накопила, – вдруг сказала мама. – И не говори ничего. Это твое. Там немного, но, на первое время должно хватить. Хотя, я не знаю, даже, сколько сейчас может хватить, и какое это первое время.

– До того, как ты меня по телевизору увидишь, – улыбаясь, сказала Оксана.

– Ох, дочь, – сквозь слезы рассмеялась мать. – Забирай и не спрашивай.

– Я поняла. Возьму, мама. А этот козел не знает про деньги?

– Нет, – соврала мать.

– Хорошо. Это в долг, мама. Я тебе верну.

– Что ты! И вот еще. Не знаю, есть ли тебе, куда пойти. Нет, так езжай к бабушке. Господи, три года уже о ней не вспоминали. Господи, вот дожили. Свекровь позабыла с этим...

– Хорошо, мама. Завтра днем и уеду. Главное, звони, если что. Тебе нужно поспать. Пойдем.

Оксана уложила мать, а сама всю ночь пролежала с открытыми глазами. Так больно ей еще никогда не было.

К полудню следующего дня Оксана собрала свои вещи, те, что посчитала необходимыми, и уложила их в рюкзак. Долго она прощаться не стала, – мать торопилась в больницу, – вышла из дома и направилась к метро. Добравшись до конечной станции, она пересела на автобус и доехала до деревни, где жила ее бабушка, мать ее отца. К вечеру, с трудом отыскав дом, она обнаружила, что все ставни были закрыты и заколочены. Выяснилось, что бабушка умерла еще два года назад.

Оксане помогли вскрыть дверь в дом. Она вошла, бросила рюкзак, побродила по комнатам, потом улеглась на кровать и задумалась о том, что ее делать. Она закурила. Денег, которые ей дала мать, едва хватит на пару месяцев, и то, если жить здесь, в деревне. «Что же делать?»

Она была на дне, у позорного столба, в тюрьме. Что-то как будто кружило по комнате. Словно призрак женщины в плаще.

– Ты кто? – слабым голосом спросила Оксана.

– Спи, дитя... – был ответ.

Оксану окутал мягкий и нежный сон, ее усталость, переживания, бессонная ночь, все было укрыто легким покрывалом.

– Проклятье! – Оксана смотрела на часы на мобильном телефоне. – Тут я не останусь, это точно. Это место не для меня. Нужно обратно. Но, куда? Куда? Там разберусь. Нужно в Москву. Все деньги сейчас грохну на такси. Кто сейчас автостопом возьмет? Если только не натурой. Вот черт! Рискну!

Через полчаса Оксана стояла на Варшавском шоссе с вытянутой рукой. А еще через полчаса возле нее остановился черный «BMW».

Весь следующий день, после того, как Андрей довез Оксану до Курского вокзала, он провел дома с тем ощущением, что ему некуда себя деть. Он то ложился, то садился, то бродил по полупустой квартире. Кто эта женщина в черном плаще? Что с ним происходит? Он забыл думать о том, как ему быть с автомобилем, который нужно было продать, чтоб хотя бы платить за ипотеку, забыл о том, что денег у него предостаточно на ближайшие два месяца с учетом всего перечисленного. Его беспокоила эта женщина, женщина и то, о чем она говорила.

Это было первое, что не давало ему покоя. Вторым, как ни странно, было его приключение с Оксаной. Он довез ее до вокзала в три часа ночи. Какая встреча? Она ехала автостопом, значит, денег у нее нет. Для чего эти слова, о том, что...

– Какой-то бред. Надо мной смеются? И кто? Мнимая женщина и девчонка.

Он с трудом заснул, уже под утро. Оксана не давала ему покоя весь день.

– Автостопом? Черт возьми! Но, мне-то какая разница? Проклятье!

Воспользовавшись убежищем в посольстве Аргентины, в котором Эрнесто укрылся вместе с другими сторонниками

Арбенса, он при помощи посла покинул страну и выехал на поезде в Мехико.

Ближе к ночи Андрей остановил автомобиль возле Курского вокзала. Найдя зал ожидания, он принялся бродить меж лавок. Его хождение уже начало вызывать подозрение у обитателей зала ожидания. Вдруг он заметил хрупкую женскую фигурку, сжавшуюся в комок: комок отвернулся от света, уложил голову на пару собственных кроссовок, и укрылся с головой короткой летней курточкой.

Андрей осторожно подошел к комочку и стал его тормозить. Комочек разогнулся и превратился в симпатичную девушку. Девушка хлопала глазами, глядя на Андрея, пытаясь понять, что происходит.

– Это ты? – наконец спросила Оксана.

– Он, – ответил Андрей. – Поднимайся. Где твой рюкзак?

– В камере хранения, – с трудом ответила Оксана.

– Забирай его.

– Зачем?

– Ко мне поедешь.

– Ты за кого меня принимаешь, ты, мажор... на черной бомбе?

– Ой, да нужна ты мне больно! Давай, поднимайся.

– Рюкзак я оставляю тут. Что тебе надо? – продолжала сопротивляться Оксана.

– Девушка, у вас проблемы? – спросил, поднявшийся с

места мужчины немалых размеров. – Могу помочь?

– Попробуй! – Почему-то на Андрея тут же нашло необъяснимое бешенство.

– Все в порядке! – успокоила всех Оксана.

– Обувайся, – продолжал Андрей.

Оксана покорно надела кроссовки и поднялась с места.

– У тебя в рюкзаке нет ничего, что тебе может понадобиться?

– Хорошо, – кинула она, – сейчас.

Оксана вернулась с небольшим пакетом в руках.

– Так что тебе надо? – спросила она.

– Мне ничего от тебя не надо, – отрезал Андрей. – Поехали.

Как только Андрей выехал на Садовое кольцо, он сказал:

– У меня две комнаты. Одна спальня с большой кроватью, вторая пустая. Я уложу тебя в спальню, а сам лягу в пустой комнате. А за это ты расскажешь мне завтра, что с тобой произошло.

– Тебе это зачем? – серьезно спросила Оксана.

– Понимаешь, он при помощи посла уехал в Мехико.

– Что?

– У тебя бывают видения?

– Не помню.

– А у меня бывают. Мне страшно находиться в квартире одному.

На следующий день Оксана рассказала Андрею свою историю. Тот оказался таким дотошным, что заставил рассказать ему всю ее жизнь. Ей было так хорошо после всего, что она пережила за последние дни, что она не скупилась на истории, – вскоре Андрей знал о ней все. Правда, это стоило ему рассказа о себе, а также о своей жизни.

– Похоже, у нас много общего, – задумчиво сказал Андрей.

– Это ты к чему?

– Просто, наблюдение.

– Так! Если ты ко мне подкатываешь, то пошел ты к черту! – вспыхнула Оксана. – Я не проститутка, и никогда мне в голову не приходило заниматься этим. А то, может быть, у меня и не было бы таких проблем с деньгами...

– Остановись, – резко оборвал ее Андрей. – Дело сейчас не в деньгах. Или ты забыла то, о чем я тебе рассказывал. Мы с тобой оказались... как бы это сказать?

– В бездне, – промолвила Оксана.

Андрея передернуло.

– Откуда ты это знаешь?

– Знаю что?

– Про бездну?

– Когда я спала в доме у бабушки, – медленно, словно насторожившись, произнесла Оксана, – мне чудилось, что кто-то мне шептал это.

– Что шептал? – спросил Андрей.

– Да ну тебя, слушаешь какую-то чепуху, – резко оборвала Оксана. – Ничего не шептал.

– Я с тобой не шутил, – обиженным тоном проговорил Андрей.

– Взрослый мужик, а ведешь себя...

– Женщина в черном плаще, – вдруг перебил ее Андрей.

На этот раз передернуло Оксану.

– И что? – спросила она.

– Ничего, – ответил Андрей, и прочитал, глядя в экран телефона: – 21 сентября 1954 года Гевара приехал в Мехико.

– Это ты к чему?

– Сам не знаю, я... не хочу об этом. Давай думать, что дальше делать будем?

– Ты говоришь, мы? – удивилась Оксана.

– Ты у меня, – заметил Андрей.

– Знаешь что, джентльмен на черном автомобиле, – твердо произнесла Оксана, – я не уверена, что нам по пути.

– Но у тебя же никого нет, – возразил Андрей.

– А ты не тот, кто мне нужен. Извини, ты не в моем вкусе.

Андрей улыбнулся.

– Ты снова за свое?

– Спасибо, что дал переночевать, но, извини, ты просил за это рассказать свою историю, – я рассказала. Больше я не хочу быть тебе ничем обязана.

– Никто не говорит об обязанностях...

– Все! – перебила Оксана. – Я сказала, все.

– Хорошо, – согласился Андрей, – без обязательств, останься у меня до тех пор, пока не решишь, что делать. Так пойдет?

– Тебе это зачем? – спросила Оксана.

– Резонный вопрос. Просто, я хочу тебе помочь.

– Помоги себе сам.

– Спасибо, что видишь во мне мужчину.

– Я не разглядывала.

– Короче, тебя это не должно напрягать. Сейчас праздники, скоро следующие начнутся, все равно ничего не происходит...

– Не заговаривай мне зубы, – снова перебила Оксана. – Несешь пургу какую-то.

– Ладно, прошу тебя остаться на...

– На сколько?

– Хорошо, на сколько пожелаешь.

– Я тебе не верю.

– И на этом спасибо.

– Я подумаю. Какие дальше действия у нас будут, стратег?

– Пойдем, погуляем.

– Полезно.

Через два дня, Андрей, проснувшись в пустой комнате, ощутил пустоту в квартире. Кровать в спальне была заправлена. На ней лежала записка:

«Спасибо за гостеприимство, как будет возможность, от-

благодарю. Прости, если, что. Не ищи меня. Это не стоит того, ты другой».

У Андрея защемило где-то в груди. Ему показалось, будто он потерял что-то очень важное! Что-то свое, что-то ему нужное, что-то такое, без чего он... Нет, без чего она обойтись не сможет.

Он только сейчас заметил, как мысли об ипотеке или о кредите на машину ушли куда-то на задний план, и что настоящее горе, или боль, – он не знал, какое определение дать тому состоянию, в котором прибывала Оксана, – встали перед ним во всем своем великолепии.

Прошел день, он опять не находил себе места, но уже по более конкретной причине. Был День Победы. Он не выдержал, и вечером направился к Курскому вокзалу, на самом деле, не надеясь на ту же удачу, что в прошлый раз. Но вышло все совсем по-другому.

– Скоро салют, – говорил один полицейский другому.

– И что?

– Давай какую-нибудь бомжатину сгребем?

– Зачем?

– Приказ помнишь?

– Нет.

– А я помню. Короче, в отделе сейчас квасят, давай хоть кого заберем и присоединимся. Ты как?

– Ты дурак?

– Да придумаем чего-нибудь. Скажем... нет, потом придумаем. Кого полегче цапнем, и мы за праздничным столом. И я старше по званию.

– Только от нас уже несет. Ты хочешь так в отделе появиться?

– Там никто не заметит. Кто на задании, того, сам понимаешь, нет, а кто скучает в отделе, у тех праздник. Да, День Победы, как-никак. Давай немку какую схватим.

– Ну, ты... а где ты ее найдешь?

– Вон, на вокзале?

– Ты сдурел? Это чужая территория! Нам за это...

– Никто не заметит. Там проще. В честь праздника!

Напарники направились к Курскому вокзалу, зашли в зал ожидания, убедились в том, что поблизости не видно их коллег из линейного управления, и, не наводя паники, выбрали себе немку, коей оказалась Оксана. Она была, на их взгляд самой легкой добычей.

У Оксаны же, как обычно, огонь вошел в голову, и она принялась сопротивляться, не скупясь на выражения. Ее обхватили за руки, за ноги и поволокли к выходу.

Именно в этот момент в зал вошел Андрей. Он не сразу понял, что произошло, но когда увидел, как Оксану тащат на себе два здоровых полицейских, он растерялся.

«Твою мать, что делать? – лихорадочно думал он. – Куда они?»

Но думал он слишком медленно. Оксану вынесли из зда-

ния вокзала, забросили в полицейский «Козелок», и он тут же тронулся с места.

Андрей кинулся к своему автомобилю, дал по газам, нагнал «Козелок», и начал его преследование.

«На кой черт мне это нужно? – на ходу думал он. – Я ей не нужен, что я к ней пристал? У меня проблем по горло!.. А у нее? Вот черт!»

В отделе был праздник. Начальник сидел за столом, заставленным бутылками и закуской, на столе у него лежал пистолет. Что он собирался с ним делать?

– Изображу выстрел в воздух, чего и вам желаю.

– Только на предохранитель не забудьте поставить. А лучше, не надо, моего достаточно. Звук у телека прибавьте. А это что?..

– Бомжиху с Курского вокзала притащили, – запыхавшись, сказал полицейский, с напарником заволакивая Оксану в кабинет.

– Вы сдурели? Что вы там делали?

– Свою работу выполняли, помогали нашим друзьям с линейки. Она там шум подняла, разные слова ненужные начала выкрикивать, грубые, неприличные. Мне кажется, она провокаторша.

– Немка, – добавил второй.

– Заткнись.

Оксану поставили на ноги. Она не сопротивлялась, она

осматривала место, куда ее доставили. Ее уже не держали.

– Ну, вы и дебилы! Какого хрена?.. Киньте ее в клетку, завтра разберемся, пять минут осталось. Паспорт есть?

– Чей? А, откуда у нее...

Оксана рванула и бросилась к столу начальника отдела. Тот оторопел, не ожидая такого. Она схватила его пистолет и направила на него, потом на всех остальных.

– А ну, живо, оружие на пол! – крикнула она своим звонким голосом.

Тут уже все оторопели.

– Твою мать, – прошипел начальник.

Все, а их, вместе с прибывшими двумя полицейскими, было пятеро, словно подсознательно поняли серьезность положения, и, не смотря на то, что пистолет находится в руках у какой-то девчонки, разоружились.

– На пол! – крикнула Оксана.

Незамедлительно все скинули оружие на пол.

– Ко мне подкинули!

Выполнили и это. Две минуты до салюта.

Оксана, держа начальника на мушке, подобрала два пистолета, больше не получилось, засунула за пояс, остальные смахнула ногой в сторону выхода, забыв о дежурном, мимо которого ее проносили, и медленно начала отступать к выходу. А дежурный смотрел телевизор, дожидаясь салюта, и даже не заметил, как мимо него, птясь назад, с пистолетом в руке, медленно прошла шуплая девушка.

– Стоять на месте! – не забыла выкрикнуть Оксана еще в кабинете.

Тем не менее, все пятеро медленно провожали ее до выхода.

– Обратно, я сказала, а то выстрелю!

Все попятились назад. Она быстро подобрала два пистолета и сунула их в урну. Тут же, не глядя назад, она бросилась к выходу из отделения, толкнула дверь и оказалась на улице.

И тут грянул салют.

Андрей, следуя за «Козелком», подъехал к самому отделению, но оставил автомобиль на улице. Он вышел и направился следом за «Козелком», медленно въезжающим под арку. Он видел, как Оксану на руках вынесли из машины и внесли внутрь. Что делать, он не знал. Для чего это делать, он тоже не знал. Он только чувствовал, что что-то нужно делать. Но, что?

И тут он увидел выбегающую из отделения Оксану с пистолетом в руках!

– Твою мать! – прошептал он.

Оксана споткнулась и упала, скатившись со ступенек, но тут же встала. Она направила ствол в сторону выхода, секунду постояла и бросилась бежать.

– Сюда! – крикнул Андрей, выйдя из-под арки.

Оксана, недолго думая, побежала к нему и тут же смешалась с толпой.

– Быстро! – скомандовал Андрей.

Оксана запрыгнула на переднее сидение. Андрей надавил на газ, и вскоре был далеко от места происшествия, с трудом объезжая попутные машины.

– Это что такое было? – спрашивал начальник.

– Форс, это, мажор...

– Слышь, ты, мажор. Вы оба у меня так отхватите! Пять единиц табельного оружия! Такого никогда не было! Никто даже не поверит в то, что такое могло произойти! Какого хрена вы ее, вообще, приволокли?.. Да еще с чужой территории! Вы, кретины чертовы! Стоп, вы еще и приняли?

– Три.

– Что три?

– Два в мусорном ведре.

– Мать вашу, уроды, мне что начальству докладывать? А!

– Виноваты.

– Вы не просто виноваты. Вы полные недоумки, а если кто узнает, что... то полный капут всем. Не я один много чего потеряю. Да все я потеряю! С глаз моих прочь! И рот на замок, пока я не придумаю, что делать...

Андрей молча вел машину.

– Хреново будет, если номера мои спишут? – размышлял он. – В такой толпе вряд ли что поймешь, но мало ли. А они с камер это сделать смогут. Хотя и темно было. Ты какого

черта?..

– Нет, ты какого черта здесь оказался? – перебила его Оксана. – Ты следил за мной?

– Сейчас не об этом надо думать. Тачку я поставил за отделением, среди других машин, но на дороге есть камеры, повторяю...

– Хватит зудить, – зло проворчала Оксана. – Что тебе от меня надо?

– Не знаю, – искренне признался Андрей.

– Что камеры? – рычал начальник.

– Проверяем. Понимаете, тут салют начался, на улицах ничего не разберешь.

– Мать вашу, придурки!

– Нет, не видно, куда она делась.

– Кто это был?

– Где?

– Парень ее звал.

– Сообщник?

– Сообщник чего, кого, для чего, идиоты? С Курского вокзала прискакал?

– Да никто это был.

– Три табельных... Вы представляете, чем это грозит? Какая-то девчонка! А если она замочит кого-нибудь?

– Да она же случайно это сделала!

– Пять здоровых мужиков в погонах рты поразевали. Это

что было? Колдовство?

– Выбрось меня где-нибудь, – сказала Оксана.

– Выбрось оружие!

– Нет. Выбрось меня!

– С тремя стволами? Да запросто. Только я этого не сделаю. Едем ко мне.

– Мне этого не нужно.

– А я тебя не спрашиваю. Нагулялась!

– Ты мне не указывай.

– Тебя из-за этих стволов... Ты...

– Я сама не знаю, как так вышло.

– А зачем ты их столько набрала? Три штуки! Тебе одного мало было?

– Я... – Оксана невольно рассмеялась. – Я не знаю...

Андрей долго не мог заснуть. Что-то необычное происходило, начало происходить вокруг него. Эта Оксана? Зачем она ему? Это дикое приключение, не вписывающееся ни в какие рамки его размеренной жизни. «Она несчастный человек, – вдруг подумал Андрей. – Или ей просто не повезло. Черт возьми, как и мне! Но какая-то единая линия, какая-то связь мне не дает покоя. Я не могу понять, что это. Я чувствую это, но не могу понять. И эта женщина в плаще? Все происходит будто во сне. Все, как во сне. Завтра нужно что-то придумать».

– Возле отделения камеры точно есть, и скорее всего, меня засекли, – говорил он на следующий день. – Выяснить, кто я такой, они вряд ли смогут. У тебя документов не было, ты говоришь? В базе тебя быть не может. Ты тоже только на камерах. Если они плотно займутся, то рано или поздно, они на меня выйдут, через номер машины. Просто начнут высматривать все, что стояли в том районе.

– Это если они решат, что я села в машину, – сказала Оксана.

– Да. Если на камерах будет видно, что ты села в машину, то с них и начнут. Отделение, конечно, судя по тому, как ты их нагрела, не внушает доверия, но кто знает их внутренние ресурсы. Распространяться о том, что они потеряли три

ствола, они не станут, поэтому поначалу будут действовать сами. Но нужно быть готовыми.

– К чему? – поинтересовалась Оксана.

– Знать бы. Но, почему-то мне кажется, что стоит быть готовыми убраться из города.

– Не нужно было за мной следить! – вспыхнула Оксана.

– Ну, извини...

– Нет, прости, – осеклась Оксана, и тихо проговорила: – Ты меня прости. Ты мне помог. Я... погорячилась я...

– Ладно! – отрезал Андрей.

– Что нам делать?

Андрей задумался на мгновение, но вдруг встрепенулся.

– Все просто! – воскликнул он. – Почему-то это элементарное решение мне сразу не пришло в голову. Странно... почему? – Андрей примолк.

– Андрей, – позвала Оксана.

– Ты можешь просто их вернуть.

– А ведь, правда, – улыбаясь, произнесла Оксана. – И вот странно, я об этом тоже почему-то не подумала. Это же так просто!

– Ну, на самом деле, в таких делах ничего не бывает совсем уж просто. Вряд ли они тебя забудут скоро. Поэтому, я и говорю, надо свалить из города на какое-то время.

– Куда?

– У тебя же деревня!

Оксана опустила голову.

– Верно, – проговорила она. – Решено, так и сделаю. Подброшу их и все.

– Как ты их собралась подбросить?

– Я в парикмахерской работала. Одолжу парик, если меня не прогонят. – Оксана рассмеялась. – Не дадут, найду где-нибудь. Накрашусь до неузнаваемости, одежду поменять бы. Все в камере хранения.

– У меня тут есть кое-что, – неуверенно произнес Андрей.

– Ого!

– Осталось. Тебе великовато будет, но придумаешь что-нибудь.

– Вот, поменяю образ, запечатаю пистолеты в коробку, отдам ее дежурному и убегу, ни сказав, ни слова.

– Какой-то киношный, комедийный план. – Андрей рассмеялся.

– Как и вчерашнее происшествие.

Оксана переоделась в платье, случайно оставленное Ириной. Оружие обмотали скотчем, завернули в толстый слой газет и запаковали в коробку, которую также тщательно перетянули скотчем.

– Я тебя подвезу, – сказал Андрей.

– Нет! – твердо произнесла Оксана. – Нет, я сама.

– Оксана!

– Я сказала, нет. Я возвращаю им коробку, прихожу сюда, отдаю тебе шмотки твоей подружки, потом забираю вещи с Курского вокзала...

– Вещи заберу я, а то, не дай бог, тебя там встретят. После отвожу тебя к бабушке. Кстати, ты телефон мне свой скажи.

– Зачем?

– Как зачем? Вдруг что...

– Нет, Андрей, не стоит. И до деревни я сама доберусь.

– Оксана?

– Нет! – отрезала девушка.

– Если тебе помощь нужна будет?..

– Андрей! – перебила Оксана. Помолчав немного, она спросила: – Зачем я тебе?

Андрей не знал, что сказать.

– Ну, все, я пошла. Надеюсь, быстро получится. Найду парик, и вперед!

Андрей остался один. Он снова начал бродить по квартире, словно предчувствуя что-то. Что-то опять же необъяснимое. «Кто ты? – спрашивал он ту женщину. – Кто?»

Он прилег на кровать, размышляя о нарисованной им самим загадочной линии. Вскоре сказались последние несколько беспокойных и бессонных ночей, и он заснул.

Когда он проснулся, был уже вечер. Оксаны не было. «Может, она звонила, а я не услышал?» Андрей выглянул в окно и осмотрел двор. «Что-то пошло не так. Что я могу? Я общик, что я могу? Вот черт, думай, думай! Позвонить мне некому. А, может, она просто уехала? Не зря же она не оставила своего номера. Забавная девчонка! Непредсказуемая».

Через десять минут Андрей услышал звонок «домофона».

– Это я, – расслышал он слабый голос Оксаны.

Через пару минут она входила в его квартиру. Вошла она медленно, тихо, как привидение. В руках у нее была большая сумка, та, в которую они положили коробку с пистолетами. Она уронила сумку пол. Судя по грохоту, коробка была полной. Андрей с удивлением смотрел на Оксану. Он не мог ее узнать. Ее лицо было белым, как мел, губы дрожали. Она вся дрожала, дрожала всем телом...

– Что случилось? – с опаской спросил Андрей.

Глядя мимо него, Оксана с трудом проговорила:

– Я его убила...

У нее тут же подкосились ноги. Андрей едва успел ее подхватить.

Оксана уже подходила к отделению полиции, как у нее зазвонил телефон.

– Мама? Что у тебя с голосом? – испуганно спросила Оксана.

– Он так избил меня, что я не могу говорить, – сквозь слезы причитала мать. – День Победы отметил. Он живого места на мне не оставил. Доченька, я не знаю, что делать. Он сейчас заснул. Я боюсь, что будет, когда он проснется. Доченька...

– Мамочка, боже! Звони в полицию!

– Я боюсь.

– Я сама позвоню... – Тут Оксана ощутила тяжесть в руке

от сумки, и огонь завладел ее головою. – Мама, я скоро буду!

От образа, придуманного Оксаной для посещения отделения полиции, не осталось и следа в тот момент, когда она вбежала в подъезд своего дома.

Дверь открыла мать.

– Мамочка! – испугавшись синего с подтеками, окровавленного лица матери, крикнула Оксана и бросилась ей на шею, слезы брызнули у нее из глаз.

– Он проснулся, – прошептала мать. – Что ты хочешь сделать?

– Я тебе... Я тебе... – Оксана плакала.

– Ну, кто там еще? – раздался из комнаты отвратительный пьяный хрип.

Оксана осталась стоять на пороге, она опустила глаза и принялась глубоко вдыхать воздух. Она опустила сумку на пол, и что-то пряча в полах платья, направилась в комнату.

– Доченька... – успела простонать мать.

– А, это ты, шлюха? – прорычал Толя. – Все-таки хочешь, чтоб я тебя трахнул? Ну, иди сюда, дочурка. Иди, иди. – Отчим медленно, шатаясь во все стороны, поднялся с дивана и сделал шаг в сторону Оксаны. – Или тебя сначала отделать, как твою мать, такую же шлюху. Я узнал, я все узнал, ты украла мои деньги, тварь! Так, что я сначала отделаю тебя, сучка! – Он с трудом сделал еще один шаг.

Слезы текли из глаз Оксаны. Страх, гнев, чувство вопиющей несправедливости, как она думала, преследовавшей ее

и ее мать всю жизнь, овладели ею. Она горела, она полыхала.

– Ты больше никого не тронешь, тварь, – сквозь слезы промолвила Оксана, подняла руку, в которой она сжимала пистолет, и направила его в грудь отчима.

– Эй, дуреха, ты чего? – округлив глаза, спросил тот.

Оксана нажала на курок. Звук выстрела оглушил ее, дым заволок глаза. Толя распластался посреди комнаты и слабо подергивал ногами. Пуля, как после выяснилось, вошла прямо в сердце.

– Доченька, боже мой! – Мать вбежала в комнату

– Мамочка! – Оксана крепко обняла мать.

– Что ж теперь будет?

– Мама, – как можно тверже произнесла Оксана. – Прошу тебя, не сдавай меня сразу! Боже, я не знаю, что говорю. Пожалуйста! Мне надо уходить. Я принесла тебе твои деньги. Я как-нибудь справлюсь.

Мать безвольно опустилась на стул и примолкла, глядя на залитый кровью ковер.

– Мама, я люблю тебя! – Оксана бросилась к ней на шею и принялась целовать ее лицо. – Мамочка! Мама! Все будет хорошо, вот увидишь. И по телевизору ты меня увидишь, как я тебе и обещала. Мама! Мама, мне пора. Прощай!

Оксана еще раз обняла мать и выбежала из квартиры.

– Оксана, доченька... – в никуда проговорила мать.

Андрей отнес Оксану в спальню, уложил на кровать и за-

кутал в одеяло. Дрожь пробивалась наружу. Оксана силилась что-то сказать, но не могла.

– Я сейчас. – Андрей начал рыться в аптечке, скудно наполненной лекарствами, но ничего подходящего не нашел. – Да что я!

Он забежал на кухню, вытащил из бара бутылку коньяка, наполнил бокал и вернулся к Оксане. Та так съежилась, что казалось, она уменьшилась в размерах.

– На, выпей.

Коньяк выплескивался наружу, лишь с пятой попытки она смогла сделать глоток, потом еще, еще.

– Я еще налью.

Оксана выпила еще. Тепло расплылось по телу, она ощутила свою гибкость. Через несколько минут она перестала дрожать.

– Тебе бы ванну принять, да поспать, – сказал Андрей.

– Ванну не могу, можно я останусь так, лежать? – будто маленький ребенок спросила Оксана. – И можно мне еще глоток?

Коньяк произвел свое волшебное действие. Оксана лежала все также, съежившись, но было видно, что она успокоилась.

– Спи, – сказал Андрей.

– Пожалуйста, останься со мной. Андрей, пожалуйста.

– Конечно.

Андрей прилег рядом, со спины, и обнял Оксану, держа

ее руку.

В Мехико Гевара поселился на квартире пуэрто-риканского деятеля Националистической партии, которая выступала за независимость Пуэрто-Рико и была вне закона из-за учиненной ее активистами стрельбы в конгрессе США.

– Сергей Сергеевич, это Андрей, может, помните меня? Я часто бывал у вас со стареньким «Фордом». Да, да, да. У меня теперь другой аппарат, новый, но я звоню вам по другому вопросу, деликатному. Я как-то слышал, вы говорили об этом. Может в шутку, может, нет. Могу я к вам подъехать?

– Теперь дело пойдет гораздо быстрее, поверь, – говорил, собираясь, Андрей. – Где твои вещи, в какой ячейке?

Оксана ответила.

– Твое фото уже в отделении, и они гадают, из какого из трех пистолетов, ты стреляла. Но это уже не шутки, и ресурсы включают на полную. Вот мой рюкзак. Если будет скучно, можешь собрать для меня вещи, которые считаешь нужными. А также то, что можно забрать с кухни и из инструментов, ну, это я уже сам... Я скоро вернусь.

– Мне страшно, – призналась Оксана.

– Мы со всем разберемся, – уверенно сказал Андрей и выбежал из квартиры.

В банках он обналичил все свои карточки. Сумма получилась внушительная. «Не все так плохо». После он приехал

в автосервис.

– Сергей Сергеевич, отойдемте, пожалуйста, – предложил Андрей.

– Интригуешь, Андрюша.

– Я имел в виду ваш разговор о номерах.

– О, как! – удивился Сергей Сергеевич. – Тебе?

– Мне.

– Как такой приличный молодой человек мог попасть в очень неприличную ситуацию?

– Долго рассказывать. И документы на машину, – продолжил Андрей.

– Это серьезно. С твоим именем?

– Нет. И права.

– Что, может тебе и паспорт поддельный нужен?

– А вы можете?

Сергей Сергеевич рассмеялся.

– Это не моя специализация. Срок?

– Как можно быстрее.

– Это недешево.

– Я понимаю.

– Два дня, и вот сумма, – Сергей Сергеевич написал на листочке бумаги. – И лучше все сейчас. Сам понимаешь.

Андрей отсчитал нужную сумму денег и передал Сергей Сергеевичу.

– Отличный мотор! Как сумел?

– Кредит.

– Молодежь! Тачку оставляй, спрячу. Позвоню, как будет готово. Бывай.

Забрав вещи Оксаны с вокзала, Андрей вернулся домой.

– Как я это потащу? – увидев, сколько всего Оксана затолкала ему в рюкзак, спросил он.

– Сам просил.

– Ладно, остальное я сам выберу. Глупый вопрос, возможно... у тебя есть, где можно пару дней перекантоваться?

– Говоришь, как заправский уголовник. Придумаю.

– Прощай, моя ипотечная квартира. Прощайте, мои кредиты. Грустно...

Только сейчас Андрей осознал, что так запросто, в один миг, прощается со своей прежней жизнью, фактически, ломает ее, и отправляется в неизвестность.

За небольшую плату Андрею с Оксаной позволили провести две ночи в камере одного из ночных клубов, в которых как-то бывала Оксана.

Через два дня на автомобиле с новыми номерами и с новыми документами Андрей с Оксаной выехали из Москвы.

– Ох, дуреха, ты дуреха! И когда ты образумишься? Тридцать лет уж за спиной, а она ни при муже! – сетовала мать на Марию. – На тебя обращать внимание уж скоро перестанут. Ну, что, что ты так смотришь на меня? Забудь о нем! Чудес не бывает. Пятнадцать лет в три года не превратятся. А он уже три года, как сидит.

– Мама! – воскликнула Мария. – Довольно меня мучить! Мария хлопнув дверью, вышла из дома.

Случилось это четыре с половиной года назад в Волгодонске, в самом центре. Она прогуливалась после работы, как услышала за спиной твердый мужской голос:

– Прошу прощения, девушка, разрешите вручить вам этот замечательный букет. Он настолько красив, что подойдет только самой красивой девушке.

Это был Слава, Вячеслав Кортнев, майор в отставке, всю жизнь отслуживший на Дальнем востоке, а после отставки устроившийся на работу в Ростовскую АЭС. Ему было под пятьдесят, ей не было тридцати. Она мгновенно в него влюбилась. Когда мать узнала о разнице в возрасте, чуть с ума не сошла. Но отставной майор произвел на нее такое приятное впечатление, что она сдалась при первой же встрече с ним.

Через год они начали планировать свадьбу. Но тут про-

изошел случай, перевернувший всю их жизнь. Маша работала официанткой в одном из ресторанов Волгодонска. О работе они со Славой договорились заранее. Сразу после свадьбы она увольняется и превращается в домохозяйку. А если уж очень не терпится, то идет работать на станцию, к нему. «Официантка это не та профессия, которой можно гордиться и работать всю жизнь». А Маша выросла в деревне, всю жизнь в огороде, ни образования, ни связей. Отца она не знала. Всю жизнь с матерью, всю жизнь на земле. Лишь позже, когда ей минуло двадцать пять лет, они сумели продать свой деревенский дом и переехать на окраину Волгодонска, также в отдельный дом.

А случай был такой. Маша заканчивала смену, а Слава ждал ее в том же ресторане, где они и собирались поужинать. К слову сказать, именно в этот день отставной майор намеревался сделать Маше предложение руки и сердца. До окончания смены оставалось пятнадцать минут, нарядное платье Маша приготовила.

За одним из столов гуляла компания, судя по всему относительно высокопоставленных чинов города. Все они были в изрядном подпитии. И один из них стал приставать к Маше. Причем приставания он сопровождал грязными шутками, да намеками, вызывавшими дружный смех компании. Ни прошло и двадцати секунд, как возле их столика возник Вячеслав и попросил извиниться перед девушкой. Он был послан в той же грязной форме и под тот же громкий хо-

хот. Недолго думая, Вячеслав схватил обидчика за шиворот и вытащил из-за стола. Все тут же поднялись со своих мест, а через минуту завязалась драка. А итогом драки стал труп того самого обидчика Маши. Слава не рассчитал силы. И был это труп заместителя начальника РОВД. Несмотря на то, что убийство было непредумышленным и предполагало максимум четыре года лишения свободы, дело обыграли так, что Вячеслав получил пятнадцать лет колонии строгого режима и был отправлен отбывать срок в Пермский край.

А Мария писала обращения во все возможные органы власти, ждала и надеялась на чудо. Она ждала своего любимого Славу, и ни о ком другом думать не хотела.

Странная вещь – жизнь.

Мартовский снег не хотел таять. Он не то, что не таял, он продолжал плавно оседать на землю, готовую к весне. Морозило.

– Слышь, Могила, и долго мы в этой берлоге торчать будем? – спросил Кортнев.

– Ты, Корт, меня слушай, это моя третья ходка. Рано еще. К тому же снег пошел. Следы, как на ладони. Скажу, когда по округе лазать перестанут. Тут, если что, подземный ход есть. Укроемся, не выдернут.

– И ты уверен, что об этом месте никто не знает?

– Что ты по десять раз одно и то же гоняешь? Знают, кому надо. Для добрых воров ничего не жалко.

– Я не вор.

– Ты свой, брат. Один бы я не слинял. Ты так подсобил, что я все тебе выложил. Ты наш, нашей братии.

– Наконец, хочу спросить тебя, вы всю страну тайниками законопатили?

– А как же. Как узнать, в какой зоне окажешься? Эта карта бесценна. Кое-где и деньгами разжиться можно. Оружием! На Кавказе его море. Как после войны раскидали, так и осталось. Кому без надобности, возвращает.

– И не один тайник не открыли?

– Все может быть, Корт, я не все знаю.

– Тут все, и паспорта новые сделать можно?

– Вот ты докопался. Память короткая? Это, как энциклопедия, как путеводитель по воровской земле. Только я не хочу так быстро разбегаться. Понял?

– Да понял я, понял. Давай спать.

Уже неделю, как Кортнев сбежал из колонии вместе с воров по кличке Могила. Так называемый справочник, которым Могила обещал поделиться с Вячеславом, был довольно объемным, и не всегда понятно написанным. Но одно, где-то в самом конце, Кортнев отметил сразу. Было это написано как бы между строк, но смысл он понял. И состоял он в том, что если путеводитель этот попадет в руки чужого, не входящего в братву, к которой принадлежал Могила, человеку, его надлежит немедленно кончить. При Могилах Кортнев редко брал справочник в руки, лишь так, полистать, да

картинки посмотреть, поэтому он был уверен в том, что Могила не знает о том, что Вячеслав ждет от того удара в спину. Хоть он и помог Могиле сбежать. Хоть и достиг на зоне уважения, чем он поначалу не гордился, но после привык, и к концу второго года был в авторитете, о чем узнали не только в его колонии. И случилось это не потому, что все знали, за что он сидел, конкретно, за кого, а просто был он сам по себе таким. И сейчас он ясно осознавал, что он уже далеко не майор Российской армии, он Корт, блатной, авторитет.

Когда съестные запасы начали подходить к концу, на удачу, снег прекратил падать, а наоборот, начал таять, они вышли из укрытия и двинулись на запад. Начиналась весна.

«Маша, я иду к тебе, – с содроганием сердца, думал Вячеслав. – Скоро мы снова будем вместе!»

Могила с Кортневым искали брод через реку. Было это уже километрах в ста от колонии. До первого тайника оставалось совсем немного.

– Умыться бы, – сказал Могила. – Давно такой воды не было. – Он присел на корточки на берегу и зачерпнул воду руками.

– Согласен, – сказал Кортнев, в тоже время, заметив незнакомые нотки в интонации Могила. Он присел на корточки, но просто смотрел на воду.

Могила закончил умываться и поднялся, отходя от берега. Вячеслав продолжал сидеть, не теребя речную гладь. Он еле расслышал шаги за спиной и тут же в отражении реки

увидел, как Могила замахивается ножом. Кортнев в мгновение ока отскочил, перехватил руку Могилы, выбил нож, и оттолкнул нападавшего ногой. Нож лежал возле ног Вячеслава.

– Я ждал этого, – сказал он. – Ты не представляешь, как тяжело мне было засыпать каждый раз, зная, что ты можешь во сне перерезать мне горло. Кстати, почему ты этого не сделал? – Кортнев подобрал нож.

– Ты брат, в авторитете. Я уважаю тебе. Хочешь верь, хочешь нет. Не хотел, чтоб ты сдох, как собака. Не правильно это.

– А в спину правильно? – Кортнев подходил к Могиле.

– Э, ну что ты. Давай мирно разбежимся, прямо здесь. Я Могила, ты знаешь.

– Знаю, что сдашь меня своим корешам. Ведь эту библию я тебе не отдам.

Могила зло смотрел на Кортнева. Он был в отчаянии.

– Есть еще перо? – спросил Вячеслав.

– Одно, ты же знаешь.

– Тогда, прости.

Кортнев вонзил нож в сердце Могилы.

Мария работала официанткой в том же ресторане. Несколько раз, после того, как Славу отправили отбывать срок, она пыталась устроиться либо на саму станцию, либо на предприятия, смежные с ней, либо каким-то образом, имеющим к ней отношение, либо на какой другой завод го-

рода, ее никуда не брали.

Май полыхал, весна бежала навстречу лету, которое здесь уже было в самом разгаре. Весна рвала душу Маши. Слезы уже не спасали, закралась опасная тоска.

Ее смена подходила к концу. За окном было еще светло, и она собиралась по окончании работы прогуляться по городу. Домой идти не хотелось. Последний разговор с матерью не пускал ее в родные объятия. А такого рода разговоры неумолимо набирали обороты и учащались в последнее время. Мария услышала, как хлопнула входная дверь.

– Маш, обслужи последнего на сегодня, хорошо?

– Без проблем, – ответила та.

Она взяла меню и направилась к мужчине, который только что вошел и, присев у входа, развернул газету, полностью, таким образом, закрыв себя.

«Интересный гражданин, – подумала Мария. – Кто газеты тут читает, да и, вообще, читает газеты?»

– Чего изволите? – спросила она подойдя.

– Маша, не подавай вида, я просто хотел убедиться, что ты тут. – Мужчина опустил газету.

Меню выпало из рук Марии.

– Слава, – дрожащим голосом произнесла она.

– Принеси мне чашку кофе и все. Я буду ждать тебя снаружи. Ты когда заканчиваешь?

– Прямо сейчас, – ответила Маша, еле сдерживая слезы, и в то же время, улыбаясь.

– И меню подними. Успокойся. Нельзя, чтобы кто-нибудь тебя сейчас в таком состоянии увидел. Готова?

– Да, – Маша мигом вытерла слезы, подняла меню и отошла от столика.

– Слава, Слава, – твердила Маша, пока они удалялись от ресторана.

– Подожди, дорогая, давай где-нибудь присядем. Вон, парк, наконец.

– Тебя выпустили? – спрашивала Маша, когда они присели на лавку. – А мама не верила, все женихов мне навязывает.

– Маша, выслушай меня внимательно, – серьезно проговорил Кортнев.

Маша удивленно взглянула на него.

– Маша, – повторил Вячеслав. Но тут же не выдержал и что есть силы обнял Марию. – Машенька, как долго я к тебе шел, как мне тебя не хватало, только о тебе я и думал... Маша.

– Слава. – Мария опять заплакала.

– Меня не выпустили, – спустя некоторое время проговорил Кортнев. – Это побег. Я в розыске. Ты понимаешь, что это означает?

Мария испуганно кивнула.

– Если я попадусь, то сяду уже до конца дней своих. Но, пятнадцать лет, это почти то же самое. У меня новый паспорт. Я не Слава. Я Алексей Федорович Котов. Но, лицо я

не поменял. — Слава усмехнулся. — Так что, не все так гладко. Оставаться здесь я не могу, как нельзя, чтобы кто-нибудь здесь меня увидел, даже твоя мама. И даже сейчас я рискую. Не исключено, что за тобой ведется наблюдение. Прошло уже... но я не мог иначе. Я не выдержал. Рискнул — прямо в ресторан! Я пришел за тобой.

— Славочка, я готова пойти за тобой, куда ты скажешь! — в сердцах воскликнула Мария.

— Не торопись, Маша. Подумай. Ты потеряешь ту жизнь, что у тебя есть, что была всегда, ты станешь моей соучастницей, ты будешь также в бегах, пока я что-то не придумаю. Это очень тяжело. Для меня тоже. Я не хотел этого сначала, но не смог ничего с собой поделать. Мне просто необходимо было тебя видеть. Я... это подло, подло с моей стороны, я признаю, но, любимая...

— Слава, я на все согласна. А эта жизнь, о которой ты говоришь... разве это жизнь? Я будто в заточении, так же, как и ты был совсем недавно. Если ты забереешь меня, я вздохну свободно. И пусть я стану сообщницей, пусть окажусь в бегах. Я готова, я готова на все, лишь бы быть с тобой.

— Подумай, Маша, — настаивал Вячеслав.

— Я хочу забыть эту жизнь.

— Подумай. Сейчас в тебе говорят эмоции. Возьми столько времени, сколько хочешь. Я буду ждать. Но подумай хорошо.

— Нет, Слава, я уже все решила.

— Маша, прошу тебя. Не показывай вида, что что-то про-

изошло. Думаю, твой дом может находиться под наблюдением, как и ресторан. Но, я так хотел... совсем потерял бдительность. Я... я потерял голову, только сейчас это понимаю. Но, может все обойдется. Каждый день я буду ждать тебя в восемь вечера на том самом месте возле реки, где...

– Где ты впервые поцеловал меня.

– Да, Машенька.

– Если ты решишься, то возьми все необходимое... Боже, что я творю...

– Я поняла, Слава. Я хорошенько подумаю. А ты будь осторожен.

Конечно же, и за домом Марии, и за ней самой велось наблюдение, велось с первых дней, как Кортнев был объявлен в розыск. Но прошло два месяца после побега, а он все не появлялся в Волгодонске. И наблюдение постепенно ослабло, ослабло до такой степени, что его фактически сняли, выполняя лишь дежурные проверки в рамках соответствующих инструкций. Кроме того, укомплектованность кадрового состава не позволяла использовать сотрудников только лишь для того, чтобы круглосуточно сидеть в засаде или бродить за выделенным объектом, больше ничего не делая. Да и сам Кортнев не попадал в разряд преступников, на охоту которых имело бы смысл кидать целую армию. И бывшему майору повезло!

На следующий же вечер Мария прибыла в условленное место, неся в руках небольшую спортивную сумку.

– Маша!

– Слава, я думала всю ночь, весь день, но это даже не важно, я думала все эти три года. Мне не в чем сомневаться. И эта никчемная жизнь, с которой я так и не смогла поладить, пусть остается здесь. Я ведь и на станцию пыталась устроиться, и на завод, все, как ты и хотел. Но, у меня не получилось. Образования нет... Боже, о чем я?

– Машенька, я люблю тебя, – не сдержался Кортнев.

– А как я тебя люблю, Слава!

– Ты мне все после расскажешь. Нам пора. Ты куда хочешь поехать?

– К морю, – сказала Маша и рассмеялась.

– К морю, так к морю. Тут недалеко. Как раз, в Черкесию заглянем.

– Зачем?

– После расскажу. Идем, нам нужно успеть на автобус.

– На море? – снова рассмеялась Маша.

– Не сразу, думаю. И, Маша, помни, будь осторожна. Что ты матери сказала?

– Ничего. Я ей позвоню, когда мы будем далеко. Но, я не смогу ей объяснить. Это же... мне так ее жаль. Но... что я могу сделать?

Жил в Москве Петр Ильич Гордон. Когда-то на правах партнера он открыл фирму по продаже мужской одежды. Был это сначала магазин, позже переросший в сеть, и довольно успешную. И был Петр Ильич кроме всего прочего генеральным директором этой самой фирмы. Уже почти двадцать лет. Сейчас ему было уже под шестьдесят. Каким образом он стал успешным бизнесменом, он до сих пор сам понять не может. По-хорошему, все дела вел его партнер, основные вопросы решал именно он, а Петр Ильич был директором, ну, и партнером. Как он решился вложиться в совершенно неизвестный ему бизнес? Он вспоминает то время, и ему кажется, что его загипнотизировали. Или жена уговорила выложить почти все деньги, что он заработал в проектном институте, будучи руководителем направления. Как он стал руководителем направления? Для него это тоже загадка. «Какой я руководитель? – искренне удивлялся он сам себе. – Какой я директор?» Петр Ильич был настолько нерешителен, что не мог ни слова сказать, ни первый шаг сделать в каком бы то ни было направлении. Талантливый человек талантлив во всем, – так говорят. Он и в институт поступил только по наказу отца, и именно в тот, который выбрал отец. Отец же устроил его по окончании института на работу. Также, не спрашивая сына. И там он проявил себя,

как грамотный специалист. Но, как думал сам Петр Ильич, все это происходило по наитию. Через пятнадцать лет работы в институте появился будущий партнер, предложивший открыть свой бизнес. Жена познакомила. Петр Ильич согласился. И он генеральный директор. У него взрослый сын, который работает в той же сети.

Все замечательно у Петра Ильича! Успех! Что это? Везение, чудо? Возможно, но уже много лет подряд Петр Ильич находится в жутком нервном напряжении. Не из-за проблем на работе, нет! Из-за самой работы, из-за предыдущей работы, из-за института, в котором он учился. И это не все, из-за жены, которая его ни во что не ставит, и, просто-напросто, презирает, из-за сына, который его ненавидит, и отцом никогда не называет. Почему? Как так могло произойти?

– Я в детстве мечтал стать писателем, настоящим, великим писателем. Я видел себя за столом, заваленным книгами, бумагами, перьями и заставленным чернильницами. Это некая мистификация. Но, это была мечта. И писал я с самого раннего детства, но никогда никому ничего не показывал. Стеснялся, боялся, что засмеют. Не решался, одним словом. А делал я только то, что мне велели. Изучал то, что велели, ходил туда и так, как мне велели. Велели поступить – поступил, велели пойти работать именно туда – пошел, велели открыть бизнес – открыл. Мне было все равно. Я хотел быть писателем, а всю жизнь утопил в том, что мне не то, что бы было неинтересно, меня от этого вводило всегда в такую тос-

ку, что ком подбирался к горлу, и я думал, меня стошнит от самого себя. Вы думаете успех, это хорошо? Несомненно. Но, только, если это твой успех, личный, или тот, в котором ты принимал активное участие, с интересом, заметьте, с запалом. А не из-под палки. Но, я очень слабый человек. Я трус и неудачник. Именно, неудачник. Я сломал свою жизнь. А ведь мы с женой любили друг друга. Как вышло, что она перестала считать меня мужчиной? Каким должен быть отец, чей сын работает в его же компании, чтобы его, отца, сын ненавидел, стеснялся внутри той же компании того, что он его отец? Что это вокруг?

Тоска, дно, позорный столб, бездна, тюрьма...

– Получается, что я сам закабалил себя в свою ненужную мне жизнь. И, если бы сам! Я наблюдал за тем, как меня вяжут и направляют туда, куда я совсем не хотел идти. Да, у меня много денег. Но, зачем они мне? Если тебе плюют в лицо даже твои близкие люди, какое значение имеет твой статус? Вы думаете, я директор? Да со мной не здороваются даже охранник. Забывает что ли? Уважение? О чем вы? Я не знаю, что это такое. Самоуважение? У меня никогда его не было. Что это?

Тоска, дно, позорный столб, бездна, тюрьма...

– Я в рабстве у собственного малодушия, слабости. Философ Фома Аквинский считал малодушие грехом. Я грешен. Ведь самоубийство это тоже грех. Я убил собственную жизнь, я потопил свои мечты, свою цель, я пал под гнетом

окружающих меня людей и обстоятельств. И в то же время, я грамотный инженер и управленец. Как так? Но мне это не нужно! Я повторяю. Мне больно...

Дно, бездна, тюрьма.

– Я своими руками, управляемыми кем-то другим, соорудил себе тюрьму. Я малодушен и жалок. Да, я порой плачу. Не могу с собой ничего поделаться. Почему? Из жалости к самому себе. Вы где-нибудь видели плачущего над судьбой успешного с виду человека. Я устал. Я бешено устал. Я устал жить такой жизнью. Я больше не в силах терпеть это презрение... но, господи, я не могу ничего с собой поделаться. Как завоевать уважение такому человеку, как я, да еще в таком возрасте? Жизнь прошла, словно и не начиналась. Вы думаете, это все выдумка, фантастика? Всякое бывает. Я не лгу, я даже для этого слишком слаб.

Петр Ильич сидел в своем кабинете поздним вечером. Рабочий день давно закончился. Жена не звонила ему, ей было все равно, где он пропадает, он это прекрасно знал. Он сидел, опустив голову.

– Что мне делать? Я больше так не могу. – На его глазах выступили слезы.

Вдруг что-то промелькнуло прямо перед ним.

– Господи... – Он протер очки.

Вдруг в кабинете погас свет, и даже свет с улицы, на которой было еще довольно-таки светло, словно сжался и забросил в помещение темноту.

– Что это? – прошептал он.

Тишина. Снова что-то промелькнуло перед глазами. Петр Ильич начал крутить головой и вдруг ему показалось, что он видит женский силуэт, закутанный в черный плащ.

– Что со мной? – еле выговорил он. Какое-то незнакомое ощущение охватило его, словно огонь полыхнул в его голове. Свет зажегся. Все было, как прежде.

– Я схожу с ума?

– Ты помнишь, что мы идем завтра на банкет? – спросила его жена, когда он вернулся домой.

– Помню.

– Что? Ты можешь четче ответить?

– Помню, – немного громче произнес Петр Ильич.

– Фрак не забудь взять на работу. Ты с работы поедешь?

– Я, да, с работы, возьму...

– Вот ты мямля. Все, встретимся уже там. И я прошу, либо молчи там, либо отвечай «да», или «нет». Только не позорь меня.

– Так это банкет для...

– Это не твое дело. Я все сказала. Я позвоню, а то ты еще забудешь. Ты же... Ладно. Все.

Петр Ильич не мог заснуть всю ночь, он то и дело поднимался с кровати и подходил к окну (они с женой спали в разных комнатах). И вдруг что-то его будто толкнуло, толкнуло изнутри него самого.

– Я же еще могу что-то исправить? Я же не при смерти. И даже, если я буду при смерти, то я хотел бы оказаться совсем в другом положении. Но, что я могу? – Он сел на кровать. Слезы снова навернулись на его глаза. – Опять, опять. Как скоро стихает порыв. Но, это впервые в моей жизни! Пусть мгновенный, но это порыв. Боже мой! И мне нет и шестидесяти. Я еще смогу стать писателем. Боже, боже мой!

Фрак он забыл. Он, покидая офис, даже забыл о том, что его, вообще, нужно было взять. Выйдя на парковку, он подошел к своей машине, большому серебристому внедорожнику, «Range Rover», когда зазвонил телефон. Это была жена. Он принял вызов и поднес телефон к уху. Тут же он скорчил лицо, что-то прошептав, и сказал в трубку:

– Нет, не взял.

Судя по тому, как менялось выражение его лица, на той стороне его отчитывали, и далеко не в мягкой форме. Его глаза постепенно становились влажными. В этот самый момент он ясно вспомнил, что с ним произошло накануне вечером в офисе. Ночные мысли вихрем пронесли у него в голове, и он ощутил тот же жар пламени.

– Если я козел, то кто тогда ты? – прокричал он в трубку неожиданно для себя самого. Он опустил руку и глубоко выдохнул, оглянувшись по сторонам. Он снова поднес трубку и четко произнес: – Я не пойду на этот чертов банкет. Плевать я хотел! Делай, что хочешь. А я... Я... я уезжаю! Да,

уезжаю прямо сейчас! Это не имеет значения. Все, считай, меня больше нет. Прощай!

Петр Ильич тяжело дышал. Отдышавшись, он со всего маху разбил телефон об асфальт и, сам того не ожидая, громко рассмеялся. Он смеялся и смеялся, не пытаясь остановиться. Он смеялся до слез. Но это были уже другие слезы. Немного успокоившись, он поднял голову и закричал во все горло:

– Это я! Теперь это буду только я! Я сам! Я!

Через час он покинул Москву, направив свой шикарный автомобиль на юг.

Жил в Москве Иван Владимирович Шоцкий, полковник Министерства Внутренних Дел. Коллеги называли его по-разному: «железный Феликс», «робот», «машина УГРО», «Железный человек», «ходячие погоны». И все это не из дружеских побуждений, или из злости, это не было юмором, не было чем-то надуманным. Это происходило само собой. Его не боялись и не считали своим, его не уважали и не испытывали презрения. Как к нему относились? Никак. Он был, действительно, машиной. Ему было сорок пять лет. Жена ушла от него почти десять лет назад, забрав с собой дочь, сказав, что больше не может жить с бездушным агрегатом, рабом погон и всей этой системы. «Ты, словно раб лампы!». После развода Шоцкий не видел ни дочь, ни жену.

Он был первоклассным исполнителем. Одет всегда с иголочки, строго по уставу. Он жил по уставу. Он сам был уста-

вом. И к нему, если и относились как-то, то точно так же, как можно было относиться к уставу, или инструкции. Не было ни одного приказа, отданного ему, которого бы он не выполнил с точностью до последней запятой. Это была его жизнь. Он жил системой. Такого исправного служаку еще нужно поискать, как отзывалось о нем начальство. «Выполнит все, что ему прикажут, рекомендую. Прикажете пустить себе пулю в лоб, пустит, не задумываясь. Скажите «фас», отыщет все, что прикажете. Талант к службе».

Этим талантом пользовались все, не исключая тех, кто был младше его по званию. А что касается вышестоящего начальства, так те просто считали его своей вещью, которую можно было использовать по любому, в первую очередь, конечно же, служебному назначению.

Когда Шощкий обедал в столовой, то всегда сидел один. К нему никто никогда просто так не подходил, никто никогда просто так не заговаривал. Друзей у него не было. Он был, как одинокий служебный пес, стоящий на страже системы. О чем он думал, никто никогда не знал. Все были уверены, что думает он исключительно о полученном приказе, либо о приказе предстоящем. Никому в голову не могло прийти, что этот человек, вообще, способен думать о чем-то отвлеченном.

И дело было не в любви к работе, которую он, имея определенный талант, исправно исполнял. Он был подчиненным! Такова была его суть. Его жена была права, назвав его рабом

лампы.

Но, всякое бывает...

Вечером, в день своего сорокапятилетия, он сидел у себя дома и смотрел в окно. Полчаса он просидел без движения, после чего встал, достал из холодильника бутылку водки, вскрыл ее и доверху наполнил граненый стакан. Поставив его перед собой, он еще какое-то время просидел, на этот раз, глядя в пол. После он схватил стакан и большими глотками выпил все его содержимое, ни разу не поморщившись. Он поставил стакан обратно и снова опустил голову вниз. Через несколько минут он повторил процедуру, также, не поморщившись и не закусив. Вскоре бутылка была пуста. Шоцкий сидел, опустив голову. Через некоторое время он поднялся, подошел к тумбочке и достал оттуда табельный пистолет. После он подошел к гардеробу и открыл его настежь. Перед ним красовалась его парадная форма, увешанная медалями. Постояв перед ней несколько минут, он отошел назад, передернул затвор пистолета и направил его дуло в сторону кителя, в то место, где должно было быть сердце.

– Должно было быть, – прошептал он. – Раб лампы...

В этот момент свет в комнате погас, и Шоцкому почудилось, что перед его глазами пронеслось что-то, напоминающее женский силуэт, закутанный в черный плащ. Он тряхнул головой, и свет тут же зажегся. Он закрыл гардероб, положил пистолет на место и лег спать.

На следующий день полковник Шоцкий вышел на работу

и как всегда приступил к своим обязанностям.

Жил в одном ауле на юго-западе Карачаево-Черкесии, недалеко от границы с Грузией, молодой парень по имени Ислам. Было ему девятнадцать лет. И жил он у своего дяди, Джабраила, самого уважаемого человека не только в ауле, но и в окрестностях, а то и во всей республике. А жил Ислам у дяди потому, что родителей у него не было. Мать умерла, когда ему было пять лет, отец скончался три года назад. В отличие от Джабраила, отец Ислама не был столь успешен. Более того, он был, как после говорил его дядя, позором их рода. Когда мальчику исполнилось двенадцать лет, его отец сильно задолжал Джабраилу, и в качестве долга отдал ему своего сына на работы на три года. Три года прошло, прошел год, отец Ислама умер, прошло еще три года, а он продолжал работать на дядю. Выполнял он любые поручения, что ему давали. Чистил, мыл, убирал, строил, пас скот. И работал он за еду. Офисное рабство это блеф. В мире остались места, где, если не процветает, то присутствует истинное рабство. Ислам не сразу это понял, но когда понял, а случилось это тотчас после смерти отца, в шестнадцать лет, он обратился к Джабраилу. Он был привязан к столбу и избит плетьюми. Бил его сын Джабраила, его двоюродный брат. После он неделю провел в яме на воде и черством хлебе. А на дворе всю кипел двадцать первый век.

С этих пор Ислам частенько был бит плетьюми и сидел в

яме. За малейшую провинность. Особенно, если дядя узнавал о том, что в свободное время, а такое Исламу порой предоставляли, он упражнялся с кинжалом, что стало его любимым увлечением. В ауле догадывались о том, в каком качестве Ислам живет у Джабраила, но молчали. Джабраила боялись. Гораздо позже Ислам понял, что Джабраил занимается вещами, не имеющими к закону никакого отношения. В этом Ислам понимал мало, школа для него закончилась рано, но видел не раз, как в доме дядя принимал гостей, приезжавших на огромных машинах, в которых сидели огромные люди, поглаживая рукоятки пистолетов. Да, дядя был одним из них, как и его сын, и вся его семья. Видимо отец Ислама не сжился с ними, вот и оказался на обочине, но об этом Ислам мог только догадываться. Приезжали гости к дяде регулярно, раз в месяц. Ислам даже отметил, по каким дням это происходило. Порой их было так много, что Исламу казалось, что аул заполняла целая армия.

Почему он не сбежал? Он сам не мог ответить на этот вопрос. Но думал он об этом каждый день, каждую минуту.

– Почему я не бегу? – шептал он, сидя в очередной раз в яме. – Я знаю. Я знаю, почему. Но я не знаю, как это сделать. И сразу всех. Всех до единого.

Была ночь. Ислам слышал, как заскрежетали его зубы. В это мгновение ему показалось, что в яме кто-то есть. Он ментально вскочил. Что-то промелькнуло перед глазами и будто бы вылетело наружу. Исламу показалось, что это была

женщина, закутанная в черный плащ.

Да, как решил Ислам, бежать он смог бы только после того, как отомстит дяде за все. Уничтожит и его и все его бандитское семейство. А еще лучше и всех, кто к нему приезжает.

Однажды, когда он пас скот в горах, он наткнулся на необычно сваленную гору камней. Он с легкостью раскидал камни, после разгреб сваленные ветви деревьев и обнаружил небольшой склад оружия. Тут были и пистолеты, и автоматы, и гранаты, и станковый пулемет, еще какие-то ящики. Сначала Ислам дико испугался, решив, что это принадлежит его дяде. Потом подумал, для чего дяде делать тайник так далеко от дома и в неясном направлении от него, вдали от всех дорог. Он забросал яму ветками, завалил камнями, и стал готовить план мести.

Андрей старался избегать главных трасс, выбирая объездные пути.

– Хотя, черт его знает, может на пустой бетонке мы и влипнем. Нет у меня опыта в таких делах. Но, посмотрим.

– Прости меня, – еле слышно произнесла Оксана.

– Что ты опять начинаешь?

– Если бы не я...

– Это мое решение, и не нужно тут матриархат устраивать!

Оксана невольно улыбнулась.

– Только сейчас решила тебя спросить, а куда мы едем?

– Не знаю, – ответил Андрей, – нам нужно было регион покинуть, чтоб у них было время на размышление для передачи нас в федеральный розыск.

– Откуда ты это знаешь? – удивилась Оксана.

– Не помню, может, читал, может, в кино слышал. А ты куда бы хотела?

– Я? – Оксана задумалась. – Честно?

– А как же еще?

– Я никогда на море не была, – призналась Оксана. – Прости, я просто так...

– Море, так море. Не зря же мы в сторону юга двинули. Чутье. Но, у меня для тебя неприятная новость, – грустно произнес Андрей. – Не решался сказать.

– Какая? – испуганно спросила Оксана.

– У нас с деньгами проблема. Все ушло на номера, документы. Осталось, конечно, но нам неплохо бы палатку купить. Это будет дешевле, да и безопасней отелей. Мы еще не ночевали. – Андрей взглянул на часы. – А скоро придется. Так вот, в машине каждую ночь мы долго не выдержим. Не предназначена она для этого, или мы не предназначены для этого же. Но, это лирика. Деньги пока какие-то есть. Но, сложно предположить, что нам понадобится еще. Я теперь думаю, какого черта я потратился на эти документы, если жрать нечего будет, да бензин не на что будет купить. Лучше бы скинул тачку за полцены и... ну, вот я баран!..

– Успокойся, Андрей. Раз переночуем, там видно будет. Но, это тоже не главное.

– Я знаю, что ты хочешь спросить.

– Что мы будем делать потом?

Андрей молчал.

– Мне вчера дали свободу, что я с ней делать буду? – проговорил Андрей.

– Что?

– Это Высоцкий. Мне нечего тебе сказать. Я думаю только об этом, но ничего не выходит. Плохо думаю. А у тебя есть мысли?

– Только о море.

Андрей с Оксаной рассмеялись.

– Скоро совсем стемнеет, – сказал Андрей. – Предлагаю

не выезжать из Рязанской области и заночевать.

– Потом будет... Тамбовская? – спросила Оксана.

– Ага, – ответил Андрей, – и там волки.

– Это меня не пугает, – задумавшись, произнесла Оксана.

– Кстати, я не такой хороший водитель, – заметил Андрей, – тем более, на большие расстояния я не часто отправлялся. Ехать мы будем долго. По трассе-то можно было мигом на берегу оказаться, а так... посмотрим.

– Нам и спешить пока некуда.

– Да, и от расстояний скорость мысли не увеличится.

Вскоре они сделали остановку. Андрей укатил автомобиль в небольшую рощицу, так, чтобы ее не было видно с дороги. Совсем рядом протекала узкая речушка.

– Надеюсь, перенесенные эмоции и полдня в дороге позволят нам мгновенно уснуть, – предположил Андрей. – Будильник ставить?

Оксана рассмеялась.

Разложив сидения, они растянулись в салоне, как смогли, и пожелали друг другу спокойной ночи.

Сон никак не брал Андрея. Он был слишком возбужден. Судя по тому, что Оксана ворочалась, не переставая, ее постигла та же участь. Прошло еще какое-то время, и Андрей уже почувствовал первые признаки сна, как вдруг тут же встрепенулся.

– Я выйду, покурю, – тихо сказал он.

– Угу, – пробормотала Оксана.

Отойдя от машины в сторону реки, Андрей закурил.

– Непривычное состояние, верно? – послышался приятный женский голос.

Андрей развернулся. Совсем рядом стояла женщина в длинном черном плаще, капюшон все также полностью скрывал ее лицо.

– Это ты? Верно, состояние из ряда вон непривычное, – согласился Андрей.

– И не такое бывает. Ты боишься?

– Я пока не до конца осознал эту составляющую своего эмоционального пула.

– Страх пройдет, – уверенно произнесла женщина. – Нужно лишь выбрать направление, путь, и встать на него.

– Это так просто? – спросил Андрей.

– Все зависит от того, чего ты хочешь. Мир огромен и жесток. Сложно выйти из-под гнета обстоятельств. Порой, невозможно.

– Что же делать?

– Остается одно – не сдаваться.

– Даже если не удастся встать на выбранный путь? – поинтересовался Андрей.

– Этот мир настолько несправедлив, что взаимодействие с ним в твоей ситуации вполне может происходить зеркально.

– Что ты имеешь в виду?

– Этот мир играет не по правилам. Ты можешь противостоять ему, стоя на пути, или, просто, не сдаваться, будучи

придавленным обстоятельствами, и стараясь выкарабкаться из-под них, но и в том и в другом случае, ты по большей части вынужден будешь играть также не по правилам.

– Мне не понравилось слово «вынужден».

– А ты уже настолько высоко, что способен сам выбирать правила? – ухмыльнулась незнакомка.

– Я... я не знаю, что сказать.

– Ты даже не знаешь, кто я.

– Так, кто ты?

– Ты еще не готов понять.

Андрей улыбнулся.

– И когда же это случится? – спросил он. – Когда я буду готов?

– Может, и никогда. Все зависит только от тебя. Я уже говорила, еще никому не удавалось разгадать меня. А если и удавалось, они хранили молчание.

– Почему?

– Сейчас тебе не стоит заострять на этом внимание.

– Я все еще в бездне, я чувствую это, – проговорил Андрей.

– А что с позорным столбом, не видать? – спросила незнакомка.

– Мне сложно сказать. Очень темно. Слишком много ощущений.

– Все же ты еще очень боишься.

– Вероятно, это так. Страх...

– Страх, страх, страх...

Андрей услышал мелодичный смех.

– Я выйду, покурю, – тихо сказал он.

– Угу, – пробормотала Оксана.

– Вот черт! – Андрей вскочил.

– Что такое? – испуганно спросила Оксана.

В конце июня 1955 года в городскую больницу Мехико, к дежурному врачу – Эрнесто Геваре, пришли на консультацию два кубинца, одним из которых оказался Ньико Лопес, знакомый Гевары по Гватемале. Он рассказал Че, что кубинские революционеры, нападавшие на казармы «Монкада», были выпущены из каторжной тюрьмы на острове Пинос по амнистии и начали съезжаться в Мехико, чтобы готовить вооруженную экспедицию на Кубу.

– Что ты все время читаешь? – спросила Оксана, проснувшись.

– Так, в «Интернете» смотрю разное, – ответил Андрей. – Время десять. Сейчас бы кофе? Что у нас на завтрак?

– Сухой паек. А мне бы душ принять. Две ночи в этом клубе. Мне кажется, я вся какая-то грязная, липкая и... не буду продолжать.

Наскоро позавтракав, да размяв кости, они тронулись дальше, на юг.

– Жара просто летняя, – сказала Оксана, садясь в машину

после первой остановки. Было два часа дня.

– Кондиционер посильней сделать?

– Да нет, мне бы... давай остановимся около какой-нибудь речки. Не могу больше. Окунусь хоть, да одежду сменю.

– Вода еще холодная, – предупредил Андрей.

– Не настолько, – возразила Оксана.

– Хорошо, – согласился Андрей. – Судя по навигатору, скоро что-то будет, не слишком широкое, но и не лужа, или ручей.

Через полчаса Андрей крикнул:

– Ай ты, съезд проморгал. Похоже, там целый пляж. Сейчас развернусь.

– Да не надо. Тут идти-то. Наконец-то, – выдохнула Оксана.

Андрей съехал с дороги на обочину. Дальше было поле, которому преграждали путь несколько рядов деревьев, растущих вдоль реки.

– Я быстро! – Оксана выскочила из автомобиля. – Не подглядывать.

– Договорились, – смеясь, сказал Андрей.

Оксана побежала к речке и скрылась за деревьями. Андрей включил радио, надеясь услышать в каких-нибудь криминальных хрониках что-нибудь о себе с Оксаной. В «Интернете» он ничего не нашел. Он принялся переключать каналы, как тут же ему почудилось, что в зеркале заднего вида промелькнуло что-то зеленое, промелькнуло и скрылось, уй-

для куда-то в сторону. Он не сразу развернулся, но развернувшись, ничего не обнаружил. Дорога была пустая в обе стороны. Прошло где-то полминуты. Он продолжал щелкать каналы, как услышал крик. Он тут же отключил радио. Кричала Оксана. Андрей моментально выскочил из автомобиля и тут увидел, что это за зеленое промелькнуло в зеркале. Ранее, сидя, он не мог этого заметить. Среди деревьев стоял зеленый внедорожник. Видимо, он съехал к реке по той дороге, что он пропустил. «И там, действительно, местный пляж, – машинально подумал Андрей. – Черт! Что я». Его сердце бешено заколотилось.

Он бросился к речке, но вдруг остановился, развернулся и посмотрел на свой автомобиль. Он быстро вернулся обратно, вытащил из-под сиденья пистолет, сунул его за пояс и побежал. Все это заняло каких-то несколько секунд.

Выбежав на берег и увидев, что там происходит, его сердце сжалось до таких размеров, что внутренний огонь моментально прожог его насквозь.

Он разглядел Оксану и двух здоровых парней лет по двадцать пять. Оксана лежала. Один из парней воткнул своей огромной ладонью ее лицо в песок, второй пытался стянуть с нее джинсы.

– Вашу мать, – прошептал Андрей.

Парни, остановившись, зло уставились на него.

– Чего, твоя телка, что ль? – спросил один из них и расплылся в улыбке. – Дай поиграть, а?

– Ну, старичок, бог велел делиться, – добавил второй, продолжая удерживать голову Оксаны. – Можешь посмотреть, если хочешь.

– На телефон заснимешь, потом будете вместе смотреть.

Парни захохотали. У Андрея судорогой свело лицо. Он не мог выговорить ни слова, пока те болтали. Выдохнув, он сильно севшим голосом произнес:

– Быстро отпустили ее, твари.

– Ты че, урод, хочешь, чтоб мы вас тут закопали? Ты на кого пищишь? – Парень, что удерживал Оксану, отпустил ее и поднялся, направляясь к Андрею. Второй в этот же момент подскочил к Оксане и удержал ее.

Оксана приподняла голову. Андрей увидел ее искаженное лицо, испачканное в песке. Ее взгляд выражал такую мольбу, что Андрей оторопел. Он опустил голову, завел правую руку за спину, и, медленно вытащив из-за пояса пистолет, направил его в лоб подходившему парню. Тот тут же отпрянул назад. Второй моментально подскочил, выпустив Оксану, которая еле поднявшись, медленно направилась к Андрею и встала у него за спиной.

– Эй, старичок, ты что удумал? Это же не настоящий ствол? Ты что?

– Сейчас проверим, – сдавленным тоном произнес Андрей. – Зашли в воду. Живо!

Те послушно зашли в речку по колено.

– Дальше! – крикнул Андрей.

– Успокойся, друг! Ну, пошутили, ну, бывает. Ты что, шуток не понимаешь? Мы так-то на районе основные. Ты так попадешь, если...

– Что вы несете? Вы, мрази! Какие же вы мрази! – бешенство охватила Андрей. – Как такими можно стать, почему, из-за кого, из-за чего? Вы же выродки, мать вашу! Это мир такой, страна такая? Что это такое? Как такое получается? Из-за таких, как вы, мир вечно будет гнить в этом вонючем болоте! Паскудные гопники! О какой свободе мы говорим? Вы же своей поганой жизнью мешаете жизни! Какая, к чертям, коммуна! Вас всех нужно выкорчевать, а после уже...

– Постой, постой, – остановил Андрея один из парней. – Ты не в себе. Что за бред ты тут несешь? Ты успокойся, слышишь! Коммуна...

Андрей подошел к самой воде.

– Хорош, пацан, а! – кричали ему.

– Вас всех нужно уничтожить, мрази, – не слушая, продолжил Андрей.

– Да заткнись ты! – не выдержал один из парней.

Раздался выстрел. Пуля вошла парню между глаз, он опрокинул голову и тут же завалился в воду.

– Нет! – закричал второй и намеревался уже броситься в реку, как раздался второй выстрел, вогнавший пулю ему в шею.

Андрей медленно опустил пистолет.

– Андрюша, – с трудом выговорила Оксана.

Андрей развернулся и спокойно произнес:

– Тебе надо умыться. Искупаешься в другом месте. Пойдем. – Он взял Оксану за руку и повел ее к машине. – Нет, стоп, умыться. Нет, я уже говорил. Или лучше, я тебе полью из бутылки. Тут вода уже гнилая. Да, так лучше.

– Андрюша, – повторяла Оксана.

Андрей продолжал идти, держа Оксану за руку. Они прошли деревья, вышли на поле, как колени Андрея подкосились и он упал на четвереньки. К горлу подкатил ком и его тяжело вырвало...

Час они ехали молча.

– Я стрелял впервые в жизни, – наконец произнес Андрей. – Я убил. Убил!

– Успокойся, Андрей. Ты спас меня. Ты... у тебя не было другого выхода. Андрюша, у тебя не было выхода! – Оксана заплакала. Заплакала впервые после того, как они покинули пляж.

– Мы могли просто уйти, – проговорил он, – оставить их там и уйти. Меня словно ударило что-то... я не смог сдержаться...

Оксана плакала.

– Тише, Оксан, все хорошо. Все кончено. Ты права, выхода не было.

«Этот мир настолько несправедлив, что взаимодействие с ним в твоей ситуации вполне может происходить зеркально». Андрей вспомнил о ночном видении.

– Кстати, я веду два один, – сказал вдруг Андрей. – Три подонками меньше, и двое из них мои. И никакого сожаления. Мы сделали мир немного чище. Не смешно?

Оксана молчала, вытирая слезы.

– Два один, говоришь, – она невольно улыбнулась.

– Да, я веду, – подтвердил Андрей.

– Нет, – смахнув улыбку, сказала она. – Это все... это ужасно.

– Это жизнь, что поделать. Пока мы должны просто не сдаваться...

Через некоторое время, когда они уже въехали в Воронежскую область, Андрей услышал методичный громкий стук из-под капота.

– Твою ж мать! Вот предчувствовал я это. Сергей Сергеевич свое не упустит. Два дня тачка в сервисе простояла.

– Что такое? – не понимая, спросила Оксана.

– Да, похоже, вытащили они у меня там что-то, да заменили. Да! – зло проговорил Андрей. – Скорее это дело рук Сергея Сергеевича. Он знал, что я точно уже не вернусь. Сука...

– Может, можно что-то сделать? – обеспокоенно спросила Оксана.

– Наверняка, – ответил Андрей. – Только, я в этом ни черта не смыслю. Нужен сервис. И как мы столько проехали. Похоже, Сергеич грамотно рассчитал.

Они как раз проезжали какой-то маленький городок. Остановившись, Андрей выяснил у прохожих, что на окраине города есть автосервис. Андрей аккуратно повел машину. Стук все увеличивался.

– Вам бы, конечно, лучше в специализированный центр, – говорил мастер. – Оригинала-то у меня точно нет. Могу что-нибудь наколдовать километров на триста, может, пятьсот, как повезет. Но, никаких гарантий.

– Хорошо, пусть так. Сколько это будет стоить?

– Сложно сказать. Проще дожидаться, пока закончу.

– У меня с деньгами не очень, лучше бы сейчас.

– Что я зверь что ли, придумаем что-нибудь. Завтра к вечеру будет готова.

– Только к вечеру?

– Раньше никак. – Мастер развел руками. – Срочный заказ. Итак, всю ночь копать будем. Городок у нас хоть и небольшой, но и мы одни тут.

– Я понял. Тут есть, где остановится?

– Да вон. – Мастер указал куда-то рукой. Андрей увидел маленькое двухэтажное строение.

– Мотель, как бы, – говорил Андрей Оксане. – Сейчас посмотрим.

– У нас денег хватит?

– Ну, тут не Москва, хотя, черт его знает. Меня больше двигатель волнует.

Совсем не привлекательная снаружи, придорожная гостиница внутри оказалась вполне приемлемой, по мнению Андрея. Не как в некоторых американских фильмах, а скорее, как в фильмах советских времен. Они с Оксаной оказались единственными гостями в данный момент, как выяснилось.

– На ночь, – сказал Андрей.

– Что значит, на ночь? – поинтересовалась администраторша. – Сутки?

– Ну, да, вы правы, сутки, – смеясь, подтвердил Андрей.

– У вас душ есть? – не вытерпела Оксана.

– Общий, один на этаже. На первом. И все удобства в коридоре.

– Паспорт?

– Права подойдут? – настороженно спросил Андрей.

– Давайте уж. Все. Вот ключи.

Номер оказался вполне приличным для такой гостиницы, и для такого места, – точнее будет сказать, стандартный для такого места. Оставив вещи, Андрей с Оксаной вышли наружу.

– Думаешь, осмотреть достопримечательности? – спросила Оксана.

Андрей взглянул на часы.

– Пять часов. Спать рано. Не сидеть же в такую духоту там. Кондиционеров тут нет. Или ты хочешь вернуться? Как скажешь.

– Да нет, давай, пройдемся.

За все время прогулки Оксана с Андреем едва проронили по несколько слов. Слишком сильно было потрясение от недавнего происшествия.

Как только стало темнеть, они вернулись в гостиницу. Оксана сразу же побежала в душ. Андрей остался в номере, наблюдая в окно, как удлиняются тени. Он начал терять счет времени. Вскоре входная дверь скрипнула.

– Ты решила оставить город без воды? – шутя, спросил Андрей, не отрываясь от окна.

– Никак не могла насладиться. Твоя очередь. Я оставила

тебе немного.

– Ну, спасибо. – Андрей развернулся и замер, глядя на Оксану. Она стояла возле кровати в коротком легком халатике и копалась в своем рюкзаке.

– Да где же? А, вот. – Она извлекла небольшую сумочку, похожую на клатч, и села перед зеркалом. Расставив разные пузырьки и флаконы, она принялась расчесывать волосы. Заметив на себе взгляд Андрея, она обернулась и, улыбувшись, спросила: – Ты что замер?

– Я? – Андрей словно опомнился. – Я все, готов, уже пошел по твоим следам. Ты случаем, когда забивала мой рюкзак, ничего для душа не прихватила? Халатика, как у тебя. – Он рассмеялся.

– Не помню, – также смеясь, ответила Оксана.

Андрей пытался проникнуть вглубь рюкзака, не вытаскивая вещи.

– Подойдет, – сказал он, держа в руках спортивный костюм.

Он захватил большое полотенце и направился в душ.

Когда он вернулся, то застал Оксану, так же, как и он недавно, стоящую перед окном. Халат ее был настолько легким, что в отсветах уходящего дня, проникавших сквозь большое окно, он мог разглядеть ее утонченную фигурку. Она развернулась и посмотрела на Андрея, не говоря ни слова. Тот, также, молча сел на край кровати. Он смотрел на ее лицо. Она улыбалась.

– Ну, как? – наконец спросила она.

Андрей молчал. Он не мог оторвать от нее взгляда.

– Андрей, как? – повторила Оксана.

– Ты красивая, – произнес Андрей.

Оксана рассмеялась.

– Спасибо. Я про душ спрашивала.

– Полегчало, – тряхнув головой, ответил Андрей.

– Еще бы теперь поспать, – сказала Оксана. – Вот, что значит москвичи, всего каких-то несколько дней пробыли в нестандартных условиях, и уже спеклись.

– Просто, мы не ходили в походы. Я, во всяком случае, не ходил. Никогда. Как такое может быть? Путешествовал на самолетах. А ведь в детстве я мечтал стать путешественником. А тут...

– Я никак не путешествовала. Все, спать?

– Пожалуй, да. У нас весь день завтра свободный. Можем спать до вечера.

Оксана задвинула шторы и подошла к кровати. Кровать была двуспальной, но с двумя одеялами.

– Отвернись, – сказала Оксана. Андрей исполнил ее приказание. Он слышал, как она сбросила халат и забралась под одеяло. – Твоя очередь.

Андрей погасил свет ночника и улегся на свою половину. Прошло минут пять в тишине.

– Мы должны из всего этого выбраться, – прошептала Оксана.

– Мы не сдадимся, никому и ничему, – сказал Андрей.

– Спокойной ночи, – мягко произнесла Оксана.

– Приятных снов.

– А я, правда, красивая? – вдруг спросила Оксана.

– Я это сразу заметил, в первый миг нашего знакомства.

Андрей, лежа на боку, спиной к Оксане, почувствовал, как она улыбнулась.

– Спокойной ночи.

Но сон опять не брал, ни Андрея, ни Оксану. Оксана также лежала на боку, спиной к Андрею. Андрей открыл глаза, и ему начало казаться, что какие-то тени бродили по комнате, то они казались черными, то блестели золотом, то искрились серебром. Андрей обратно закрыл глаза, но тени не исчезли. Он глубоко выдохнул...

В это же мгновение Андрей с Оксаной одновременно развернулись друг к другу. Было не настолько темно, чтобы невозможно было разглядеть лиц. Глаза обоих горели диким огнем. Еще мгновение и их губы слились в продолжительном поцелуе! Еще мгновение и их тела переплелись, делясь каждый своим жаром. Вскоре над скромным зданием гостиницы закружились, заплесали звезды...

– Что это было? – отдышавшись, спросила Оксана. – Я не о сексе.

Андрей молчал. Он уже понял, что это было. Он понял это еще, когда увидел Оксану, стоявшую у окна.

– Андрей?

– Это был не секс, – медленно проговорил он.

Оксана обвилась вокруг Андрея и положила голову ему на грудь. Она улыбалась.

Андрей молчал. Его обуяло недоумение. То ли из-за того, что он давно не испытывал того, что испытывает сейчас, то ли из-за явного, как ему казалось, несоответствия этого чувства текущей ситуации.

– Мы сможем заснуть? – спросила Оксана.

– Теперь не знаю.

Оксана тихо рассмеялась.

– Нам это необходимо, – проговорила она. – Давай стараться. Завтра в седло.

– Давай попробуем. Ты сказала, в седло? – Андрей задумался. – У тебя никогда не было ощущения дороги, пути? Как будто ты должна завтра утром сесть на коня, в седло, и отправиться на поиски чего-то необъяснимого, чего-то...

– У меня сейчас такое ощущение. Но, ты должен быть рядом со мной.

– Я буду.

Сон постепенно начал окутывать номер.

– Оксана, извини, я выйду, покурю, – прошептал Андрей.

– Угу, – пробормотала Оксана.

Андрей поднялся, накинул спортивный костюм. Ранее, в конце коридора он заметил балкон и рядом надпись на стене «Место для курения». Он тихо подошел к двери, открыл ее и вышел.

Яркий солнечный свет ослепил его.

– Вот черт! – воскликнул он.

Он осмотрелся вокруг. Это была пустыня. Андрей замер, не отрывая взгляда от горизонта. Он боялся пошевелиться.

– Ну, мне долго тебя ждать? – услышал он прямо над своим ухом.

Андрей вздрогнул и, обернувшись, встретился с конской мордой. Перед ним стоял конь, красивый черный скакун, изливавший блики своей шерсти на солнце.

– Ты разговариваешь? – удивленно спросил Андрей.

– Нет, пою. Ты будешь садиться или мы еще постоим, позагораем?

– Куда садиться?

– За штурвал звездолета! В седло, разумеется.

Андрей подошел, кое-как всунул ногу в стремя, подтянулся и оказался в седле.

– Я никогда не ездил верхом, что дальше?

– О, господи! Отпусти поводья и врежь мне по бокам. Только не сильно.

Андрей сделал, как его просили. Конь сдвинулся с места.

– Можно и посильней, а то плестись долго будем.

– Если ты такой умный, что сам не едешь?

– Это трамвай ездит, а я иду. Ладно, черт с тобой, пойду быстрее.

– Ну, а теперь, может, скажешь, где я? – спросил Андрей.

– В пустыне, не видишь?

– Это, конечно, лучше, чем бездна, но жарко.

– Бездна может быть разной, как и дно, и тюрьма, и pozorный столб.

– Откуда ты это все знаешь?

– Откуда, откуда? От верблюда. Давеча проходил, не дождался тебя.

– Хватит нести чушь. Что происходит?

– Вот тебе твое ощущение дороги.

– Если я все еще привязан к столбу, или сижу в тюрьме, или на дне, в бездне, как я могу ощутить дорогу?

– Что ты у меня спрашиваешь, я же конь.

– Говорящий конь.

– Всякое бывает. Иллюзия пути может стать истинным путем, если ты в него веришь. Дороги, как тебе удобнее. Ты же помнишь, что твой каземат находится у тебя в голове. Там же, где все остальные твои шлагбаумы.

– Ну, спасибо, что вы постоянно напоминаете о том, что все это где-то у меня в голове. А вытряхнуть из головы не помогаете.

– Как я тебе это вытряхну. Это твоя голова. А я конь. И потом, ты не боишься увидеть то, что останется после того, как ты вытряхнешь из себя все сдерживающие факторы, все барьеры. Боже, что-то я увлекся синонимами!

– Я сегодня убил двух человек.

– Люди меня не сильно интересуют. Йеху! Читал Свифта? Это был гнет обстоятельств. Тебя придавило, и ты дал отпор.

Ты не сдался. Одним словом, это не считается. Это вынужденная мера. Инстинкт!

– И что мне нужно сделать, чтобы это не было похоже на инстинкт. Собрать ополчение?.. Черт, я это где-то слышал.

– «Нужно направиться непосредственно в район боев, создать ополчение!» Это Гевара бузил в Гватемале. Ну, хоть так.

– И что мне делать с этим ополчением?

– Да я откуда знаю? Я же конь. Хотя, можешь направиться в район боев, можешь устроить революцию, можешь не сдаваться всем ополчением, а можешь предложить им шашлык пожарить. Вот, ты пристал. Думай или жди. Или одновременно и то и другое, или думай, жди и действуй. Действуй не в отношении того, что ждешь... что-то я разговорился и заговорился.

– Да, для коня ты разговорчив. А куда мы едем?

– Вон туда. – Конь тряхнул гривой в сторону горизонта.

Андрей взгляделся и сумел рассмотреть женский силуэт, закутанный в длинный черный плащ.

– Можешь врезать мне в бока, долетим с ветерком, – предложил конь.

Андрей со всей силы пнул коня по бокам, приспустил поводья и понесся по пустыне, оставляя за спиной коридор пыли.

– Ну, ты живодер, – прохрипел конь.

– Сам просил.

Вскоре они подъехали к женщине в плаще.

– Слазь, – скомандовал конь.

Андрей вылез из седла и прыгнул на землю.

– Бывай, – сказал конь и ускакал.

– Тебе не жарко? – спросил Андрей незнакомку.

– Странно, что ты не мерзнешь.

В одно мгновение Андрея охватил жуткий холод, пустыня стала снежной, а перед его глазами открылось море, на котором раскачивались айсберги.

– Шучу, – сказала незнакомка.

Снова вернулась жара.

– Почему я в пустыне? – спросил Андрей.

– Это частично материальная, частично эмоциональная составляющая некоего уголка твоего сознания.

– Ни слова не понял.

– Где твоя квартира? Где твоя работа? Где твои мысли о работе и о квартире? Это я привела пример. Теперь ты понимаешь, о чем я?

– Думаю, да. Примерно.

– Ты избавился ото всего, что забивало твой разум на протяжении долгих лет. Пусть это произошло не путем использования воли, а, по большей части, благодаря обстоятельствам. Но, порой обстоятельства оказываются результатом твоих мыслей, или желаний. Твой случай не исключение.

– То есть, синтезировав мысли и возникшие обстоятельства, я оказался в том состоянии, в каком прибываю? Я осво-

бодил мысли?

– Не стоит так уверенно говорить об освобождении.

– Но, я же в пустыне.

– На данном отрезке пути, да. Но пустыня может перейти в горы, потом в океан, и так далее. Дорога длинная.

– Дорога куда?

– Ко мне.

Андрей тщетно пытался разглядеть лицо, скрытое за большим капюшоном.

– И не забывай, – продолжала незнакомка, – от чего-то избавившись, ты что-то получаешь. И, возможно, это что-то оказывается важнее, чем, кажется, даже важнее того, чего ты ищешь, к чему идешь.

– Не понимаю.

– Или кто-то. – Незнакомка указала рукой за спину Андрея.

Он развернулся и тут же оказался в темноте

– Оксана, извини, я выйду, покурю, – прошептал Андрей.

– Угу, – пробормотала Оксана.

– Вот черт! – громким шепотом произнес Андрей.

– Что такое? – нежно спросила Оксана.

– Наверное, я как-нибудь это тебе расскажу. Не сейчас.

– Андрей?

– Да, Оксана?

– Возьми меня за руку.

Андрей исполнил ее просьбу.

В то время, когда Эрнесто был в Мехико, встречаясь с кубинскими революционерами, Фидель Кастро, находясь в США, собирал среди эмигрантов с Кубы деньги на экспедицию. Выступив в Нью-Йорке на митинге против Батисты, Фидель заявил: «Могу сообщить вам со всей ответственностью, что мы обречем свободу или станем мучениками!»

– Как хорошо, – промурлыкала Оксана, потягиваясь в постели. – Ты давно встал?

– Да с час назад. Уже полдень. Ты заметно устала, раз проспала столько времени, не просыпаясь. Да и я.

– Все, больше не могу, – весело сказала Оксана.

– Можешь, если хочешь, просто поваляться. Когда еще представится такая возможность. У нас куча времени.

– А ты присоединишься? – хитро спросила Оксана.

– Это именно тот вопрос, которого я ждал.

Оксана рассмеялась.

Ближе к вечеру Андрей прибыл в автосервис и забрал машину. Тех денег, которые запросил мастер, у него не оказалось. Мастер грустно улыбнулся и согласился на то, что есть.

– Удивительно, насколько простые люди лучше всякого... Ладно, – говорил Андрей, когда, забрав Оксану из гостиницы, они выезжали из города. – Будем ехать ночью, потом посмотрим.

– Что посмотрим? – спросила Оксана.

– Я оставил немного денег. На бензин. Утром заправимся и... посмотрим.

– Ты все никак не можешь чего-то сказать.

– И сможем проехать километров триста. Мы останемся и без денег и без бензина. И сухого пайка у нас почти не осталось. Вот вам и пустыня!

– Какая пустыня?

– Извини, это я так. У нас ночь на раздумье. Но, честно говоря, мысль отдыхает.

– Мы что-нибудь придумаем. Ты, главное, держи меня за руку.

Всю дорогу из Москвы Петр Ильич не мог скрыть своего ликования. Он ощущал такой прилив сил, что ему казалось, будто ему восемнадцать лет. Ему дико хотелось совершить что-то настолько безумное, от чего ему самому станет так страшно, что он навсегда сотрет из памяти всю свою предшествующую жизнь.

Он ехал на юг. Неважно куда, в Новороссийск, в Сочи, в Гагры... на юг! Ему еще при выезде из Москвы захотелось увидеть две вещи – море и горы. Он страстно желал ощутить запах моря и гор. Он мог это сделать, теперь он мог все!

Не доезжая до Ростова-на-Дону, в районе Новочеркасска, он зачем-то повернул налево, и, проехав довольно-таки много, понял, что сбился с пути.

– Ну и что? Так даже интереснее! – кричал он. – И к черту навигацию!

Он ехал дальше. Пересек Дон, проехал какой-то населенный пункт, даже не обратив внимания на название, и вдруг ему жутко захотелось пить. Он пошарил везде, где только мог, и пришел к выводу, что вода закончилась.

– Что ж, найдем магазин. Вон и трасса какая-то, а вон аж целый супермаркет, хоть и маленький.

Петр Ильич припарковал свой шикарный автомобиль и направился в магазин. Войдя, он тут же устремился на по-

иски отдела с напитками. Набрав несколько бутылок минеральной воды, он встал в очередь в кассу. «Аж целых четыре кассы! – думал он. – А сколько народу! И это в таком месте. В месте, которое, я даже не знаю, как называется. Чем ближе к югу, тем народонаселение начинает увеличиваться? Или так кажется?» Пробив в кассе покупки, он пошел к выходу.

Автобус, выполнявший рейс Волгодонск – Ростов-на-Дону сломался, не доехав где-то километров пятьдесят. Возмущенные пассажиры покидали салон.

– Ничего страшного, – говорил Кортнев. – В этом точно нет ничего страшного.

– Слава, я на такие мелочи даже не обращаю внимание. Как ты появился, я, вообще, перестала на что-либо обращать внимание. Честно! – воскликнула Мария.

– Люблю тебя, Машенька. Вон остановка. Пойдем, дождемся чего-нибудь. Ты не проголодалась?

– Нет, что ты. Мы же не так давно завтракали. Но вот от сладкого я бы не отказалась. Правда потом пить так захочется. В такую жару. – Мария рассмеялась. – Если можно...

– Что ты, Маша. Вон магазин, – сказал Вячеслав. – Пойдем? Автобусы нас не забудут, надеюсь. – Он поправил рюкзак, взял под руку Марию и они пошли в сторону магазина.

– Такой рюкзак я ни в одну ячейку не запихну. Подождешь, я схожу. Или иди, сама выбери, как хочешь.

– Я сама, – решительно заявила Мария.

– Ну, хорошо, – согласился Вячеслав.

– Я мигом. – Мария убежала в магазин.

– Ты же понимаешь, что обратного пути не будет? – спрашивал Андрей.

– У нас уже нет обратного пути, поэтому мы можем идти только вперед, – отвечала Оксана. – Пусть не столь привлекательным образом. Других вариантов в нашем положении, с учетом ограничения времени, нет... я не их вижу.

– Или не хочешь видеть? – поинтересовался Андрей.

– У тебя сомнения?

– Нет, сейчас я с тобой в этом согласен. – Андрей задумался. – Те же методы, отпор миру... Нам нужно будет срочно покинуть регион. В любом направлении.

– Море? – с надеждой спросила Оксана.

– Я обещал тебе море, будет море. А там посмотрим. Мне же ополчение нужно. Стоп, это я тебе позже хотел рассказать. – Андрей рассмеялся.

– Итак, – серьезно начала Оксана, – я этого никогда не делала, но видела в кино.

– Как не странно, но я тоже, – заметил Андрей.

– Но, ты же помнишь, – улыбаясь, продолжала Оксана, – что я трижды не поступила в театральный. Будем считать, это будет четвертой попыткой.

– И сразу на бис?

– Уж как получится.

– Если у нас не получится, то все закончится очень быстро, – лениво проговорил Андрей. – Сначала нужно окрестности осмотреть на предмет, сама понимаешь чего. И действовать строго по времени. Ни в коем случае не больше.

– Я понимаю, – резко сказал Оксана. – Бери все, что нужно, по максимуму...

– Оксана, это уж я на месте разберусь, – перебил ее Андрей, – главное место определить. Не уверен, что в таких небольших селениях мы наткнемся на что-то стоящее, – я об объеме. А в большом городе мы провалимся.

– Ты начинаешь нервничать, – обратила внимание Оксана.

– А ты как думала? – воскликнул Андрей. – У нас остался неиспользованный агрегат, я его под сиденьем оставляю. У тебя минус один, у меня минус два. Ну, это я на всякий случай. Уверен, до этого дело не дойдет.

– Ты нервничаешь, – повторила Оксана.

– Оксана! – вспыхнул Андрей. – А ты?

– Я настраиваюсь, – медленно проговорила она, – вхожу в роль. А может нам как-то спрятать лица?

– И ходить в таком виде по магазину с тележкой?

Оксана рассмеялась.

– Нет уж, погибать, так... – начал Андрей, – пусть это будет своеобразным бунтом. Боже, что я несу? Да, я нервничаю. Вот, что-то вижу! Проверим?..

Андрей набил тележку доверху, с горкой. Он еле катил ее в сторону касс. Там было все, что можно было выбрать из продуктов, не требующих длительного хранения и, самое главное, холодильника. Кроме того, он накидал туда все, что ему приглянулось в промышленном отделе. «Жаль, котелка нет, – думал он, – или чего подобного». Наткнувшись в одном отделе на раздел аксессуаров, он выбрал две большие тряпичные сумки, и переложил в них из тележки все, что набрал.

Прокатив тележку мимо касс, он остановился у входа. Оксана стояла неподалеку, между кассами и лотками с морожеными продуктами. Касс было четыре. Во все стояли очереди. Она взглянула на Андрея. Тот огляделся по сторонам, посмотрел на улицу, глубоко вздохнул и кивнул.

Оксана в один миг вскочила на один из лотков, вытащила из-за пояса пистолет и прокричала своим звонким голосом: – Немедленно всем лечь на пол! – Поймав на себе взгляды всех покупателей, она направила на них пистолет и провела им вокруг себя.

Реакция была мгновенная. Все моментально повалились на пол. Раздались крики.

– Всем молчать! – скомандовала Оксана. – Я сказала, всем на пол! – Мужчина, стоявший у входа около рюкзака, медленно опускался на колени. – Кассиры остаются на месте! Без вопросов и лишних движений!

Охранник, стоявший на дверях, и также упавший на пол,

вдруг опомнился и стал медленно подниматься, но тут же увидел направленный на него пистолет Андрея.

Мария не успевшая сделать второй шаг, лежала и испуганно смотрела на Вячеслава. Тот успокоил ее взглядом.

– Вы же понимаете, что здесь камеры, – между делом сказала вторая кассирша, у которой Оксана выгребала из кассы деньги.

– Это не ваше дело!

– Еще минута! – крикнул Андрей и огляделся по сторонам. Никто не двигался. Глаза, что ему попадались, излучали только страх. «Да, непривычное состояние».

Выражение лица лишь одного человека, также лежавшего на полу, кардинально отличалось от остальных. Оно выражало восхищение и любопытство. Это было лицо Петра Ильича Гордона. Обхватив два пакета с водой, он восторженно смотрел на Оксану.

– Время! – крикнул Андрей.

– Последняя! – Оксана опустошала последнюю кассу. – Всё!

Держа в одной руке пакет с деньгами, в другой пистолет, она крикнула:

– Всем лежать десять минут! Ясно? Я повторяю: всем лежать десять минут!

Андрей бегом покатил тележку к автомобилю, оставленному несколько в стороне (номера с него он предварительно снял). Оксана, отбегала спиной вперед, удерживая пистолет

на весу. Открыв багажник, Андрей не без труда поднял сумки и закинул их внутрь.

– Всё, погнали!

Андрей запрыгнул на водительское сидение, Оксана пристроилась рядом. Андрей воткнул ключ зажигания и хотел уже его повернуть, как вдруг обе задние двери открылись и в салоне оказались еще два человека. Ни Андрей, ни Оксана не успели оглянуться, как Андрей ощутил у своего затылка дуло пистолета.

– Заводи и гони немедленно! – послышался строгий голос. – Налево! А твоя дамочка в это время пусть очень медленно передаст моей даме сначала свой ствол, а потом твой. Да гони же ты!

Автомобиль сорвался с места.

– Давай, пока прямо. Тебя как зовут? – спросил Кортнев.

– А тебе зачем? – сдавленным тоном переспросил Андрей.

– Как-никак, вместе едем. Я Слава, это Маша. А вас как величать?

– Вы не из полиции, – сказала Оксана.

– Меткое замечание, – сказал Вячеслав.

– Что вам нужно? – спросил Андрей.

– Давайте сначала познакомимся. Итак?

– Андрей. Это Оксана. Что еще?

– Посмотрим.

Ехали молча.

– Вот! – воскликнул Кортнев, – сворачивай!

Они отъехали от магазина уже километров на двадцать и свернули на грунтовую дорогу, уходящую куда-то в степь. Они ехали еще минут двадцать.

– Что за черт? – пробормотал Кортнев.

– Что такое? – спросила Маша.

– Что-то серебристое плетется далеко позади.

– Полиция? – спросил Андрей.

– Очень странная полиция. Давай, жми. Видишь вдали какое-то здание. Давай к нему. Вряд ли оно действующее.

– Оно не на дороге, – заметил Андрей.

– Молодец! – отметил Кортнев. – Это нам и нужно.

Здание оказалось довольно-таки далеко. Они ехали еще минут двадцать, после свернули к зданию и покатали по степи. Через десять минут они были на месте.

– Загони мотор с другой стороны, чтоб с дороги не было видно. Хотя там и деревьев достаточно. На всякий случай. Серебро исчезло. Ну и хорошо.

Андрей поставил автомобиль с противоположной стороны здания.

– Дорогая, – сказал Кортнев, обращаясь к Маше, – достань, пожалуйста, из рюкзака веревку, – она должна быть на самом верху, – и свяжи этой девочке руки за спиной.

– Слава, – возмутилась Мария.

– Так надо, Маша.

– Прикажете мне выйти? – нахальным тоном спросила Оксана.

– Не обязательно, – ответил Кортнев. – Развернись спиной к выходу и сядь на колени. Да, и не забудь руки назад завести. Договорилась?

Оксана, еле сдерживая гнев, исполнила указания Вячеслава. Мария робко и крайне неохотно связала ей руки за спиной.

– Теперь твоя очередь, Андрюша, – сказал Вячеслав. – Медленно выходи из машины. Руки вытяни и выходи.

Кортнев быстро вылез с заднего сиденья и встал возле двери водителя, несколько позади, держа ее под прицелом.

Андрей медленно приоткрыл дверь, начал было вылезать, как тут резко толкнул его Кортнева и выскочил, держа в руках пистолет, направленный на него. Это был третий, неиспользованный ствол, спрятанный под его сидением.

Вячеслав с Андреем стояли, направив друг на друга дула пистолетов.

– Нет, ребята, не надо! – испугано закричала Маша.

Оксана молчала, она лишь почувствовала, как затряслись ее губы.

– И что ты намерен делать? – спокойно спросил Кортнев.

– У меня тот же вопрос, – сказал Андрей.

Они медленно пятились боком к углу полуразваленного здания. Оказавшись возле него, они остановились.

– Я хотел лишь поговорить, – произнес Кортнев.

– Интересный способ начала беседы, – заметил Андрей.

– Ну, вы, как я посмотрел, ребята резвые, – оправдался

Кортнев. – Не стоит рисковать, особенно, когда ты с дамой. Ты со мной согласен?

– Я не знаю, – ответил Андрей. – Нечасто вел переговоры в такой ситуации.

– Нечасто или никогда? – решил уточнить Вячеслав.

– Скорее, последнее.

– Все бывает впервые. Так что? Поговорим?

– Почему-то ты не вызываешь у меня доверия, держа меня на мушке, – сказал Андрей.

– Значит, нужно что-то предпринять, – предложил Кортнев.

Вдруг Андрея что-то дернуло, и он заскочил за угол и, выставив из-за него руку, выстрелил наугад.

– Мимо! – послышался крик Кортнева.

Тут же закричала Маша:

– Не надо!

Андрея разбирал огонь, он бил его изнутри. Оказавшись внутри здания, он обнаружил одни руины, в которых можно было заблудиться.

– Я вхожу, – проинформировал его Кортнев.

Андрей бросился на голос и наугад выстрелил еще дважды.

Маша продолжала голосить.

Несмотря на огонь в голове, Андрей осознал, что началась какая-то бессмысленная беготня по развалинам со слепой перестрелкой. Причем, стрелял только он. Кортнев не

произвел ни единого выстрела. Еще перебежки, выстрелы. Наконец, Андрей остановился, переводя дыхание. «Что же такое происходит? – подумал он. – Прямо, кино какое-то. Тупое, тупейшее».

И вдруг Андрей услышал выстрел. Он весь сжался. Пуля вошла в стену, в нескольких сантиметрах от его плеча, и засыпала его штукатуркой.

– Что, Андрюша, нравятся такие игры? – послышался голос Кортнева.

– Занято! – ответил Андрей.

– Ты, правда, так думаешь? Ты в армии служил?

– Нет.

– Это заметно. А стрелял когда-нибудь?

– Было как-то.

– Странно. А сколько патронов в обойме, знаешь?

У Андрея похолодело внутри.

– Твое молчание означает, что ты все понял. Можешь кинуть в меня пистолет, может, хоть так попадешь, он большой и тяжелый.

Наступила тишина.

– Ты где? – крикнул Андрей.

Тишина. Андрей хотел еще крикнуть, но в тот же момент ощутил жесткий удар в затылок. Он мгновенно потерял сознание и рухнул на пол.

Андрей очнулся внутри пустого здания. Он поднял голо-

ву. Темнело. Редкие лучи солнца пробивались сквозь отверстия для окон. Он с трудом поднялся на колени. Вокруг ничего не было. Лишь голые стены, окружавшие его. Он осмотрелся вокруг и был крайне удивлен, не обнаружил ни одной двери, лишь зияющие дыры на высоте трех метров. Андрей встал на ноги.

– Как ты считаешь, Андрей, – раздался приятный женский голос, – у дурных поступков есть градация? Скажем, этот поступок ужасен, а этот не настолько уж и дурен, а учитывая, что совершен он вследствие безвыходного положения, на него и подавно можно закрыть глаза.

– А я не горжусь тем, что мы совершили, – сказал Андрей, повернувшись к женщине, закутанной в длинный черный плащ.

– Я не спрашиваю тебя о вас, я говорю о тебе.

– Хорошо, я признаю, что совершил обычное ограбление, что никак не вяжется... я не знаю, с чем это должно вязаться. Я запутался.

– А я тебя не осуждаю, – спокойно проговорила незнакомка, – ты не заметил? Я не Фемида. Я констатирую факт.

– Не похоже.

– Истории знакомо много случаев, когда деньги для революции добывались именно таким способом. И отношение к данной ситуации крайне неоднозначное. Откуда у простого человека, решившего совершить переворот, деньги на, скажем, то же оружие? Его либо снабжают заинтересованные

лица, а то и страны, либо он добывает их любим, самым непредсказуемым способом.

– Мы говорим о революции? – спросил Андрей.

– Любой шаг, выходящий за рамки системы можно, пусть с некой иронией, назвать революцией. В твоём случае, ты продолжаешь не сдаваться.

– Деньги, – проворчал Андрей, – проклятые деньги.

– Да, Андрей, это тяжелая зависимость, и до сих пор неизлечимая. Революция, как ты видишь, тоже находится в зависимости.

– Получается, зависимы все? И выхода нет?

– Ты сдаешься? – удивилась незнакомка.

– Я хочу увидеть твоё лицо и узнать, кто ты на самом деле. Пусть, я догадываюсь, но это не имеет значения, я хочу услышать это от тебя.

Незнакомка ухмыльнулась.

– Для этого ты должен ко мне прийти и понять меня. А ты так далек от этого.

– Но, ты разве не рядом?

Чудесный, волшебный смех разлетелся по пустому зданию.

Андрей открыл глаза. Голова трещала от боли. Он осмотрелся. Было уже темно. В углу здания горел костер, возле которого сидела Оксана, его соперник со своей девушкой и какой-то полный мужчина.

– Что за черт? – простонал Андрей.

– Андрюша! – Оксана бросилась к нему. – Ты как?

– Тебе честно сказать?

– Тебя не тошнит?

– А должно?

– Маша напоила тебя каким-то своим зельем, чтоб у тебя с мозгом все в порядке было, – заботливо говорила Оксана. – А то Слава не рассчитал...

– Маша, Слава. Вы что, лучшие друзья теперь? Что происходит? И кто это человек? Или я все еще в отключке?

– Извини, друг, она права, я не рассчитал. – Вячеслав подошел к Андрею и протянул руку.

– Я должен пожать ему руку? – обратился Андрей к Оксане.

– Я все им рассказала, – проговорила Оксана. – А они мне. Мы не враги.

– Ей стоит верить, – сказал Кортнев.

– Это цирк? – Андрей поднялся.

– Мир? – продолжил Вячеслав.

Оксана кивнула, улыбаясь.

Андрей протянул Вячеславу руку, тот подхватил ее и крепко пожал.

– Пойдем, чайку выпьем, – предложил Кортнев.

Они подсели к огню.

– Ты извини, мы до сих пор делились историями, повторяться нет сил уже, – сказал Вячеслав.

– Я тебе все расскажу потом, попозже, – пообещала Оксана.

– Хорошо, – сказал Андрей. Он смотрел на полного незнакомца.

– Ах, простите! – вскочил тот и протянул руку. – Петр Ильич.

– Чайковский? – спросил Андрей.

Тот рассмеялся.

– Если бы. У меня сеть магазинов мужской одежды. Была. Я все бросил и отправился в путешествие. Я вот тут уже рассказывал. Я больше не могу жить в том ужасном состоянии, в каком прошла вся моя жизнь, – затараторил Гордон. – Я вырвался в мир. Я хочу делать то, что хочу, всегда хотел, о чем мечтал. Хочу творить безумства. Вот, как то, что я видел в магазине. Хочу... Я хочу, чтобы вы меня взяли с собой...

– Вы в своем уме? – не пытаясь скрыть изумления, спросил Андрей.

– Ты не представляешь, сколько раз мы задавали ему этот вопрос, – сказал Оксана. – Он хочет стать соучастником всего, что будет.

– Будет? – спросил Андрей.

– А ты думаешь, на этом все закончится? – грустно произнесла Оксана.

– Я пока очень тяжело думаю, – признался Андрей. – Мне бы прогуляться.

– Андрей, можно мне с вами, я вам все объясню. – Петр

Ильич снова поднялся.

– Пойдемте, только не называйте меня на вы, – попросил Андрей.

Андрей с Петром Ильичем вышли из здания.

– На меня даже не взглянул, – проворчала Оксана.

– Мой отвар действует, – смеясь, сказала Маша. – Бабушка у меня была настоящей колдуньей, да, как и мама.

– Мама, – прошептала Оксана.

Мария обняла Оксану.

– Оксана, ты сама спросишь Андрея о машине, и о нас? – спросила Мария.

– Конечно. Он о вас пока ничего не знает.

– Деньги у меня есть. До моря доедем. Хотя, если этот писатель за нами увяжется... вот чудак, правда? – проговорил Вячеслав.

– Ему было очень больно, – тихо сказала Мария.

– А что после? – спросила Оксана.

– Мы еще не думали, – ответил Вячеслав. – Я обещал свозить Машу на море. Пока, это самое главное. С вами, конечно, не безопасно, особенно, после того, что вы учинили перед камерами. Я бы, конечно, подумал. Но, вот, машина! Шучу, конечно. Не из-за машины же мы за вами потопали.

– А из-за чего? – тут же спросила Оксана. – Вы так и не сказали.

– Ты не поверишь! – воскликнул Вячеслав. – Я не могу этого объяснить. Что-то толкнуло! Я три года отсидел, и

так отвык от свободы, что ваша выходка, уничтожающая все правила, пусть это и было банальным ограблением, но! Вы не похожи на бандитов! Это меня и подкупило. Я думал, в чем подвох, загадка? Кто вы такие? Зачем вы это делаете? Что такое происходит... вот, как-то так. Не знаю... мне больше нечего сказать.

– Исчерпывающе, – смеясь, проговорила Оксана.

– И вот, понимаешь, Андрей, я свободен, – говорил Петр Ильич, – от той гнилой жизни. Я больше не в ней. Я хочу воздуха. Я говорил, что первое, о чем я подумал, это о море и горах. Но, а после, я даже не знаю, я хочу просто быть собой. Не зависеть ни от кого, ни от чего. Ни от людей, ни от мнений.

– Но, вы всегда будете зависеть от обстоятельств, – вставил Андрей.

– И пусть! Я готов сопротивляться им, бороться! Я хочу этого! Я хочу этим перечеркнуть бессмысленную жизнь! Мне же почти шестьдесят. Когда начинать, если не сейчас, – смеясь, проговорил Петр Ильич.

Андрей улыбнулся.

– Я написал уже двадцать страниц. Но, это лишь мысли и очерки путешественника. Причем, мысли об увиденном, даже, скорее, это описания. А я хочу новых, живых мыслей и идей, чтобы противопоставить их тому, что я переживал все свои шестьдесят лет. Ты понимаешь меня? Я хочу бунта

в полной мере! Даже противозаконного...

– Бунта? – задумчиво произнес Андрей.

– Именно.

– И все же, вы сошли с ума.

Совсем стемнело.

– У нас спальник, мы устроимся здесь, – сказал Кортнев. –

Вы как?

– Мы в машине спим. Привыкаем, – ответил Андрей.

– И я в машине, впервые попробую, – задорно произнес

Петр Ильич.

– Завтра решим, что делать дальше, – твердо сказал Андрей, взяв Оксану за руку. – Спокойной ночи.

– Гляди-ка, – заметил Кортнев, раскладывая спальник, – прямо, командир.

– Ты хочешь спать? – спросил Андрей Оксану.

– Не очень еще, но тебе бы лучше прилечь.

– Сколько я спал, сидя перед вами? Давай, пройдемся по донской степи. Расскажи мне о Славе с Машей.

– Хорошо, пойдем, – согласилась Оксана.

Небо было настолько чистым, а степь настолько темной, что звезд на небе было невиданное количество.

– Похоже, они наши собратья по несчастью, и далеко не в лучшей ситуации, – сказал Андрей, когда Оксана закончила рассказ. – Но, уверен, Слава не все рассказал.

– Почему ты так думаешь? – спросила Оксана.

– Он рассказал, как сделал паспорт? Вскользь. Бывший армейский офицер без проблем приходит в нору, в малину, или как там это все называется, и ему делают паспорт? Как будто на зоне он только этим и интересовался. Откуда у него ствол, деньги? Даже Маша, я так понимаю, не знает. Есть что-то еще. И, как мне кажется, далеко не приятное. Ладно. Спать?

– Идем, – поддержала Оксана.

Когда они улеглись в салоне автомобиля, Оксана спросила:

– Ты не забудешь держать мою руку?

– Что ты, милая, не забуду, конечно.

– Как ты меня назвал? – Оксана подскочила.

– Оксана, милая, – произнес Андрей, – ложись, я буду держать тебя за руку.

Первая встреча Фиделя Кастро и Эрнесто Геваре произошла 9 июля 1955 года на конспиративной квартире сторонников Фиделя. На ней обсуждались подробности предстоящих боевых действий в кубинской провинции Орьенте. По словам Фиделя Че «имел более зрелые по сравнению со мной революционные идеи. В идеологическом, теоретическом плане он был более развитым. По сравнению со мной он был более передовым революционером». К утру Че, на которого Фидель произвел, по его словам, впечатление «исключительного человека», был зачислен врачом в отряд бу-

дущей экспедиции.

Утром все проснулись словно по сигналу, одновременно. Кортнев, имея, в отличие от Андрея с Оксаной, гораздо менее объемный рюкзак, был более подготовлен к походной жизни. Вскоре в котелке была сварена гречневая каша, и все приступили к завтраку.

Улыбка никак не сходила с лица Петра Ильича.

– Глядя на вас, создается впечатление, что мы попали в рай, – заметил Вячеслав.

– Для меня, во всяком случае, в данную минуту, это рай, – заявил Петр Ильич.

– Ну, и о чем вы вчера поговорили? – спросил Кортнев Андрея.

– Петр Ильич едет с нами, – коротко ответил Андрей.

– На море?

– Для начала, на море. Дальше видно будет. Ведь, мы, также как и вы, едем к морю, просто потому, что там море. Безумие с нашей стороны... Да и с вашей.

– Почему же?

– У вас есть дальнейший план?

Кортнев промолчал.

– Вот и у нас. У Петра Ильича я не спрашиваю. – Андрей взял Оксану за руку.

– Уверяю вас, – сказал Петр Ильич, – на море такой воз-

дух, что мы придем к какому-нибудь единому мнению.

– Единому? – тихо спросил Вячеслав.

– Давайте не будем торопить события, – вставил Андрей. – Да, и у меня проблема с автомобилем. Мне бы желательно в хороший автосервис. Я тут полазил в «Интернете» и, как ни странно, ближайший в Ростове. Но, это не самое главное. Денег, которые мы вчера, как бы это сказать, честным трудом заработали, мне не хватит, поэтому, я бы попросил в долг, если у кого есть.

– А сколько нужно? – поинтересовался Кортнев.

– Узнаю только в сервисе.

– Господи, да что вы, у меня есть! – воскликнул Петр Ильич.

Все разом посмотрели на него.

Через час колонна из двух автомобилей въехала в Ростов-на-Дону.

– Петр Ильич, – говорил Андрей, когда они остановились около банка, – если вы серьезно намерены с нами остаться, то это рано или поздно станет известно в соответствующих органах. Я бы на вашем месте больше карточкой не пользовался.

– Я обналичу все, без проблем. Прямо сейчас. Я скоро буду.

Андрей, Оксана, Вячеслав и Маша стояли рядом, провожая взглядом Петра Ильича, направлявшегося в банк.

– Кто-то еще, кроме меня думает о том, что он все же со-

шел с ума? – медленно проговорил Кортнев.

– Не надо так, – отозвалась Мария. – Он в порядке. Просто, нам его сложно понять.

– Кстати, Андрей, – спросил Вячеслав, – вот ты о карточках говоришь, а сам постоянно в свой телефон пялишься.

– По номеру нас не вычислят. Наши симки мы выбросили еще в Москве. Эти мы бесплатно понабрали у входов в метро. У нас этих номеров! Тут все чисто.

– Ты знаком с работой ФАПСИ?

– А что?

– Я не знаком, и не знаю наверняка, но я бы еще и аппараты поменял.

На полученные от Петра Ильича деньги, Андрей произвел ремонт автомобиля. Ему заменили все, о чем говорил предыдущий мастер, и так, как он говорил.

Через четыре часа они покинули город. Свернув с трассы, ведущей в Краснодар, они, как и планировали, объездными путями направились на юг.

К вечеру на горизонте заблестела морская гладь. У Оксаны перехватило дыхание.

– Еще полчасика, – улыбаясь, сказал Андрей.

– Я сразу окунусь, – с придыханием проговорила Оксана.

– Нам всем отвернуться? – смеясь, спросил Андрей.

– У меня все есть, не надейся, – также смеясь, сказала Оксана.

– Вода еще, мягко говоря, не особенно теплая.

– Вот, совершенно не повлияет на мое решение, – гордо заявила Оксана.

Через полчаса оба автомобиля остановились на берегу моря. Они находились где-то между Сочи и Туапсе.

– Море, – прошептала Маша, выходя из машины Петра Ильича.

– Горы, – промолвил Петр Ильич.

– Нам, наверное, не стоит останавливаться здесь? – спросил Андрей.

– Предлагаю направиться вон туда, – Кортнев указал рукой в сторону небольшой горы, вырастающей из воды, где-то в пяти километрах от того места, где они находились. – Съедем с дороги. Спрячем тачки, разобьем лагерь где-нибудь поглубже. Пляжа я там не вижу, хотя тут везде как бы пляж.

Предложение было одобрено и вскоре, укатив машины, насколько это было возможно дальше для такой гористой местности, они стали там же разбивать лагерь. Кроме ремонта автомобиля Андрея, деньги в Ростове были потрачены на три палатки и необходимый туристический инвентарь. Команда была во всеоружии.

Солнце качалось над горизонтом.

– Я больше не могу терпеть! – воскликнула Оксана.

– Я с тобой! – поддержала ее Маша.

Через десять минут они заходили в воду. Мужчины стояли на берегу и, улыбаясь, смотрели на двух красавиц, погружающихся в морскую пучину.

– Очень скоро стемнеет, – произнес Кортнев. – Пойду к ужину что-нибудь придумаю. Мы на курорте, а не в бегах. Какой-то... бред.

– Все быстро меняется, – сказал Андрей. – У вас какие планы относительно моря были? Я о времени?

– Мы не обсуждали. Думаю, пару дней, но я бы убрался завтра же. Нам не стоит так рисковать. Хотя, что так, что так, мы рискуем.

– А куда мы потом? – спросил Петр Ильич.

Вопрос повис в воздухе.

В сентябре 1955 года в Аргентине произошел очередной военный переворот, и был свергнут президент Перон. Эмигрантам – противникам свергнутого диктатора было предложено вернуться на родину, чем воспользовались многие проживавшие в Мехико аргентинцы. Эрнесто отказался вернуться, поскольку был увлечен предстоящей экспедицией на Кубу.

Пока Вячеслав занимался ужином, Андрей с Петром Ильичем ставили палатки. Дело это оказалось не простое. Кортнев устал наблюдать за муками двух москвичей, оставил готовку и пришел к ним на помощь. Вскоре все было установлено, разложено, одним словом, был наведен армейский порядок.

Тут же вернулись девушки, закутанные в полотенца, с си-

ними губами и стучащими зубами. Процесс согревания оказался не быстрым.

– Я предупреждал, – сказал Андрей.

Вскоре, переодевшись, все сидели вокруг костра и стучали ложками об алюминиевые миски.

– Согрелась? – нежно спросил Оксану Андрей.

– Уже да. Солнце скоро скроется.

Андрей бросил взгляд на ту самую гору, выраставшую из воды.

– Пятнадцать минут и мы на вершине, – предложил он.

– Бежим. – Оксана тут же поднялась.

– Мы вас покинем, у нас вечерний сеанс, – кинул Андрей.

– Бегите, молодежь, – крикнул им вслед Вячеслав.

– А я и отсюда полюбуюсь. Запах моря и гор, – проговорил Петр Ильич.

Солнце готово было нырнуть в море.

– Успели, – с трудом дыша, сказал Андрей.

– Какая красота! – воскликнула Оксана, оглядывая окрестности.

Андрей присел, увлекая за собой Оксану. Он обнял ее и поцеловал в щеку.

Оксана улыбнулась и хитро взглянула на Андрея.

– Как быстро заходит, – с сожалением говорила Оксана.

– Оксана... – Андрей смотрел на девушку.

– Впервые на море, – продолжала Оксана, – и сразу же вижу закат. Как прекрасно.

– Оксана.

– Как подумаешь, – не обращая внимания на Андрея, говорила Оксана, – чего человек может лишиться по тем или иным причинами!.. Как я, например. Сколько бы я еще торчала в Москве, не имея возможности куда-либо выбраться. Нет, для настоящей ситуации, пример какой-то... неудачный. Но я даже не об этом. Не важно, видел ты что-то или нет, хотя это тоже безумно интересно. Я о том, что...

– Оксана...

– ... сколько людей на земле не могут, например, как мы сейчас, любоваться закатом, не могут оказаться...

– Оксана, я тебя люблю, – тихо произнес Андрей.

– Не могут делать то, чего они... Что ты сказал? – Оксана растерялась.

– Я люблю тебя. – Глаза Андрея горели. В них отражался отсвет заходящего солнца, в них полыхало нечто необъяснимое, что-то доброе, нежное, светлое. Что-то дикое, сильное, страстное и... печальное.

– Андрей. – Оксана спрятала лицо у него на груди. – Андрей...

Солнце село за горизонт. Андрей с Оксаной продолжали сидеть в том же положении. Оксана плакала, уткнувшись в грудь Андрея.

– Ну, что ты, маленькая?

– Все хорошо, – говорила она, – я сейчас.

– Мы не найдем дорогу обратно. Еще чуть-чуть и землю

покроет крошечный мрак. Тут нет иллюминации.

Оксана выдохнула.

– Идем, – сказал она, и поднялась, опираясь на руку Андрея.

Но не успели они сделать и шага, как Оксана обвила руками шею Андрея и впиалась в его губы. Оторвавшись, она прошептала ему на ухо:

– Я тебя люблю.

Когда они вернулись в лагерь, у костра сидел один Кортнев.

– Ну как, налюбовались?

– Это чудо! – воскликнула Оксана.

– Ну, и хорошо.

Андрей с Оксаной залезли к себе в палатку.

– Дорогая, ты устраивайся, я скоро подойду. Хорошо?

– Как ты меня назвал?

Андрей улыбнулся.

– Хорошо, милый, – сказала она.

Андрей подсел к Вячеславу.

– Не спится? – спросил тот.

– Как и тебе, – ответил Андрей.

– Спрашивай.

– Что?

– Ты же хочешь что-то спросить?

– Да, ты прав. Только, мне нужно знать, готов ты будешь ответить на все, как есть, ничего не утаив.

– Мне на Библии поклясться? – спросил Кортнев.

– На чем угодно, – сказал Андрей.

– Тебе придется просто мне довериться, если ты хочешь что-то услышать.

– Ладно, начнем с простого. Откуда у сбежавшего зека, не имевшего ранее ничего общего с преступным миром, у бывшего офицера Российской армии, новый паспорт, ствол и деньги, – начал Андрей. – Согласен, простой вопрос.

Кортнев молча смотрел на огонь.

– А тебе зачем это знать? – вопросом ответил Кортнев.

– Ты же догадываешься, зачем.

– Просвети.

Андрей ухмыльнулся.

– Помнишь вопрос Петра Ильича? «А что дальше?»

– И что?

– Я предлагаю не разбежаться после этого курортного мгновения, – сказал Андрей.

Вячеслав поднял глаза. Удивления в них Андрей не обнаружил.

– А что ты предлагаешь? – спросил Кортнев.

– Объединиться и... Нужно создать ополчение и направиться непосредственно в район боев.

– Что? – Кортнев опешил.

– Шутка. Метафора, я бы сказал. Более того, я уверен, что ты хотел предложить мне то же самое. Поэтому ты тут и сидишь один. Я прав?

– А ты много чего видишь, – заметил Кортнев. – Ты прав. И возникло это желание еще там, в магазине. Поэтому мы и бросились за вами. Не знаю, как и почему, но так вышло.

– Это огонь, – промолвил Андрей. – Он бьет прямо в голову.

Вячеслав снисходительно посмотрел на Андрея.

– Нам будет сложно, – произнес он.

– Сбежавший зек, сидевший за убийство, с сообщницей, два убийцы и грабителя и сумасшедший писатель. Кто бы подумал, что нам будет легко?

– Это не смешно, – серьезно произнес Вячеслав.

– Я не смеюсь. Но нам нужен план. А разработать мы его сможем только в том случае, если будем доверять друг другу. И ничего не утаивать. Итак, я слушаю.

– Хорошо, – проговорил Вячеслав. – Значит так. – Он на мгновение задумался и продолжил: – Есть в стране банда, именующая себя Черными псами. Я не оговорился, именно в стране. Это не мафия, это некое сообщество воров, да и не только, скорее всего, объединенных общей идеологией, я так думаю, отличающейся от обычных группировок. В чем это заключается, я не знаю. Возможно, они просто дали клятву, расписались кровью и на этом все закончилось. Это кружок взаимопомощи с уникальной материальной базой и связями. И это только мое предположение. На самом деле, я понятия не имею, что это такое.

– И ты сидел с ними? – спросил Андрей.

– С одним из них. Чужих в этот кружок не пускают под страхом смерти, грозящей и пустившему и вошедшему. Я бежал с одним из них. Я помог ему, без меня бы у него ничего не вышло. Могила его звали.

– В прошедшем времени? – поинтересовался Андрей.

– Да, – ответил Кортнев, – я убил его. И знаешь почему?

– Он хотел убить тебя.

– Верно, и знаешь почему?

– Ты оказался в кружке.

– Почти, – согласился Кортнев. – Далее. О материальной базе. Есть у банды тетрадь, довольно объемная, в которой расписаны все их возможности с указанием адресов, имен и координат.

– Координат чего? – спросил Андрей.

– Тайников. Это может быть оружие, деньги, да что угодно. Что нужно, то и есть.

– И эта тетрадь попала тебе в руки?

– Да. Поэтому у меня и паспорт, и ствол, и деньги. Денег не так много, их почти не осталось. Но, есть другие тайники.

– Кстати, денег и у нашего писателя не так много, – заметил Андрей. – Карты он обнулil, а счета, похоже, закрыть не сможет. Уже. Нет, я не собирался его использовать в этом ключе...

– Да я понимаю.

– Кстати, – подумав, сказал Андрей, – нужно было в Ростове обналичить счета...

– Андрей!

– Гипотетически. Ладно. И что дальше? – спросил Андрей.

– Нам всем нет пути назад, – сказал Вячеслав. – Мы можем только сопротивляться.

– Я об этом и говорю, – согласился Андрей.

– Оружие, нам нужно оружие. Три ствола с початыми обоймами нас не спасут.

– Ты не просто так приехал на море, верно? – спросил вдруг Андрей.

– Карачаево-Черкесия, там должен быть тайник. Их много на Кавказе, но я выбрал этот. Сам не знаю, почему. Наверное, опять же, море. – Вячеслав ухмыльнулся. – Вообще, их и по пути было достаточно, но... не знаю, этот я выбрал...

– Отлично! – не дослушав, воскликнул Андрей. – Но этого не достаточно. Мы не спецотряд, и всю жизнь так не протянем, даже, если, как ты, сделаем себе паспорта.

– Верно, но мы можем покинуть страну, – тихо проговорил Кортнев.

Андрей внимательно посмотрел на Вячеслава.

– Это грустно, – проговорил Андрей.

– Ты хочешь сесть за двойное убийство и ограбление.

– Ну, двойное убийство еще доказать нужно.

– Для этого нужно достать из башки пулю и провести экспертизу. Тех чудиков, думаю, раскололи, и вся полиция страны знает о похищенных трех стволах. Так что, будь спокоен,

все докажут.

– Приятно слышать, – выдохнул Андрей.

– Ты сам влез в это дерьмо, – спокойно проговорил Андрей. – Она тебя так зацепила?

– Оксана?

– А кто еще?

– Сначала нет, вроде бы, – нерешительно начал Андрей. – Было что-то другое. Я увидел в ней себя и решил помочь сам себе. Может, так будет правильнее сказать. А может, это я так пытаюсь объяснить то, чего не могу понять. С помощью относительного цинизма. Черт, я не знаю. Так вышло, и все. Просто в какой-то момент становится тяжело смотреть, как кто-то оказывается под катком этой жизни. В рабстве. И тут возникает желание всех освободить. Но, как я могу кого-то освободить, если сам я прикован к позорному столбу, я на дне, в бездне. Я сам прибываю в рабстве. Начать нужно с себя. Вот я и начал таким образом... наверное. Не знаю, понимаешь ли ты то, о чем я говорю, но я стараюсь быть искренним. Во всяком случае, сейчас.

– Думаю, у нас будет еще много времени для таких бесед. Дорога может оказаться очень длинной.

– Как скажешь. Так как ты хочешь покинуть страну?

– Потом. Сейчас об этом говорить рано. Нужно достать оружие. Пора спать. Хочешь погреться у костра?

– Сейчас пойду.

– Давай, до завтра.

– Пока.

Андрей смотрел, как тлеют угли, и глаза его начали слиться.

– Покинуть страну? – раздался милый женский голос.

– Я сам только что услышал.

– Вести борьбу, находясь в эмиграции?

– Ты далеко смотришь.

– Я лишь рисую варианты. Я даже не утверждаю, что ведя борьбу с режимом, любым режимом – тоталитарным, авторитарным, якобы демократическим, не важно, можно приблизиться ко мне. В мире много иллюзий. Нужно быть очень осторожным.

– Ты намеренно меня путаешь? – спросил Андрей.

– А ты не поддавайся. Стоять на своем, иметь свое мнение, разве это не является частичкой осознания себя независимым?

– Зависимость от обстоятельств к этому не имеет никакого отношения.

– Все взаимосвязано, – заметила незнакомка. – Все имеет выход куда-то, к чему-то. Нужно лишь выбрать подходящую дверь, за которой будет нужная дорога.

– Дорога к тебе?

Волшебный смех разлетелся по окрестностям и скрылся где-то за черным горизонтом.

– Что-то ты долго, милый, – сонным голосом проговорила

Оксана.

– Спи, маленькая, спи.

– Проходите, Иван Владимирович, присаживайтесь. Давно не виделись.

Полковник Шощкий вошел в кабинет и присел за стол.

– У меня для вас дело федерального масштаба. Федеральным мы его сделали буквально только что. Вот тут все материалы по делу, даже по нескольким делам, с которыми я и предлагаю вам ознакомиться, и, возможно, объединить в одно дело.

– Я могу забрать?

– Не торопитесь, выслушайте сначала. Довольно оригинальная ситуация. Так сразу и не поверишь, и не поймешь. Начну вот с чего. Кортнев Вячеслав, майор вооруженных сил России, более трех лет назад был осужден за убийство заместителя РОВД в Волгодонске на пятнадцать лет. В марте этого года он бежал из места заключения. Совершив преступление в Волгодонске, он туда же и вернулся. Удивительно! Почему удивительно, спросите вы? А потому, что там его ждали, установили наблюдение за соответствующими объектами, и он, будучи профессиональным военным, пограничником, прекрасно все это знал, но все равно вернулся. Зачем, или за кем, спросите вы? Убийство произошло в ресторане, а причиной стала официантка, некая Мария Данченко, с которой Кортнев был на тот момент в романтической свя-

зи. Он прибыл, забрал невесту и благополучно исчез. И никто его не заметил. Чудо? Об этом чуть позже. Далее. Сразу скажу, история, по меньшей мере, фантастическая. Девятого мая этого года, в разгар праздника, прямо во время салюта на отделение, находящееся в центре Москвы было совершено нападение и похищено три единицы табельного оружия. Нападавших было двое. Внимание, Оксана Соловьева двадцати одного года, и Андрей Зорин двадцати восемью лет. Вдвоем пришли в одно из центральных отделений и увели три ствола. Тем не менее, факт остается фактом, во всяком случае, согласно рапорту. Внутреннее расследование идет. На следующий день Оксана Соловьева совершает убийство своего отчима, как сами понимаете, используя один из стволов. Ни Соловьеву, ни Зорина обнаружить не удастся. Да, Иван Владимирович, вы хотите что-то спросить?

– Прошу прощения, а как были установлены личности нападавших?

– Насколько мне известно, камера на улице возле участка засекла автомобиль, в которую садились преступники, и по номерам определили владельца, Зорина, а после убийства, произошедшего на следующий же день, стало ясно и все остальное.

– Вы хотите сказать, что этот Зорин приехал на собственном автомобиле, оставил его на улице в центре Москвы, где полно камер, в разгар праздника, и ограбил участок с сообщницей, которая тут же...

– Я понимаю вашу иронию. Я же сказал, история фантастическая. Вот вам и нужно разобраться. Управление собственной безопасности в данный момент занимается этим случаем. Слушайте дальше. Несколькими днями позже в Воронежской области находят трупы двух местных мальчиков. Что показала баллистическая экспертиза? Верно. Они были застрелены одним из этих трех стволов. Вижу, вы уже заинтересовались. К чему же я веду? Комичная составляющая. Несколько дней назад поступило заявление от некой Раисы Гордон о пропаже ее супруга, генерального директора довольно крупной фирмы. Я делаю паузу. А теперь сладкое. То, чего вы ждали. Вчера мы получили от наших коллег из Ростовской области запись, сделанную с камер видеонаблюдения одного магазина, стоящего на трассе Ростов-на-Дону – Волгодонск. Смотрите. Видите, что происходит? Ну, что происходит, понятно. А теперь о тех, кто в главных ролях. Вот это стоит Оксана Соловьева, это Андрей Зорин, это лежит Вячеслав Кортнев, это Мария Данченко, а это Петр Гордон. Внимание, вопрос! Как они оказались вместе и что все это значит? Возвращаемся в Волгодонск. Кортнев вернулся туда и забрал Данченко. Ее мать подтвердила, что та ушла из дома накануне, куда, не сказала, просто ушла. Гордон? У меня нет вариантов ответа. Что он тут делает? И почему они все лежат? Тут можно предположить, что они страхуют Зорина с Соловьевой. По заявлению очевидцев, преступники приказали оставаться всем на своих местах десять минут. Все бы-

ли так перепуганы, что никто не тронулся с места. Извините, я нажал на паузу. Вот, все остаются лежать. За исключением кого? Правильно, Кортнева, Данченко и Гордона. Они практически моментально выбегают за Зориным и Соловьевой. Какой вывод? Они вместе. Что, почему, какие у них намерения, где они сейчас? Все это теперь ваше, полковник. Да, после этой записи все они объявлены в федеральный розыск. И вы его возглавите. Прошу прощения, майор, вы сели в такой темноте. Знакомьтесь, Иван Владимирович, майор Кротов Илья Константинович, будет вашей правой рукой. У меня все. Зная вашу репутацию, Иван Владимирович, я уверен, вы ничего не упустите. Удачи. Можете идти, и вы, майор тоже.

– Есть!

До конца рабочего дня Шощкий изучал переданные ему материалы и просматривал видеозапись. Листая документы, он делал заметки в блокноте, после чего аккуратно выписывал на листе бумаги вопросы по пунктам.

На следующее утро он вызвал к себе майора Кротова.

– Приветствую, Иван Владимирович, разрешите? – Кротов вошел в кабинет.

– Доброе утро, Илья Константинович, присаживайтесь.

– У вас уже готов план? – спросил Кротов.

– Нет, пока я хотел бы подробней ознакомиться со всеми обстоятельствами. Очень сжатый подбор мне вручили. Я тут выписал вопросы, которыми и попросил бы вас заняться.

Давайте, прямо по пунктам. Первое, добудьте мне, пожалуйста, материалы по обстоятельствам убийства, совершенного Кортневым в Волгодонске с контактами ресторана, где оно произошло, и контактами лиц, ведших это дело. Далее, по тому же Кортневу. Мне нужна его биография, личное дело, я об армии, и о его работе в Волгодонске. Далее, снова Волгодонск, то же самое мне нужно по Марии Данченко. Но, тут, я думаю, много не будет. Мне нужен контакт ее матери. Зона. Мне нужно знать все о пребывании Кортнева в колонии, что он там делал, с кем вел знакомства, каков был его статус. Побег. Тут у меня только то, что тогда-то был совершен побег. Мне нужны подробности. Как, с кем, – если кто-то был еще, – что происходило накануне. Тут всё. И касательно убийства в Воронежской области. Мне также нужны подробности, контакты следователя, и все о личностях убитых.

– Да, Иван Владимирович, слухи о вас не вымысел. Вы роете до руды. Сколько у меня времени?

– До завтра справитесь?

– Буду стараться.

– Хорошо. А я пока займусь этим злосчастным участком, Зориным и Соловьевой. Все майор, можете приступать.

– Есть.

Перед тем, как зайти в отделение, Шощкий внимательно осмотрел двор перед ним, а также проезжую часть, видимую в проеме между домов, ограничивающих заезд во двор. Он

даже вышел за пределы двора, на улицу, осмотрев все, находящиеся рядом здания. Постояв немного, он развернулся и направился в отдел.

– Все указано в рапорте, – сказал начальник отдела и принялся массировать ладони. – Все же просто, как ясный день. Мы признаем свою вину. Не знаю там, в том, что были не готовы к этому, представить такого не могли. В халатности, в чем угодно. Центр Москвы!

– Хорошо, я понял. Вы пишете, что обе камеры во дворе на тот момент не работали. Выяснили, почему? – спросил Шощкий.

– Да, кто ж их знает? Салют был. Скачки напряжения... – загадочно проговорил начальник.

– Вы так думаете? – тихо спросил полковник.

– Я в этом не разбираюсь. – Начальник рассмеялся, продолжая мять ладони.

– Вы нервничаете? – спросил Шощкий.

– Да нет, с чего?

Шощкий помолчал секунду, после чего спросил:

– Значит, все так и было? Как в рапорте. Двое неизвестных ворвались к вам и обезоружили. И были они не вооружены, а вы с оружием в руках.

– Нет, не в руках, почему...

– У них было оружие?

Начальник начал массировать шею.

– Я перепугался, – сказал он, – не заметил.

– Видимо не было, – предположил Шоцкий, – иначе, зачем его красть только для того, чтобы произвести один выстрел, верно?

– Еще два было! Вы слышали? В Воронежской области двоих положили из наших стволов. А вы говорите? Это убийцы!

– Я слышал, что выяснить личности преступников вам удалось при помощи камеры видеонаблюдения, висящей на соседней улице. Верно?

– Да, верно.

– И определить владельца автомобиля по номерам, – продолжал Шоцкий, – а после место жительства водителя не составляет особенного труда и много времени, так?

– Так.

– То есть, вы в ту же ночь могли, если не обнаружить, то уже напасть на след, так? Или я ошибаюсь?

– Так, но...

– Где же вы были два дня? – перебил Шоцкий.

– Мы... – Начальник не мог признаться в том, что, отдав соответствующее распоряжение, он, будучи крайне расстроенным происшествием, так налег на спиртное в ту ночь, что два дня провел дома на больничном, предупредив о том, чтобы без его ведома ничего не предпринимали. Следовательно, ведущему внутреннее расследование, он просто доложил о том, что не получилось оперативно среагировать. Он уже понимал, что тонет, и выбраться уже не сможет. Рассчитывать

ему оставалось только на случай. Он вздохнул и произнес: – Виноват...

– У меня пока все. – Шоцкий поднялся, и, не прощаясь, направился к выходу.

– Едем? – спросил его шофер.

– Подожди здесь, я пройдусь.

Через десять минут полковник беседовал с начальником охраны ювелирного магазина, расположенного на противоположной стороне улицы, прямо напротив выезда во двор.

– У вас три камеры на улице? – спросил Шоцкий.

– Да. Много? – смеялся охранник. – Специфика магазина, ну и, паранойя хозяина. Простите.

– А куда они смотрят, можете показать?

– Конечно. Вот. Вправо, влево и вперед. Сам вход виден изнутри помещения. Она стоит так, что видна и улица и коридорчик. Все ж из стекла.

– Угу. – Шоцкий смотрел на экран, отображающий вид с камеры, смотрящей вперед. Она захватывала противоположную часть улицы, въезд во двор, и двор, и даже само отделение. – Прямо напротив вас находится полицейский участок, вы не доверяете полиции?

Начальник охраны снова рассмеялся.

– Все вопросы к хозяину.

– Как долго вы храните заснятые материалы?

– Месяц.

– Зачем? Хорошо, простите, я все понял.

Охранник смеялся.

– Вы не могли бы найти мне запись, сделанную с этой камеры девятого мая.

– Легко.

Прошло несколько минут.

– Готово, – сказал начальник охраны. – Какое время?

– Когда у нас салют? Да, давайте с семи вечера. На ускоренную поставьте. Или давайте, я сам. Не хочу вас отвлекать. А то ограбят, а я виноватым окажусь.

– Хорошо, – все, также смеясь, согласился охранник и развернулся к другому экрану.

– У меня всё, – через несколько секунд сказал Шоцкий. – Можете сделать мне копию фрагмента. Или, давайте, я сам.

– Да, лучше сами, я в этой технике, сами понимаете, – сказал он.

Поблагодарив охранника и попрощавшись, Шоцкий вернулся в отделение полиции.

– Вы что-то забыли? – удивленно, и уже окончательно поставив на себе крест, спросил начальник отделения и снова начал тереть ладони.

– Давайте посмотрим кино. Не возражаете? – предложил Шоцкий.

– Что?

Через минуту они сидели перед монитором компьютера.

– Ну, вот, – говорил Шоцкий, – «Козелок» подъезжает, два бойца выносят хрупкую девушку, заносят внутрь. Я про-

мотаю. Так, тут девушка выбегает, падает. Грабительница ваша. А вот второй грабитель, он стоит на противоположном конце двора и машет девушке. Они убегают, дальше тут не видно, куда. К автомобилю, как вы уже выяснили.

Пот стекал с лица начальника.

– Согласен, можно трактовать, как ограбление, – сказал Шоцкий. – Но, как налет? Увольте. Что могут рассказать эти два блюстителя порядка, вдвоем несущие к вам в гости девочку? Я все равно узнаю, не тратьте мое время.

– Эти идиоты взяли ее на Курском вокзале. Сказали, что вела себя плохо, – сдавленным тоном бормотал начальник.

– Как плохо?

– Не сказали, я же говорю, идиоты.

– Понятно. Как вы собирались это все скрыть? Ладно, пусть управление собственной безопасности вами занимается. Не делайте глупостей, капитан. Я это никуда не буду толкать до поры до времени. А, может, и, вообще, не буду. Но, рекомендую вам задуматься о том, в нужном ли месте вы сидите. Будьте здоровы.

Начальник закашлялся. Шоцкий вышел из кабинета.

Через полчаса он бродил по Курскому вокзалу с фотографией Оксаны, а еще через полчаса завсегдатай зала ожидания, испускающий неприятный запах, рассказал, что видел, как все происходило в День Победы.

Через полтора часа Шоцкий опрашивал соседей Оксаны, после чего навестил ее мать. Та с трудом могла разговари-

вать, – плакала она без перерыва. Шоцкий узнал о том, что за человек был ее второй муж, отчим Оксаны, о пристаиваниях к Оксане, об избиениях матери, об ударе сковородкой, о том, как мать фактически выгнала дочь из дому, и о причине последнего посещения Оксаной своего дома.

Через час Шоцкий нашел местного участкового.

– Здравия желаю, товарищ полковник. – Лейтенант вытянулся, как на параде.

– Соловьевы? – тут же спросил Шоцкий.

– Прошу прощения, не понял?

– Все ты понял, лейтенант. Я насчитал семь сигналов, которые ты получал. В чем причина твоего бездействия?

– Виноват, товарищ полковник, от потерпевшей не поступало заявления.

– Угу. Свободен.

Когда Шоцкий сел в автомобиль, ему на телефон пришла информация по кредитной истории Андрея Зорина, которую он запросил накануне.

– Понятно, – посмотрев, проговорил он, и обратился к водителю: – Пообедаем?

– С удовольствием.

После обеда Шоцкий посетил офис, где работал Зорин. Он выяснил, в каком отделе тот работал и направился прямо к начальнику.

– Чем могу быть полезен? – заискивающе спросил начальник Андрея Шоцкого.

Иван Владимирович внимательно посмотрел в его глаза, после чего спросил:

– Вы давно тут работаете?

– Пять месяцев.

– Ясно. – Шощкий, не говоря ни слова, вышел из кабинета.

– Что я могу сказать, – говорил директор по производству, – четыре года я знал Андриюшу. Замечательный специалист, грамотный, исполнительный, тихий такой. Да и, просто, хороший парень. И не верю я в то, что он мог что-то натворить. Приходили же уже, опрашивали. Но, до меня не дошли. А вы заново начали?

– А почему он уволился? – спросил Шощкий. – За один день. Я уже был в отделе кадров.

– Не могу сказать. С начальником он не ладил, но это дело поправимое. Такое ощущение, – ну, мне так кажется, – что-то его терзало в последнее время, что-то грызло изнутри. Тоску в его глазах я наблюдал в последнее время.

– У него квартира, машина, все в кредит взято. Странное решение, вы не находите? Мне интересно ваше личное мнение, так сказать, не для протокола.

– Мне кажется, это был бунт, – сказал директор.

– Спасибо. Я могу поговорить с его коллегами?

– Конечно.

Шощкому отвели отдельный кабинет.

– Да отличный мужик был. Не знаю, что за муха его укусила?

– Классный парень, немного странноватый порой. Но, мне нравился.

– Я знаю девушку, которая была в него влюблена.

– Добрый он был.

– Он как сядет за проект, так обо всем забывает. И тихим был, никогда ни с кем ни о чем не спорил. Только слушал.

– Да мне, вообще, по фигу!

– Честно говоря, мне так жалко было, когда я узнала, что он увольняется. Он же в один день взял и ушел, не попрощавшись, по-английски.

– Мы друзьями были. Раз в месяц в бар ходили, традиция такая. Да, клевый он был, хоть и не умел пить.

– Я вам не нужен? – После того, как Шоцкий закончил, в кабинет заглянул начальник Андрея.

– У вас есть, что добавить?

– Я начальником его был.

– А почему вам не терпится что-то сказать?

– Ну, как, я же говорю, он был моим подчиненным.

– Вот этой фразы мне достаточно. Подчиненным. – Шоцкий поднялся и снова пристально посмотрел в глаза начальнику. – Нет, с вами мне не о чем разговаривать.

Ближе к вечеру Иван Владимирович посетил квартиру Андрея. Он прошелся по комнатам, осмотрелся, изучил книги, лежавшие на тумбочке возле кровати в спальне, осмотрел кухню, пустую комнату, в которой на полу лежали одеяла, составляющие импровизированную кровать.

– Он приводит домой молоденькую симпатичную девушку, а сам спит на полу в соседней комнате. Удивительный мир, – тихо произнес он.

– Когда домой, Иван Владимирович? – умоляющим тоном спрашивал водитель.

– Еще в одно место заедем.

Предварительно созвонившись с Раисой Гордон, Шощкий прибыл к ней на квартиру. Также он заранее попросил пригласить ее сына. Беседа с женой и сыном Петра Ильича заняла не более пяти минут.

– Так быстро? – удивился шофер.

– Я все понял.

Посещение на следующий день офиса, в котором работал Гордон, также не заняло много времени. И также на удивление водителя Шощкий заявил, что ему все ясно.

Через день Кротов предоставил всю запрошенную Шощким информацию и необходимые контакты.

– Прокомментировать? – спросил майор.

– Давай, я пробежусь, потом позову, если что.

– Хорошо.

Шощкий связался с рестораном в Волгодонске и выяснил, что хотел, потом поговорил с матерью Оксаны Данченко. Связался со следователем, ведущим дело об убийстве, сопоставив его слова со словами сотрудников ресторана. И в конце вышел на районный отдел Воронежской области, расследующий убийство двух молодых людей.

Иван Владимирович откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и стал собирать в голове пазл. Потом он принялся изучать карту России, после еще раз пробежался по документам, принесенным Кротовым. Потом опять закрыл глаза. Через пять минут, он, глубоко вздохнув, открыл глаза и встретился со своим изображением в зеркале.

– Ну что, раб лампы, готов?

Договорились провести на море еще два дня.

– Это безумие! – смеясь, кричал Андрей, ныряя в воду.

– Это чудо! – кричала вслед за ним Оксана.

– Это прекрасно! – смялась Маша.

– Это воля, – улыбаясь, говорил Петр Ильич.

– Вы все просто дети! – делал заключение Вячеслав.

Небо было идеально чистым все два дня. Солнце жарило, набрасывая загар. По вечерам Андрей с Оксаной забирались на ту же гору и сидели, глядя на закат.

– Мне так хорошо с тобой, – говорила Оксана. – Никогда бы не подумала, вспоминая первые дни, что я так влюблюсь в тебя. Вернее, так люблю. Это какое-то волшебство!

– Так это как? – спросил Андрей.

– Я не знаю, как сказать, по-настоящему. Я влюблялась и раньше, конечно, но сейчас все совсем по-другому.

Андрей улыбался.

– Сейчас, вообще, все по-другому.

– Не хочу об этом думать, совсем не хочу. Я до сих пор не позвонила маме. Маша, говорит, уже связывалась со своей мамой и убедила ее в том, что все хорошо.

– Слава не говорил. Она сказала маме, с кем она?

– Она сказала, что не говорила, но мама итак сама догадалась. К тому же к ней уже приходили из полиции.

– Хотя, после твоего выступления в магазине, – произнес Андрей, – твоего дебюта, мы все засветились.

– Нет! – воскликнула Оксана, – не хочу думать обо всем этом.

– Нужно, Оксана, нужно, и лучше раньше, чем позже.

– Ох, – Оксана глубоко вздохнула. – Я хочу только одного – быть всегда рядом с тобой, и чтобы ты всегда держал меня за руку.

– Ради этого ты готова поломать жизнь? – Андрей осекся. – Не то говорю. Знаешь, что я подумал. Если найти хорошего адвоката, то может что-то получится?

– Ты о чем, Андрей? – удивленно спросила Оксана.

– Понимаешь, я тебе после расскажу. Я хотел, хочу создать ополчение... Нет, не то... – Андрей снова осекся. – По сути, оно у нас уже есть, ополчение... Я мечтал создать... нет, потом. Но, ты, Оксана... Мне становится так тяжело, когда я представляю, что с тобой что-то произойдет. В общем, не знаю, как быть с тремя стволами. Убийство отчима можно представить, как самооборону. Магазин все портит. Могут присудить...

– Я не понимаю тебя, Андрей, – испуганно произнесла Оксана. – Ни слова не поняла!

– Ты такая молодая!

– Нет, Андрей! – вспыхнув, твердо сказала Оксана. – Об этом не может быть и речи. Никаких адвокатов, я не сяду в тюрьму ни на один день. И пусть я всю жизнь проведу в бе-

гах, пусть меня завтра убьют, я хочу остаться в том положении, в котором нахожусь сейчас. Я... я свободна... – Оксана крепко сжала руку Андрея.

– Свободна... – повторил за ней Андрей.

– Да, и ты рядом со мной, и держишь меня за руку! И больше мы об этом говорить не будем. Обещаешь?

Андрей задумался, глядя в землю.

– Андрей? Обещаешь?

– Обещаю, Оксана, – тихо произнес он, – и обещаю всегда быть рядом с тобой и держать твою руку.

– Любимый. – Оксана сделала паузу, и после спросила: – А что ты говорил про ополчение, и еще о чем-то?

– Я мечтаю построить свободный город. – Андрей рассмеялся. – Это утопия, но мечта. С чего-то нужно начинать. Я начал с того, что уволился с работы. А после я встретил тебя. И я понял, что нельзя где-то строить счастье для людей, когда в другом месте кто-то очень несчастлив и никак не сможет оказаться рядом в этот момент. Свобода не должна быть локальной. Она для всех. Но, как это осуществить, когда вокруг такое? Мы же все, по сути, были рабами. Все, кто здесь собрался. Посмотри на Петра Ильича. И это мы сами себя довели до такого состояния. А когда опомнились, то оказались там, где находимся сейчас, и в том положении, в котором пребываем. Извини, я, наверное, не очень четко формулирую мысли. Я так часто обо всем этом думаю, что у меня в голове все перемешалось. Наша мнимая свобода зависит

от того, сколь оперативно сработают органы правопорядка. Но, даже не это главное. Мы должны были разломать цепи, которыми было сковано наше сознание. Мы это сделали.

– Да, у нас это получилось.

– Но, нас так мало. Как разбойников в английском сериале про Робина Гуда.

Оксана рассмеялась.

– Что мы можем сделать для освобождения всего человечества? – серьезно спросил Андрей.

– Показать пример. Не сдаваться!

Андрей обнял Оксану и прошептал:

– Ты словно читаешь мои мысли. Но есть такой орган, как средства массовой информации, так согласно тому, как он выдаст эту самую информацию, теми мы и будем для всего человечества. То есть, убийцами и грабителями. Замкнутый круг. Все, что мы сейчас можем, это обрести ее сами. Обрести и не потерять. Мы будем идти к ней, мы должны понять ее, понять по-настоящему, так, как еще никто не понимал...

– Андрей, ты меня начинаешь так запутывать, что я теряюсь.

– А знаешь, Оксана, – я уже немного о другом, – чтобы ты сделала, если бы тебе предложили начать жизнь заново? С новым именем.

– Я бы уже не смогла бы поступить в театральный институт, – с сожалением проговорила Оксана.

– Ну, почему же. Да ладно. А если отбросить его. Вот, со-

вершенно новая жизнь!

– Ты к чему-то меня подводишь? – хитро спросила Оксана.

– Тебя не проведешь. Я вернусь к своей утопической мечте. Пустая земля и свободные люди. Они возводят город для себя. Город, страну, не имеет значения. Они работают, учатся, проводят исследования, играют в кино. Но все они на равных правах. Все они свободны. Нет ни царей, ни президентов, ни полиции, ни лживой прессы. Есть только свобода. Ты в это можешь поверить?

– Думаю, Андрей, ты сам в это не веришь. Ты пытаешься смоделировать свободное общество, но рисуешь сказку. Ты же был прав, когда говорил о цепях в сознании. Пока все люди на земле их не разобьют, – каждый свою цепь, – мир не станет свободным. Я считаю, нам это удалось.

– Мы попали под гнет обстоятельств.

– Но, ты же уволился до того, как столкнулся с обстоятельствами.

У Андрея потеплело внутри.

– Я сбежала из парикмахерской до того, как столкнулась с обстоятельствами, – продолжала Оксана. – Более того, эти обстоятельства я создала сама.

– Ты вынуждена была их создать.

– Я боролась. И ты спас меня в тот момент. Петр Ильич просто закрыл книгу жизни, которая его не устраивала, и начал писать свою, сам напросившись на обстоятельства. Ма-

ша пошла за Славой добровольно. Слава сбросил самые настоящие оковы, пусть они были брошены на него ранее другими обстоятельствами. Нет, я считаю, что мы вправе называть себя, если не свободными людьми, то людьми, готовыми отдаться ей. Ты согласен со мной?

– Как же я тебя люблю! – воскликнул Андрей.

– Андрюша.

– Ты слышала о дальневосточном гектаре? – вдруг спросил он.

– Конечно.

– Ты бы согласилась осесть на нем и жить там новой жизнью?

– Если у нас будут новые документы?

– Да. Я не думаю, что там все так просто, но, в первом приближении ты согласилась бы? Со мной.

– Милый, с тобой я готова на все. И мы сможем сохранить свою свободу?

– И начать строить город, свободный город, пусть и на земле, принадлежащей государству. Мы построим такой огромный город, мы привлечем всех к строительству и жизни там, нас будет так много, что мы сможем противостоять государству, и в конечном итоге превратить его в свободную землю.

– Это революция? Андрей, ты не успокаиваешься. – Оксана рассмеялась.

– И эта земля будет доступна всем жителям земли, кото-

рые в итоге всю планету превратят в свободную землю...

– Андрей, хватит, у меня уже голова кругом идет, – смеялась Оксана.

– Да, – твердо сказал Андрей, глядя на горизонт.

– Извини, не могла сдержаться. Ты всегда таким мечтателем был? Я раньше этого не замечала.

– Честно говоря, я всегда был настолько приземлен, а, ко всему прочему, еще и циничен, что мечтать у меня получалось исключительно в состоянии алкогольного опьянения. Вот там я оказывался в нужном мире.

Оксана рассмеялась.

– Мы ужин не пропустим? – спросил Андрей.

– Мы можем пропустить закат.

– Что важнее?

– Ну, тебя!

Подходя к костру, Андрей сказал Оксане, что отойдет покурить. Удалившись от лагеря в сторону моря, Андрей достал сигарету и закурил.

– Ты сам не запутался? – спросила его женщина, закутанная в черный плащ.

– Я хотел объяснить все сразу, но, что-то, похоже, поплыл.

– Всего сразу не бывает. Ты же сам понимаешь, что тебе нужно в первую очередь? Тебе самому, а не всему человечеству.

– Догадываюсь, – вздохнув, произнес Андрей.

– Очисти свой разум от ненужного мусора, коего на горизонте еще предостаточно, а потом уже планируй... мировую революцию. Пустыня у тебя была, но я предупреждала, что может быть впереди.

– Но, если есть мечта?

– Я не спорю, но, какими бы мечты не были благородными, они не исполнятся при собственной неуверенности.

– Но, почему ты думаешь...

– Это ты сам себе ответь.

– И как я до тебя доберусь при таком хаосе?

Звонкий волшебный смех улетел в сторону зашедшего за горизонт солнца.

– Дамы и господа! – торжественно произнес на следующее утро Вячеслав, – сегодня наш заключительный день на курорте. Прошу забрать всю энергию солнца и моря и отправится дальше, пока на нас не наткнулись, ну ладно. Вы меня поняли.

– К морю! – крикнула Маша.

Они с Оксаной побежали к берегу.

– Эх, пойду и я окунусь, – проговорил Петр Ильич.

Андрей с Вячеславом остались в лагере.

– Слава, у меня к тебе вопрос, – сказал Андрей.

– Куда мы отправимся?

– Это я уже знаю.

– Ты говоришь, о том, что будет после?

– Это второй вопрос. У меня есть еще.

– Я тебя слушаю.

– Это касается твоей волшебной тетради, – начал Андрей, – ну, того, как ты это сам сделал.

– Ты о документах? – спросил Кортнев.

– Да, мы сможем сделать себе новые паспорта?

– Ты о себе и об Оксане.

– Ну да, Петр Ильич пока совершенно вольный человек во всех смыслах.

– У меня было несколько иное предложение, – сказал Вячеслав.

– Какое? – поинтересовался Андрей.

– Давай, я всем сразу объявлю, не возражаешь? – предложил Кортнев.

– Ты сначала про паспорта ответь.

– Надо посмотреть, где ближайший пункт, и будет ли он на пути следования.

– Куда?

– Ладно, – сдался Вячеслав, – слушай. Ты же даже не поинтересовался, где я служил.

– На Дальнем востоке. Могу предположить, что ты пограничник.

– Угадал. В погранвойсках. На Курилах. Прямо напротив Японии.

– Что-то ты меня начинаешь пугать, – настороженно проговорил Андрей. – Я правильно понимаю? Именно так ты

хочешь покинуть страну? Сбежать в Японию вплавь. Я о Курилах? Там совсем близко, я знаю, но...

– Я знаю всех контрабандистов, которые за умеренную плату переправят нас туда, а там я тоже много кого знаю, не лично, я там не был, но знаю. Они сделают нам документы любой страны, хоть нескольких стран. А дальше можем отправляться, куда душе будет угодно, были бы деньги.

Андрей молчал.

– Остров Кунашир, к примеру, – добавил Кортнев. – А ты каким образом собрался тут жить, если у тебя будет новый паспорт?

– Дальневосточный гектар.

– Бог ты мой! – рассмеялся Вячеслав, – ты палатку поставить не можешь!

– Все когда-то происходит впервые, – заметил Андрей.

– Ты знаешь правила его получения? – спросил Кортнев.

– Нет, но могу посмотреть.

– Если там будут пробивать по базе, то я бы не стал рисковать с поддельным паспортом. К тому же, что ты там собрался делать? Без денег, без опыта.

– Буду строить свой дом.

– А деньги?

– Да черт его знает, – рассеяно пробормотал Андрей. – Банк грохнем.

– Не кидайся такими фразами, можешь их материализовать. Мое предложение в силе. А насчет паспортов я посмотрю.

рю. Желательно, чтобы точка была не только на пути следования, но и подальше отсюда, вернее сказать, поближе к границе. Посмотрим.

– За тобой могут охотиться эти, псы твои черные?

– Выберемся.

На следующий день, во время обеда, Кортнев всем изложил свой план. Петр Ильич был в восторге, Маша растеряна, Оксана смотрела на Андрея.

– Это далеко, и добираться мы будем не самолетом, поэтому времени на раздумье будет предостаточно.

– Я готов! – воскликнул Петр Ильич.

Вячеслав улыбнулся.

– Одно место в шлюпке занято. Жду заявок, – сказал он. – Завтра утром выезжаем в соседнюю республику, а после едем на восток.

– Андрей, пойдем, искупаемся, – предложила Оксана.

– Идем.

Они взяли необходимые вещи из палатки и направились к морю.

– Ты знал об этом?

– Вчера узнал.

– Что думаешь?

– Мое предложение о своей земле на том же Дальнем востоке остается в силе. Нам нужно только поменять паспорта. Ты со мной?

– У нас получится?

– Если мы будем вместе, то, несомненно.

– Я с тобой, Андрюшенька! – Оксана бросилась Андрею на шею.

Петр Ильич наконец решился забраться на гору, где Андрей с Оксаной каждый вечер наблюдали закат. Он уселся на камень, извлек из сумки большую толстую тетрадь, ручку и принялся писать.

– Ты не говорил мне об этом, – настороженно сказала Маша.

– Не хотелось пугать тебя раньше времени. Ты так хотела на море. Маша, как бы я тебя не любил, неволить я тебя не хочу. Это трудно, опасно. Это рискованно.

– Нет, Слава, я уже говорила, обратно я не вернусь. Я с тобой, любимый.

Слава крепко обнял Машу.

– Я чувствую себя селедкой, – говорила Оксана, когда они с Андреем сидели вечером на горе в ожидании заката.

– Ничего, скоро мы найдем что-нибудь пресное в горах. Ты же никогда не видела горных рек?

– Нет, а зачем мы едем в Карачаево-Черкесию?

– Понимаешь, есть разговоры мужские, к которым женщины не допускаются.

– Что? – Оксана набросилась на Андрея.

– Хорошо, хорошо. В общем, это тюремная сага. У Славы есть волшебная карта, на которой обозначены бандитские тайники, разбросанные по всей стране. В тех горах, куда мы завтра отправимся, спрятано оружие.

– Я просто в кино попала, – медленно проговорила Оксана. – Это же, как Али Баба и сорок разбойников. Мы на разбойников не наткнемся?

– С нами майор пограничных войск. У него профессиональное чутье.

– Конечно, это чутье его закинуло в магазин, где я давала представление?

– Это судьба. – Андрей обнял Оксану.

– Наша последняя ночь на море, – с сожалением прошептала Оксана, когда они лежали в палатке.

– И мы насквозь просоленные.

– Дай, я поцелую твои соленые губы своими солеными губами.

– А дай, я обниму твои соленые плечи, своими солеными руками.

– А дай, я прижмусь своим соленым телом к твоему соленому телу...

Звезды заплясали над берегом, отражая свой танец в море.

Утром, свернув лагерь, команда на двух автомобилях выдвинулась в сторону Карачаево-Черкесии.

22 июня 1956 года мексиканская полиция арестовала Фиделя Кастро на одной из улиц Мехико. Затем была устроена засада на конспиративной квартире. На ранчо «Санта-Роса» полиция захватила Че и некоторых товарищей. Впоследствии выяснилось, что аресты производились по наводке провокатора, который проник в ряды заговорщиков. 26 июня мексиканская газета опубликовала список арестованных, включая имя Эрнесто Че Гевары Серны, который был охарактеризован как «международный коммунистический агитатор» с упоминанием его роли в Гватемале при президенте Арбенсе.

Лишь к концу следующего дня Кортнев попросил Петра Ильича остановить автомобиль, заявив, что ближе к нужному месту они уже не подберутся. Был вариант, заехать с противоположной стороны, но это означало показать себя в населенном пункте, а поскольку населенные пункты в этой местности не отличались населенностью, они сразу бы привлекли к себе внимание.

По дороге, они не раз искупались в речке, смывая с себя морскую соль, побродили по горным рекам, даже постояли под водопадом. Во время одной из остановок, привала, означающего обеденный перерыв, Андрей с Оксаной забрались в горы, благо в том месте они не были столь высоки, и окунулись в озере.

В ходе этих развлечений людей, находящихся в федеральном розыске, Кортнев не переставал скрежетать зубами. Маша то и дело, старалась его успокоить.

– Тоже мне, Бони и Клайд, – ворчал он.

Петр Ильич восхищенно оглядывался, любуясь горными вершинами.

– Какая красота! – шептал он. – И почему я никогда этого не видел?

– Попробуем загнать машины вон туда, – указал Андрей. – Не слишком незаметно, но больше некуда.

Кортнев согласился с ним.

– Ночевать, я полагаю, мы тоже будем здесь? – спросил Андрей.

– Похоже на то. Сначала сделаем дело, а там решим. Петр Ильич, оставляем на вас дам. Мы скоро вернемся.

С самого утра Ислам испытывал дрожь, распространившуюся по всему телу. Он даже подумал, что заболевает от страха. Сегодня он решил подготовиться к мести. Завтра, как он не раз уже слышал от дяди, в аул должны приехать все его обычные гости. К их приезду уже начали готовить стол. Ислам в подготовке не участвовал. С утра он пас скот. Это было удачей, поскольку эту работу он не выполнял уже давно, и боялся пропустить эту сходку, в ходе которой он намеревался осуществить свой план мести. Как такового плана не было. Он просто хотел подтащить к аулу, к дядиному дому, оружие, которое он обнаружил в горах, и с возвышенности, с которой был виден весь двор перед домом Джабраила, расстрелять всех гостей вместе с дядей. Он совсем не подумал о том, что никогда не держал в руках оружия, и не знал, как им пользоваться. Он выбросил из головы, что все гости приезжают на машинах с вооруженными охранниками, что сами гости вооружены, как и его дядя. Что обедают они всегда в доме. На улице остаются охранники, которым накрывают стол во дворе. Обо всем этом Ислам не думал. Он даже забыл, что, как правило, он остается прислуживать, и не име-

ет возможности выбраться со двора. У него в голове горел огонь. Пыхал гнев. И он дрожал.

Когда, по его подсчетам ему оставалось недолго до возвращения в аул, он разобрал камни, раскидал ветви и стал смотреть в яму, думая, что же ему вытащить такого, из чего он «поубивает всех своих угнетателей».

В какой-то момент, он огляделся вокруг. Горный пейзаж заставил дрогнуть его сердце. «Это мой дом, – подумал он. – А что будет дальше?»

– Тише парень, оставайся на месте, – тихо, но грозно сказал Кортнев.

Ислам вздрогнул, обернулся на голос и тут же попятился назад.

– Тихо, тихо, остановись, – проговорил Андрей, заходя с другой стороны и держа на весу пистолет.

– По-русски понимаешь? – спросил Вячеслав.

Ислам кивнул.

– Ты чего, Слав? – удивился Андрей. – Мы где?

– Ты плохо знаешь обычаи горцев.

– Вы, – наконец проговорил Ислам, – от дяди, вы шакалы.

Можете меня убить!

– Успокойся и сядь! – строго сказал Кортнев.

Ислам повиновался.

– Я не знаю, о каком дяде ты говоришь. Ответь на один вопрос, хорошо? Откуда ты знаешь про этот тайник?

– Я, я случайно его нашел, – признался Ислам.

– Черные псы, – проговорил Кортнев.

– Что, черные псы? – не понял Ислам.

– Не знаешь, кто это?

– Черные псы это... черные псы. Что вы от меня хотите?

Кто вы, если вы не от дяди. Это ваше? Я только... Я горец!

– Успокойся, – мягко сказал Андрей. – Об этом тайнике еще кто-нибудь знает? Ты говорил, показывал кому-нибудь?

– Нет, это моя тайна, – гордо произнес Ислам.

– Понятно, – Кортнев присел на корточки. – Я гляну.

Вячеслав заглянул в яму и присвистнул.

– Да этим взвод вооружить можно. Тут даже гранатомет есть, РПГ, пулемет, «Калашей», не вижу сколько, ящики. Нужно все проверить.

– Что делаем? – спросил Андрей.

– Нужно все пересмотреть, выбрать нужное и сваливать отсюда.

– А с ним что? – Андрей указал на Ислама.

– Черт его знает. Уезжать сегодня придется. Его с собой взять, а перед выездом отпустить. Пока он вернется, объяснит, что к чему, мы будем далеко. Относительно.

– Нельзя! – закричал Ислам, и из глаз его брызнул огонь отчаяния. – Вы не можете это забрать! Это мое, это моя месть, это моя месть за моего отца, за мою семью, за меня! Вы не можете это забрать, вы не можете!

– Тише, ты парень, тише! – Вячеслав бросился к Исламу, затыкая ему рот.

– Это моя месть, – прошипел тот.

Андрей с Вячеславом переглянулись.

– Успокойся, парень, о чем ты говоришь? – спросил Кортнев.

– Я... я раб, – задыхаясь, произнес Ислам.

Андрея словно ножом по сердцу полоснуло. Он подсел к Исламу.

– Что ты сказал?

– Я раб своего дяди. Меня отец когда-то продал, я до сих пор раб.

– Давай-ка подробнее, – попросил Андрей.

– Ты что? – возразил Вячеслав.

– Слава.

– Ладно.

– Как тебя зовут? – спросил Андрей.

– Ислам.

– Ты говоришь, ты раб? Что ты имеешь в виду?

– Вы хотите, чтобы я вам все рассказал? – робко спросил Ислам.

– Конечно.

– Вам зачем?

– А зачем тебе столько оружия?

– Чтоб отомстить дяде, и брату своему, сыну его, который меня привязывает к столбу и плетьюми бьет.

Андрея снова полоснуло по сердцу.

– Но, тут много оружия.

– Их будет много.

– Кого их? – вмешался Кортнев.

– Бандитов.

Андрей с Вячеславом снова переглянулись. Андрей глубоко вздохнул и произнес:

– Давай с самого начала.

И Ислам, несколько помедлив, принялся рассказывать всю свою жизнь. Рассказал о своей семье, о дядиной семье, о том, чем он, как он думает, тот занимается, рассказал о том, что его самого заставляют делать, о столбе, о яме, о прочих наказаниях и унижениях. Рассказал о видении. Он устал и решил отдышаться.

– Я считал, своих горцы не трогают, – проговорил Андрей.

– Всякое бывает, – заметил Вячеслав.

– Ты семь лет пашешь на своего дядю? – спросил Андрей.

– Да.

– И в школе ты не учился с тех пор?

– Нет.

– Твою мать! А я на свою жизнь жаловался, – зло проговорил Андрей.

– А что за бандиты? – спросил Кортнев.

Ислам рассказал.

Все молчали.

– Мне пора домой. Мне нужно вытащить оружие... Мне...
– начал Ислам.

– Подожди немного, – задумчиво сказал ему Андрей.

– Только не вздумай, – предупредил Андрея Кортнев. Андрей заглянул в глаза Вячеславу. Тот опустил голову.

– Мать вашу, – прошептал он.

– Ты же со мной согласен, – сказал Андрей.

– Отойдем, – предложил Вячеслав.

– Куда?

– На два шага.

– Хорошо.

Они отошли от Ислама, не спуская с него глаз.

– Ты с ума сходишь? – шепотом начал Кортнев.

– А ты это так оставишь?

– У нас мало забот?

– Ты посмотри на парня! – шептал Андрей, стараясь не переходить на крик.

– Это не наше дело, это... это их горы, их...

– Что их?

– Если ты хочешь его так освободить, – говорил Кортнев, – давай его заберем и сдадим в полицию...

– Что ты несешь?

– И что мы с ним будем делать? И как ты собрался воевать? В нашей веселой компании никто толком оружия в руках держать не может, а ты за свое. И еще раз тебя спрашиваю: что мы с ним будем делать?

– Без понятия, но так оставлять это нельзя. Он же, Слава... – Андрей запнулся, – он же в рабстве!

– Иди ты к черту!

Кортнев отошел на пару шагов, вернулся, опять отошел, схватился за голову, присел на корточки, вскочил и замер. После он быстро подошел к Исламу.

– Показывай свой аул, – произнес он. – Только это все завалить нужно.

– А вы, вы что хотите? – испуганно спросил Ислам.

– Вон, у него спрашивай. – Кортнев ткнул пальцем в Андрея.

Андрей ухмыльнулся.

– Революцию, – сказал он.

Через месяц мексиканские власти освободили Фиделя Кастро и остальных заключенных, за исключением Эрнесто Гевары и кубинца Каликсто Гарсии, которых обвинили в нелегальном въезде в страну. Выйдя из тюрьмы, Фидель Кастро продолжил подготовку к экспедиции на Кубу, собирая деньги, покупая оружие и организовывая конспиративные явки. Подготовка бойцов продолжилась мелкими группами в различных местах страны. Была приобретена яхта «Гранма». Че опасался, что заботы Фиделя по его освобождению из тюрьмы задержат отплытие, однако Фидель ему сказал: «Я тебя не брошу!» Че просидел в тюрьме 57 дней. Полицейские продолжали следить за кубинцами, врываются на конспиративные квартиры. Пресса писала о подготовке Фиделем отплытия на Кубу. Фидель отдал приказ сосредоточиться в порту Туспан в Мексиканском заливе, где у причала стояла

«Гранма».

– Все, как на ладони, – шептал Кортнев, лежа в кустах на возвышенности возле дома Джабраила. – Похоже, твой дядя ничего и никого не боится.

– Он Шайтан, – проговорил Ислам. – Я не уверен, можно ли его убить, но знаю, что и после его смерти он будет преследовать меня и мою семью, нужно будет убить еще его дух, который может напасть на меня в облике зверя.

– Значит, основные сидят в доме, охрана во дворе. Машины во двор заезжают?

– Иногда, а так они на улице остаются. Еще, когда во дворе накрывают стол, один остается на улице, – сказал Ислам.

– Ну, это понятно. А по периметру, в смысле, вокруг двора, вокруг аула больше нет людей? Никто, кроме человека на улице не охраняет?

– Больше никого не видел.

– Смелый твой дядя, или не очень умный. А ты не знаешь, кто все эти гости, все-таки?

– Слав, ну, а то ты не понял? – вставил Андрей.

– Злые люди, – мрачно произнес Ислам. – Один даже как-то в военной форме был, с погонами.

– Военной? – удивился Кортнев.

– Или в полицейской, – добавил Ислам.

– Вот тебе еще один начальник РОВД, для коллекции, – проговорил Андрей.

– У меня такое чувство, что тут вышаки всей Республики собираются, если все так, как ты говоришь, Ислам. Человек пятнадцать, значит. А приезжают они на пятнадцати машинах?

– По-разному. Когда больше, когда меньше.

– Все понятно. Начинают они в обед и разъезжаются к вечеру?

– Да.

– Светло везде. Не очень хорошо. Как ты собирался оттуда выбраться?

Ислам молчал.

– Понятно, об этом ты и не подумал. Через забор перемахнуть сможешь незаметно, вон в том углу? – спросил Кортнев.

– Конечно, – ответил Ислам.

– Отлично, – сказал Вячеслав. – Договоримся на шесть. Раньше они же не разъедутся?

– Нет, – ответил Ислам, – они обычно уезжают, когда темнеть начинает.

– На семь.

– Да определись ты уже, – проговорил Андрей.

– Да, и еще, там не должно быть ни детей, ни женщин, ты понимаешь, – сказал Кортнев. – Твой выход из дома должен будет это подтвердить. Если, что не так, ты просто остаешься там, и мы ничего не предпринимаем. Понял?

– Никогда там, кроме них, никого не было, – пробормотал Ислам.

– Всё. Пусть семь, – закончил Кортнев. – Чтоб мы засветло успели подальше убратся. Еще раз. Ты все понял, Ислам?

– Да, – уверенно ответил тот.

– Добро. Давай, загоняй своих баранов.

– Вы меня не предадите? – спросил вдруг Ислам.

– Не беспокойся, – ответил Андрей.

Андрей с Вячеславом вернулись к тайнику.

– Нужно за раз все унести. Все, что мы берем с собой, – сказал Кортнев.

Уже в темноте они вернулись к машинам. На себе они тащили четыре автомата, рюкзак с пистолетами, мешок с патронами и гранатами.

– Боже мой! – испугано воскликнула Маша. – Вы на войну собрались? А если нас остановят?

– Если нас остановят, то нас так и так ничего не спасет, – ответил Вячеслав. – Спасет только это. К тому же редко, когда багажник заставляют открыть. А все спрячем так, что при внешнем осмотре ничего заметно не будет.

– Завтра утром выезжаем? – спросил Петр Ильич. – Я расставил все палатки. Долго пришлось возиться, но дамы помогли.

– Тут кое-что возникло, – неохотно произнес Кортнев.

– Что такое? – настороженно спросила Оксана.

– Пусть он расскажет, – Кортнев опять ткнул пальцем в Андрея.

– В общем, тут такое дело... – начал Андрей.

И он рассказал все, ничего не утаив.

– Вы сума сошли! – в ужасе воскликнула Маша.

Оксана молчала, исподлобья глядя на Андрея.

– Я с вами! – объявил Петр Ильич.

– А кто дам охранять будет? – спросил Андрей.

– Слушайте, вы меня не списывайте, я только жить начал, – с чувством воскликнул Гордон. – И кстати, в отличие от вас, молодой человек, я служил в армии, и уж что-что, а стрелять я умею.

– Я тоже с вами, – вдруг сказала Оксана.

Все примолкли, но тут же в один голос заревели:

– Нет!

– Попробуйте, остановите меня, – уверенно произнесла Оксана.

– А я? – застенчиво проговорила Маша.

– Одну тебя оставлять нельзя, – сказал Андрей.

– Давай, это я решать буду, – перебил его Вячеслав. –

Пойдешь с нами, но, не доходя, спрячешься за каким-нибудь камнем, там по месту определим. Вот, конечно, оставлять две тачки, груженные туристическим снаряжением, провиантом и оружием в таком месте... в таком замечательном месте!

– Спокойно, – остановила его Оксана. – Может, перекусим?

– Я бы не стал тут костер разводить. Давайте, по сухим пайкам пройдемся.

Все согласились.

Зрелище было неопишимо. К кустам, за которыми Андрей с Вячеславом прятались накануне, осматривая местность, новоявленные ополченцы подтащили еще несколько выкорчеванных по дороге кустов. Кортнев, как профессиональный военный накопал еще что-то, напоминающее окопы, сделав это по всей линии фронта. Петр Ильич уселся за станковым пулеметом, сам Кортнев держал в руках винтовку с оптическим прицелом, рядом лежал автомат, Андрей с автоматом, и Оксана, жавшаяся к Андрею, ей, как хрупкой девушке доверили только пистолет. Пистолеты, кроме всего прочего, были у всех. Также было припасено несколько гранат. Ну, и победитель конкурса приволоченного оружия – гранатомет РПГ, который Кортнев также положил возле себя.

– Итак, при положительном развитии событий... – зашептал Вячеслав.

– Да помним мы! – оборвала его Оксана. Она явно нервничала.

– Оксан, еще не поздно отказаться. Помнишь, где Машу оставили? – спрашивал ее Андрей.

– Не трогайте меня.

– Так, время пять, – констатировал Кортнев. – Пока все так, как говорил Ислам. Один, уже четвертый, сменщик, на улице, трое во дворе. И никого по периметру – они просто

ждут, чтобы их накрыли, вот самоуверенность... Или, опять же, глупость. Главное, чтоб к семи они оказались все за одним столом, гулять тут не особо интересно. Да, и судя по их оружию, это не представители праведной элиты республики. Жаль, не рассмотрели гостей. В форме никого не было. Шесть человек, дядя, его сын, еще кто-то, видимо из местных, и четверо охранников. Двенадцать человек. Нам повезло, что сегодня они собрались узким кругом, а не как Ислам рассказывал. Хотя у нас и так немного шансов. Вашу мать... революция... Взятие Бастилии, мать вашу...

– Мне кажется, или ты начинаешь психовать? – не выдержал Андрей. – И какой раз уже описываешь то, что мы сами видим?

– Я вас настраиваю. Не учи меня, студент, – огрызнулся Кортнев. – И, вообще, я хоть убедился в том, что пацан не врет. Это главное.

– Настраиваешь, говоря о том, что у нас мало шансов?

– Все, тихо всем!

Кто-нибудь из гостей, а то и несколько сразу, выходили покурить во двор, или просто подышать свежим воздухом. Постоянно выходил за чем-то Ислам.

Семь часов. Семь часов пять минут, десять, двадцать. Охранники сидели за одним столом. Половина восьмого.

– Твою мать, – шептал Кортнев. – Ага, вот он!

Ислам вышел из дома. Демонстративно прошелся по двору, потом направился в тот угол, о котором договаривались,

и скрылся из зоны видимости.

– Я сделал так, как договаривались – слышалось сзади.

– Хорошо, теперь... это что?

– Это мой кинжал.

– Ладно. Теперь ляг, и не высовывайся.

– Уф, перекреститься, что ли, – пробормотал Кортнев, настраивая винтовку.

– Я готов, – сказал Петр Ильич.

– Я готова, – дрожащим голосом проговорила Оксана.

– Начнем? – пытаясь скрыть страх, весело спросил Андрей.

– Сейчас, это чудо уйдет со двора. Все. Начали.

Несколько секунд Кортнев целился в охранника, стоящего на улице, после чего спустил курок. Пуля вошла в висок, охранник свалился, как подкошенный. Тут же подключился Петр Ильич и его пулемет начал хлестать по охранникам, уже подскакивающим из-за стола, его поддержал Андрей огнем из автомата. Оксана замерла, вцепившись в пистолет. Кортнев, сразу же, как откинул винтовку, схватил гранатомет, направил его на дом Джабраила и... дом разнесло по всему двору. Все заволочло дымом. Петр Ильич продолжал стрельбу вслепую. Вячеслав остановил его. Все прекратили стрельбу. Все были оглушены. Казалось, откуда-то издалека, а на самом деле, по всему аулу, разнесся вой и крики ужаса.

– Так, – сказал Кортнев. – Оксана, Петр Ильич, прикрываете, Андрей, со мной на контроль. Но сначала подстраху-

емся.

Вячеслав взял гранаты, выдернул чеку и швырнул ее во двор, раздался взрыв, взял вторую и повторил.

– Вперед!

Они перемахнули через забор и оказались во дворе.

– Один, – услышал Андрей и тут же раздался одиночный выстрел. – Ты видишь кого?

– Похоже, все мертвы, – с отвращением сказал Андрей. – Твою мать, я чуть тебя не грохнул! Ты куда?

Ислам бросился к дому.

– Стой! – прокричал Кортнев и побежал за ним.

Джабраил был мертв. Он лежал с открытыми глазами. Ислам зло смотрел в них какое-то время, после чего достал кинжал и вонзил его в мертвое сердце.

– Осторожнее, – сказал Кортнев. – Вот живучие, суки!

Пять выстрелов услышал Андрей. Кортнев добивал выживших. Тут он увидел, как один из лежавших перед ним охранников пошевелился. Его пробрало до костей. Он медленно подошел к нему. Тот в это же мгновение перевернулся на спину и с ужасом смотрел на Андрея. Охранник начал лихорадочно ощупывать землю вокруг себя. Андрей понял, что он ищет. Он медленно навел дуло в лоб, немного отошел и спустил курок. Он ждал того же эффекта, что был в Воронежской области. Но его даже не тошнило. И колени не дрожали. Он был тверд.

– Мать твою! – прошептал Андрей и бросился на улицу.

Ислам продолжал рыскать меж трупов. Наконец, он нашел, кого искал. Сын Джабраила был жив, он уже умудрился проползти половину двора. Он потерял ноги и руку, но продолжал ползти, истекая кровью. Ислам не спеша подошел к нему, ногой перевернул на спину. Наклонился к нему, взглянув в глаза, и в один миг перерезал ему кинжалом горло.

Дым рассеялся. Кортнев еще раз пробежался и крикнул:

– Чисто! Валим! Давай, Ислам!

Андрея нигде не было.

– Твою мать! Андрей! – Вячеслав увидел открытую дверь во двор и бросился к ней. Выбежав на улицу, он увидел Андрея, который скручивал номера с автомобилей.

– Черт! Сказать не мог? Сколько у тебя?

– Две пары.

– Хватит. Ходу отсюда! Ходу!

Аул замер.

– Время? – крикнул Кортнев.

– Без десяти восемь, – ответил Петр Ильич.

– Как мы долго-то!

– Ты как, милая? – спросил Андрей.

– Мне страшно, – призналась Оксана, продолжая сжимать в руках пистолет.

– Все закончилось. Теперь нам нужно отсюда как можно незаметнее убраться.

– Нужно... – начал Кортнев, – а черт с ним! Оставляем

все здесь. Берем автоматы, гранаты и винтовку. Тайник завален. С этим что-нибудь придумаем. Валим, быстро валим. Оксана, ты как?

– Норм!

– Отлично!

К одиннадцати часам все были на месте.

– Тачки целы, – еле дыша, проговорил Андрей. – Не просто по местным дорогам ночью. Может, схоронимся до утра?

– Боюсь, к утру тут будет целая армия полиции и, что гораздо опаснее, местной братвы, потерявшей хозяев и друзей их хозяев со своей братвой. И все это в неопределенном радиусе. Так что, вариантов нет. По машинам!

К четырем часам утра, преодолев горные дороги, оба автомобиля заехали в небольшую рощицу, недалеко от Минеральных вод в Ставропольском крае.

Че Гевара выдвинул новую теорию революции: она придавала особое значение небольшим группам революционеров, способным на радикальный политический поворот. «Не нужно ждать, пока общество созреет для революции, – достаточно готовности самих революционеров».

В 2 часа ночи 25 ноября 1956 года в Туслане отряд совершил посадку на «Гранму». 82 человека с оружием и снаряжением погрузились на переполненную яхту, которая была рассчитана на 8 – 12 человек. На море в это время был шторм и шел дождь, «Гранма» с погашенными огнями легла

курсом на Кубу. Время прибытия группы в селение Никеро вблизи Сантьяго было рассчитано на 30 ноября. В этот день, в 5:40 утра сторонники Фиделя во главе с Франком Пиасом захватили правительственные учреждения в столице, и вышли на улицы, но не смогли удержать ситуацию под контролем.

—

15

—

Словно какая-то незаметная тень легла на полковника Шоцкого, когда до него дошли сведения о беспрецедентной бойне в ауле на юго-западе Карачаево-Черкесской Республики. Он несколько минут сидел в оцепенении, после чего запросил связь с Республикой, и непосредственно с ответственными за расследование лицами. А дело имело поистине Республиканский масштаб. Ведь как выяснилось, в перестрелке были уничтожены главы криминальных кланов вместе со своей охраной.

Связавшись с Черкеском, Шоцкий попросил направить, или проговорить все подробности бойни. Также, он запросил информацию от ДПС, работающую в районе обозначенного участка расследования.

Он ждал. Майор Кротов зашел к нему после обеда.

— Будут какие-то распоряжения, Иван Владимирович? — спросил он.

— Думаю, пора выдвинуться в поле, — сказал Шоцкий. —

Вы не возражаете?

– Ни в коем случае, товарищ полковник, – отозвался Кротов. – И что вы меня, то на «ты», то на «вы». Давайте определимся?

– Я не придаю этому особого значения? Вам как удобнее? – спросил полковник.

– На «ты».

– Договорились, майор.

– У вас есть какие-то догадки или что-то еще? – поинтересовался Кротов. – У тебя.

– Я могу предположить, куда направится Кортнев, – сказал Шоцкий.

– Боже мой, Иван Владимирович, ты меня пугаешь! – воскликнул майор. – Мы даже не знаем, где он. И все остальные?

– Думаю, где все, мы скоро узнаем. – Шоцкий задумался. – И предположение руководства о том, что они вместе небезосновательны.

– Так куда он направится? – спросил Кротов.

– Куда бы ты направился, майор, будучи в бегах, но имея за спиной двадцать с лишним лет службы в пограничных войсках?

– Все зависит от того, где я служил?

– Преобладающее время, преобладающее и последнее время, на Дальнем востоке. На границе с Японией.

– Понятное дело, в Японию.

– Только вот знать бы, где там может быть окно. Далеко не

факт, что оно именно там, где он непосредственно проходил службу. Берег длинный.

– Это через всю страну, – протянул Кротов. – У нас нет таких ресурсов, чтобы покрыть всю страну.

– Да, это не беглый олигарх, или мафиози. Все в рабочем порядке. Но, это зависит от масштаба их деятельности.

– Их? – удивился Кротов.

– Да, я, все же, повторюсь, думаю, они должны быть вместе.

– Почему вы так думаете? Ты.

– Скажу, когда дождусь дополнительной информации, – отрезал Шоцкий. – И вот еще что, мне кажется, я что-то упустил. Что-то, но не могу понять, что. Давай, Илья Константинович, я тебя позову, когда буду готов.

– Договорились.

– Да, – говорил Шоцкий по телефону, – пусть он опросит жителей аула, договорились. От ДПС есть что-нибудь? Угу, жду. Это важно. Нет, не гарантирую. Это будут предположения. Доказательств у меня нет. Жду.

До конца дня новостей из южной Республики не поступило.

Всю ночь Шоцкий не мог заснуть. Его будто разрывало на части, жгло изнутри и поливало чем-то раскаленным снаружи. Он полночи провел на балконе, куря одну сигарету за другой. Ему казалось, что он борется сам с собой.

– Не нашли племянника Джабраила, – слушал он на сле-

дующий день по телефону. – Исчез. И вот еще что. Местные говорят, что тот как будто бы был у него рабом последние лет пять, а то и больше.

– В каком смысле? – удивленно спросил Шоцкий.

– Да в самом прямом, Иван Владимирович. В тех селениях свои законы. Мы до них не дотягиваемся. Никак, как бы вам сказать...

– Не позволяют вам?

– Обидно, конечно, но вы правы.

– Я не хотел вас обидеть. Я, как и все мы, нахожусь не в лучшем положении. Что по автоинспекции?

– Ну, вот, что запомнили постовые на нескольких дорогах, ведущих к аулу в радиусе тридцати километров.

Шоцкий начал слушать перечень наблюдений постовых.

– Стоп! – чуть не крикнул он в трубку. – Что вы сказали последнее?

– С московскими номерами, поэтому он и обратил внимание, совершенно случайно. Одна за другой. В этом нет ничего особенного, товарищ полковник.

– Нет, описание машин? – спросил Шоцкий.

– Марки он не запомнил. Черный седан, серебристый внедорожник. Всё.

– Спасибо коллега, еще свяжемся. Пока все. Информация по оружию нужна. Понимаю, но, как появится. Пока мне достаточно. До связи.

Шоцкий откинулся на спинку кресла.

– Это какой-то бред, – прошептал он. – Алло, Илья Константинович, меня сегодня не будет. У меня к тебе просьба, можешь более подробную информацию найти о Могиле, о том, с кем бежал Кортнев из колонии? У меня такое ощущение, что пробел где-то здесь. Спасибо. Договорились. Да нет, просто, что-то не очень себя чувствую. Кидай мне на почту, я дома посмотрю. Если что-то срочное, звони.

Шоцкий выбрался на улицу и вдохнул свежий воздух, если, конечно, воздух в центре Москвы можно назвать свежим. Ему очень хотелось дождя. Несмотря на то, что жара спала, сразу же, как началось календарное лето, было ощущение липкости. Нужен был дождь. Иван Владимирович пешком пошел домой. Это было далеко, очень далеко, но в метро он категорически не хотел спускаться. Что-то его влекло вверх. Вверх! От земли, совсем вверх. Ему хотелось чистого свежего воздуха, настоящего, насквозь прошитого морозом.

«Что со мной происходит? – думал он. – Будь ты проклята, ведьма!» Он вспомнил о видении женщины в черном плаще, настигнувшем его, когда он распивал дома водку и целился в свой мундир.

Придя домой, он тут же забрался под холодный душ, и стоял под ним до тех пор, пока зубы его не стали отбивать барабанную дробь.

Выйдя из душа, Шоцкий закутался в халат и сел в кресло, стоящее в углу комнаты. Он закрыл глаза и старался приложить все силы, думая о чем угодно, лишь бы сбросить с себя

непонятно откуда напавшее на него необъяснимое чувство. Но ничего не выходило. Тогда он попытался определить, что на него напало. Не смог. Он просидел в кресле два с лишним часа с закрытыми глазами, почти не шевелясь. Вдруг, словно очнувшись или что-то вспомнив, он встал и направился к своему рабочему столу, включил компьютер и проверил почту. Кротов прислал ему запрошенную им информацию. Прочитав, он как обычно откинулся на спинку кресла.

– Почему ты ушел со службы? – вслух проговорил Иван Владимирович.

Он открыл текущие рабочие файлы, нашел личное дело Кортнева и еще раз его внимательно перечитал.

– С таким послужным списком ты мог дойти до генерала. Или не мог? Что тебя спугнуло? Что тебя заставило пойти на гражданскую работу, выполняя функции начальника охранного подразделения? Ты чувствовал, что встретишь там свою любовь? Вот черт! Что за дурь я несу? Довольно.

Шоцкий оделся и вышел на улицу. Он бродил по городу до тех пор, пока не стемнело. Вернувшись домой, он выпил стакан чая и лег спать. Он моментально провалился в сон. И сон был один. Дремучий темный лес, и где-то вдалеке, в гуще зарослей полыхает огонь. И этот огонь притягивает, но направиться к нему, не хватает сил.

Утром, направляясь на службу, он ясно ощущал, что нечто поселило в нем сомнение, и что ему придется приложить немало усилий, чтобы от этого сомнения избавиться.

При этом он не мог для себя понять, в чем заключалось само сомнение. После обеда он вызвал к себе Кротова.

— Как здоровье, Иван Владимирович? — спрашивал Кротов.

— Да все в норме, — ответил Шощкий. — Так, что-то шевельнулось. Давление, может, хотя никогда не замечал никаких сбоев. К смене погоды, вероятно.

Кротов усмехнулся.

— Что-то новое есть, Иван Владимирович?

— Кортнев начинал службу в Северо-Западном пограничном округе. Не исключена вероятность того, что ему известны коридоры в Финляндию или Норвегию. Это предположение, но его не стоит исключать. И это я говорю, лишь принимая во внимание версию побега из страны. Но, что делать за границей? Для этого нужны соответствующие ресурсы, которых, скорее всего, у Кортнева нет. Или у него есть что-то, о чем мы не догадываемся. Только в этом случае такая версия правдоподобна. Оставаясь в стране, он будет находиться в розыске. Но, он не уголовник, он не сможет с этим жить. Так же, как и все остальные. Твое мнение, майор?

— Я полностью с тобой согласен, — отозвался Кротов. — Но, если уж и бежать, то, на мой взгляд, проще это делать на западе. Это и ближе, и, опять же, проще.

— Если у Кортнева остались связи. Он тоже может решить, что мы подумаем именно так, если возьмем в разработку эту версию. Ладно, пока они где-то у нас. Я полагаю...

Раздался звонок. Шоцкий снял трубку.

– Шоцкий. Да, приветствую. Что-то новое? Ага, слушаю. Понятно. Спасибо. – Шоцкий повесил трубку и на минуту задумался.

– Их, думаю, уже шестеро, – проговорил он, рассматривая карту России.

– Кого? – не понял Кротов.

– Наших беглецов.

– Почему ты так думаешь?

– Известие из Карачаево-Черкесии помнишь? – спросил Шоцкий.

– Конечно, – ответил Кротов, – по всем каналам эту бойню обсуждают.

– Это не бойня.

Кротов удивленно взглянул на Шоцкого.

– Это война, – проговорил тот.

– Что ты имеешь в виду? – удивился Кротов.

– Это они. Накануне перестрелки в сторону аула проследовали один за другим два автомобиля, черный седан и серебристый внедорожник. Это, конечно, пока бездоказательно, но, могу предположить, что это был «BMW» Зорина и «Range Rover» Гордона.

– Я ничего не понимаю, – признался Кротов, – что они там делали и как?..

– Могила, заключенный, с которым Кортнев бежал из колонии принадлежал к банде «Черные псы», слышали что-то

О них?

– Честно говоря, нет, в разработке никогда не были.

– Это не совсем обычная банда. Я бы даже назвал ее сектой. Она не попадает в ранг организованной преступности по причине того, что она не организована, либо нам об этом ничего не известно. Очень мало информации у нас о ней. Я сделал вчера запрос в ФСБ. Жду. Банда, или секта, состоит из неизвестного количества ячеек, разбросанных по всей стране, но не связанных между собой. А, может, опять же как-то связанных, но как, не ясно. И само название никак не вяжется с бандой. Вы понимаете, да? Псы? Легавые? А тут они окрестили себя именно псами. Не вяжется. И это, если взять того же Могилу, воры. Хотя, не ясно, кто туда еще вхож. Черный пес является английским фольклором, призраком, связанным с Дьяволом, а встреча с ним считается предзнаменованием смерти.

– Ну, у вас и познания? – воскликнул Кротов.

– Я вчера прочел. Есть ли тут связь? Ладно. Сейчас я веду тебя вот к чему. У «Черных псов» по всей стране разбросаны тайники и явки. В том числе, тайники с оружием. И речь именно об оружии.

– Вы полагаете, что Кортнев обнаружил тайник с оружием?

– Именно.

– Но что он делал в горах? И как это связано с бойней, зачем? При чем тут он и...

– Вот это загадка, отгадать которую нам предстоит, кроме всего прочего.

– И ты сказал, что их теперь шестеро.

– Это предположение. После бойни из дома хозяина, Джабраила, исчез его племянник. Ты же знаешь, кто полег в этой перестрелке.

– Знаю, не очень законопослушные граждане. Поэтому в новостях бойню окрестили бандитской разборкой. Ты же утверждаешь, что это война. Что ты имеешь в виду?

– Пропавший племянник был в рабстве у собственного дяди на протяжении семи лет. Не удивляйся. Мне только что позвонили, и еще раз подтвердили этот факт, опросили жителей, и еще рассказали о том, что с двух автомобилей, на которых приехали гости, были сняты номера. Могу предположить, их использовали Зорин с Гордоном, а может и до сих пор используют. Ислам, так зовут племянника.

– И это он шестой?

– Да. Думаю, да.

– Ничего не понимаю. Каким образом Кортнев...

– Или кто-то из остальных, что совсем невероятно.

– Вот именно, как они могут быть связаны с этим аулом, с этим Исламом. Для чего, совершив ограбление магазина... У меня образовалась пробка в мыслях. – Кротов рассмеялся.

– Зачем Кортнев покинул службу? Я хотел бы начать с этого. Я внимательно изучил его дело и переговорил с его бывшим руководством. Он был безупречен. И вдруг меняет бле-

стящую карьеру на роль охранника, пусть начальника охраны.

– А как вы это привязываете к событиям?

– Понимаешь, Илья, все одно к одному. Все один к одному, и все, как один.

– Не понимаю, – признался Кротов.

– Кортнев, бывший офицер, вступается за девушку, к которой пристаёт заместитель начальника РОВД. Кортнев встает на защиту ее от того, кто должен ее защищать. Вы не находите, как это иронично выглядит. Он влезает в драку против нескольких человек, принимавших участие в этих приставаниях. Да, он совершает убийство, но, убийство непреднамеренное, а принимая во внимание причины и во-все, неоднозначное. А он получает пятнадцать лет. Представь, майор, что за то, что ты не дал в обиду свою жену, тебя сажают в тюрьму. И заметь, Кортнев отсидел три года, словно высчитав примерный срок отсидки за непреднамеренное убийство. Тебе это не кажется странным?

Кротов молчал.

– Далее, – продолжал Шощкий, – сама Мария Данченко, которая уже становится соучастницей происходящих действий. Безобидная девушка из деревни, которую обидели, и, повторюсь, не защитили те, кто этим должен был заниматься.

Кротов молчал.

– Соловьева Оксана. – Полковник сделал паузу. – Два-

дцать один год. Семья, мягко говоря, неблагополучная, что до второго выхода замуж ее матери, что, тем более, после. Девочка мечтает о театре, кино, но никак не может поступить в институт. Почему? Ей приходится все свое время тратить на заработки, чтобы обеспечивать и себя и семью. А что же в новой семье? Отчим ее домогается! Отчим избивает ее мать, но та боится заявить в полицию, которая, тем не менее, в лице участкового все прекрасно знает, знает, но бездействует. Дочь берет инициативу в свои руки и, защищая свою мать, убивает отчима. Кто в этом виноват? Мы должны были защищать и ее мать и ее саму. Но, у нас не было заявления. Кто виноват?

Кротов молчал.

– Зорин Андрей. Двадцать восемь лет. Ни одного сколь-нибудь отрицательного отзыва о нем с места его бывшей работы. Просто, как кто-то там сказал, хороший парень. Каким-то образом знакомится с Соловьевой и встает на ее защиту. Соловьева защищала мать, которую должны были защищать мы, Зорин защищает Соловьеву, которую, опять же, должны были защищать мы, или, по крайней мере, не допустить того, что в итоге, произошло.

– А налет на отдел? – наконец, вставил майор.

– Не было никакого налета, – бросил Шоцкий. – Из-за отчима, Соловьевой пришлось уйти из дома, и она ночевала на вокзале. Ее наши доблестные служаки выхватили и притащили в отдел, из которого она сбежала, прихватив оружие. А

Зорина там и в помине не было. Он помог ей уже после того, как она покинула участок, и укрыл у себя. Я все выяснил. Убийство в Воронежской области. Я разговаривал со следователем. Эти два мальчика были полными отморозками, и принадлежали к какой-то местной полубандитской группировке. Такое ощущение, что девяностые у нас надолго застряли. Они приехали на местный пляж, если его так можно назвать. Даже не так. Смотри, майор. Ты Зорин, обычный человек, инженер. Ты едешь в автомобиле с молоденькой девушкой и вдруг видишь остановившийся внедорожник, из которого выходят два кабана. Какие твои действия? Тебе придет в голову просто взять, остановиться и расстрелять их? На месте убийства были обнаружены следы борьбы, на песке. Я полагаю, эти уроды напали на Соловьеву, уж не знаю, как она там оказалась, а Зорин... Что? Правильно, встал на ее защиту. Снова, мы должны были ее защищать. Но, это уже не важно.

Кротов опустил голову.

– Гордон, – продолжал Шощкий. – Случай исключительный, никак не вяжущийся с предыдущими. Человек, которого, вероятно, в силу его характера, презирает жена и сын, не уважают на работе. Человек, определенно, оказавшийся на грани срыва. Человек добрейший, насколько я смог понять. Он просто решает бежать ото всего этого, в своем предпенсионном возрасте. Человек мухи в жизни не обидевший. Ну, и если предположить, что Ислам сейчас с ними. Ислам Яга-

нов. Семь лет провел в рабстве. Как так получилось? Двадцать первый век! Мы его не защитили, поэтому произошло то, что произошло. Это пока совсем слабая версия, скорее похожая на фантастику, но выглядит так, будто вся эта веселая компания освободила Ислама из рабства, а заодно уничтожила крупных преступных авторитетов, что должен был сделать кто? Снова мы. Но, повторюсь, это пока лишь фантазия.

Кротов выдохнул.

– Выходит, что все они не виновны, ну, в каком-то смысле? – настороженно спросил Кротов.

– Нет, теперь они виновны, а степень их вины будет определять суд. А это лишь мои наблюдения. Хотел с тобой поделиться. Возможно, это поможет понять их тактику, если она у них, вообще, есть.

– Если это они так четко разнесли аул, то у них она есть, – произнес Кротов.

– Завтра я хочу выехать, – сказал Шощкий.

– Куда едем?

– В Волгоград. Нужно подготовить распоряжение относительно северо-западной границы, ну, ты меня понимаешь.

– Конечно.

– И будим отрабатывать по обстоятельствам. Точка выбрана, исходя из того, что в Карачаево-Черкесии были именно они.

– Я тебя понял. И полностью согласен.

– Тогда готовься.

– Могу идти?

– Да, майор. Подумай на досуге о том, что я тебе сказал.

– Я уже начал.

– Тогда, за работу.

– Есть.

Кротов вышел из кабинета Шоцкого, постоял с минуту и направился к себе, на ходу прошептав:

– Что-то с тобой не так, полковник.

Шоцкий некоторое время смотрел на закрывшуюся за Кротовым дверь, после чего тихо произнес:

– Ничего ты не понял, майор.

Перед тем, как прибыть на свое рабочее место, Шоцкий посетил следственный изолятор, где провел недолгую беседу с подследственным по кличке Вратарь.

– Какая честь! – воскликнул тот, – вы, господин начальник, разве не передали меня в более низкие слои вашего ведомства?

– Черные псы, – произнес Шоцкий.

Вратарь ухмыльнулся.

– И что дальше? – спросил он.

– Я тебе помогу скостить срок, а ты мне расскажешь о них. Вернее, о себе. Не так ли, Вратарь? Среди изъятых у тебя вещей была тетрадка...

– Стой, полковник, – оборвал Вратарь. – Ты ее открывал?

– Пролистал, не вдаваясь в подробности. Это твой путе-

водитель?

– Начальник...

– Кто имеет право им обладать?..

– Стой, начальник? Прошу.

– Я тебя слушаю.

– Да, там адреса, места тайников, карты с маршрутами ходок, там много чего, ты это итак уже понял. Бери, если хочешь, я не скажу никому. Но, это все, что я могу.

– Почему ты не можешь рассказать о Черных псах?

– Я лучше отсижу, сколько потребуется, но лечь под перо я пока не готов.

Шоцкий внимательно взглянул в глаза Вратаря и прочел в них испуг. Покинув его, он забрал из камеры хранения вещественных доказательств тетрадь.

Ни о встрече с Вратарем, ни о тетради Шоцкий ничего не сказал Кротову. Почему, он сам не мог объяснить. Что-то его остановило.

Вечером Шоцкого вызвали к руководству.

– Завтра отчаливаешь, Иван Владимирович?

– Так точно.

– Твой отчет я просмотрел. Полностью согласен. Как думаешь, где ты их накроешь? Понимаю, вопрос еще не ко времени.

– Сложно сказать. Я изложил предположение. Но это моя рабочая версия. Другой у меня нет. Однако я отдаю ей девятьдесят процентов вероятности. Открытым остается вопрос, в

какую сторону они направляются и останутся ли вместе.

– Что думаешь?

– Могу предположить, что останутся.

– Есть основания?

– Честно говоря, чутье.

– Твоему чутью стоит доверять. Что ж, тогда желаю успехов. Докладывать ежедневно, а при новых фактах сразу же.

– Есть. Можно идти?

– Ступай, Иван Владимирович. И вот еще что. Меня это несколько удивляет, не мог от тебя такого ожидать. Не стоит вдаваться в философию. Надеюсь, ты меня понимаешь. Есть приказ – выполнять, а размышлять о природе случившегося, не наше с тобой дело, да и вредно это. Добро?

– Я вас понял.

«Моя правая рука еще и чьи-то надежные уши, – думал Шоцкий о майоре. – Что ж, посмотрим, что у нас с ним получится».

Накануне Шоцкий узнал адрес проживания его бывшей жены. Она жила с мужем, сыном от него, и дочерью от первого брака, дочерью Ивана Владимировича.

«Дочке сейчас тринадцать лет, – думал он, подходя к дому, – не узнает меня».

Избавившись от объяснений при помощи домофона, Шоцкий вошел в подъезд с одним из жителей. Поднявшись на нужный этаж и отыскав квартиру, он, немного постояв

перед дверью, нажал на кнопку звонка. Через минуту дверь открыла девочка. Иван Владимирович сразу же ее узнал. Он молча смотрел на нее.

– Вам кого? – настороженно спросила девочка.

– Мама дома?

– Да, – ответила она и крикнула: – Мам, тут тебя спрашивают!

– Иду, – слышалось из дальней комнаты.

Девочка продолжала стоять, держась за ручку двери. Шоцкий не сводил с нее глаз. Наконец он улыбнулся и спросил:

– Как дела?

– Все отлично, а у вас?

– Тоже неплохо.

– Боже мой! – слышался возглас его жены, бывшей жены. – Люда, ты убралась, как я тебя просила?

– Иду, иду, – девочка нехотя, не отрывая глаз от Шоцкого, покинула коридор. Тот проводил ее, сохраняя на лице улыбку.

– Здравствуй, – сказал Иван Владимирович.

– Здравствуй, Ваня. Никак не ожидала. Пройдешь? С мужем познакомлю. Дочь ты уже видел. Ты какими судьбами? Я, я помню, что тебе сказала после развода. Я сожалею, но тогда я не могла иначе. Тебя десять лет не было. Ты... – Она была настолько взволнована, что проглатывала слова.

– Все хорошо, Аня. Я не буду заходить. Я на минуту. Хо-

тел узнать, что у вас все хорошо. Но, Люда мне уже об этом сказала. Так что, вопрос отпал. Мне пора.

– Ты только за этим пришел? – удивилась Анна.

Шоцкий кивнул, улыбнулся, склонил голову в знак прощания и тихо произнес:

– Удачи вам. – Он развернулся и направился к лифту.

Анна изумленно смотрела на него. Он нажал на кнопку вызова, двери лифта тут же открылись – лифт не успел покинуть этаж. Шоцкий стоял перед открытыми дверьми, не решаясь сделать шаг. Он развернулся в сторону Анны и произнес:

– Я больше не раб лампы. – И зашел в лифт.

Шоцкий не прогадал с выбором Волгограда в качестве отправной точки для начала операции по поимке преступников.

Чтобы не возвращаться на север тем же путем, а также не гнать строго на север, решено было сделать крюк и направиться в сторону Астрахани, а там, для того, чтобы обогнуть границу с Казахстаном, необходимо было подняться как раз до Самарской области, двигаясь вдоль Волги. Волгоград попался на пути.

Преодолев половину Ставропольского края, Андрей с Петром Ильичем вернули свои прежние, московские номера. В Элисте пришлось задержаться на два дня. В автосервисе Гордон перекрасил свой внедорожник в темно-синий цвет.

– Вот только, когда начнут проверять паспорт на автомобиль... – начал Петр Ильич.

– Цвет могут и не заметить, – сказал Андрей. – Мне бы тоже неплохо было бы сменить окрас, но у меня итак все документы поддельные.

– По-хорошему, – вмешался Кортнев, – нам бы не мешало, вообще, транспорт поменять. Не имеет значение, заметят или нет, если по всей стране разосланы ориентировки с нашими прекрасными физиономиями, то нас спасет только

бегство.

– Был бы я хорошим математиком, высчитал бы вероятность нашего прокола, – пробормотал Андрей. – А также, вероятность того, что органы догадались, что это мы учинили шоу в ауле.

– Не будем гадать. Сейчас мы зажаты в коридоре между Украиной и Казахстаном.

– Коридор длиной в полтысячи километров? – спросил Андрей. – В большинстве стран нам бы позавидовали с таким коридором! Коридор длиною во всю длину страны – как тут скрыться?

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю.

– Но мы могли же повернуть на север после ограбления магазина? – вмешался Петр Ильич.

– Могли, – проворчал Кортнев, – но не повернули.

– Мы парня вытащили из рабства, – заметил Андрей.

Кортнев промолчал.

– Ислам все еще не говорит ни слова, – задумчиво произнес Петр Ильич.

– Ладно, выкатываем тачку, забираем наших дам из мотеля и двигаем дальше, – оборвал всех Кортнев.

На трассе из Элисты в Астрахань автомобиль Андрея остановил одиноко стоящий постовой. В автомобиле, кроме него находилась еще Оксана. Что у Андрея, что у Оксаны все сжалось внутри. Андрей заметил, как Петр Ильич, обогнав их, остановился метрах в трехстах и съехал на обочину. Не

выходя их автомобиля, Андрей предоставил постовому документы на автомобиль и права. Постовой молча взглянул, взял под козырек и вернул все обратно. Тронувшись с места, Антон ощутил дрожь во всем теле, он мгновенно покрылся потом. Оксана глубоко выдохнула.

– Пронесло, – прошептала она.

Не заезжая в Астрахань, направились вверх, держась левого берега Волги. К вечеру сделали остановку, немного не доезжая до Ахтубинска. Проехав по проселочным дорогам, добрались до реки. Машины, как всегда загнали в обнаруженную рощицу, там же разбили лагерь.

– Это не Волга? – спросила Оксана.

– Ахтуба, – ответил Андрей. – Будем встречать закат на Ахтубе. У нас чудесное путешествие.

– Мы доберемся до нашего гектара? – вдруг серьезно спросила Оксана.

– Должны, – уверенно сказал Андрей. – Иначе, все не имеет смысла. Удастся вам с Машей разговорить Ислама? – стараясь уйти от вопроса Оксаной, поинтересовался Андрей.

– Никак. Молчит, только «да» и «нет». Вон, Маша опять взялась за него. Пойду, поддержу. Жаль парня.

– Хорошо. – Андрей присел на траву, устремив свой взгляд на реку.

Его мысли мгновенно унеслись к его дальневосточному гектару. Он представил, как они вместе с Оксаной начинают строить дом, как после к ним присоединяются люди и начи-

нают строить дома на соседних участках, сразу же объединяясь в один. Земля расширяется, растет, занимая все больше и больше пространства. Земля выходит из подчинения государства, становясь свободной территорией свободных людей, и продолжает расти, постепенно превращая государство в коммуны...

– Андрей, не помешаю? – спросил Петр Ильич, присаживаясь рядом.

– Да что вы, нет, конечно.

– Прекрасно, правда, ведь?

– Вы о чем?

– Обо всем, что вокруг, – восхищенно проговорил Гордон. – О том, что мы здесь, и не от кого не зависим.

– Мы в розыске, Петр Ильич, мы преступники, – сказал Андрей.

– Нас сделали ими. Это наша цена за свободу.

– Вы знаете цену свободы? – спросил Андрей.

– Боюсь, ее никто не знает, – произнес Петр Ильич, – как минимум по той причине, что для каждого цена своя. Так же, как и понимание самой свободы. Ислам, думаю, никак не осознает, что произошло. Он хотел лишь мести.

– Не соглашусь с вами. Я видел его глаза, когда мы встретили его в первый раз. Он чувствовал, что ему необходимо что-то еще, кроме мести. Это что-то и было свободой, пусть он и не говорил этого.

– Возможно, вы правы, не буду спорить. – Петр Ильич за-

думался. – А почему вы уволились с работы? Я давно хотел это спросить.

– Вы все время сбиваетесь, Петр Ильич, вы меня, то на «вы», то на «ты». Договорились же, только «ты».

– Хорошо, хорошо. Так что там с работой?

– Мне стало душно, – ответил Андрей. – Я как-то, видимо, бессознательно, давно пытался сделать шаг к чему-то, но никак не мог решиться. И даже не смотря на то, что я с головы до ног закабален кредитами, – и квартира и автомобиль у меня взяты в кредит, – я больше не мог терпеть давления. Это при том, что никакого плана относительно дальнейших действий у меня не было. Бездна. Меня словно что-то толкнуло. Что-то, как это не смешно звучит, из глубин подсознания, не знаю, как это правильно или красиво сказать. Я решил начать все заново, но как начать, я не определился. Думаю, сидя в том же офисе, я бы и не определялся, а просто сидел бы до посинения. Нужно было кардинальное действие. Или толчок, способный разбудить некое подобие инициативы. Сложилось так, что я вынужден был уйти. Я на своих собственных глазах терял достоинство. А тут... будто это все сотворил случай. Но, не оставшись без работы, я бы не оказался в том состоянии, душевном, моральном, – называйте, как хотите, – и не сорвался бы в ночь на машине. Не сорвался бы, не встретил Оксану. Вы понимаете?

– Ты спас ее. Она же ведь совершила то же, что и ты, по большому счету. Вот вас и свела судьба. Судьба. Никогда в

нее не верил, да и сейчас, в общем-то, не верю. Но, на лицо, что все сорвавшиеся оказались вместе.

– Мы далеко не одни такие. Нет, я не имею в виду преступников. – Андрей рассмеялся. – Кто-то решается, кто-то, и их большинство, всю жизнь проводят, находясь под давлением внешней среды, и не могут по разным причинам из нее вырваться. Внешняя среда. А то, что с нами сейчас происходит? Даже не знаю, как это назвать. Это... такого не бывает...

– Ты думаешь сейчас о нашем нападении на аул? – спросил Петр Ильич.

– В частности, об этом.

– Это безумие! – воскликнул Гордон, – такого не бывает в реальной жизни. Согласен. Это даже для настоящих боевиков слишком нереально, но, тем не менее, это произошло. Мы это сделали. Мы, толком никогда не державшие в руках оружия, не имеющие ни малейшего понятия о том, как это все нужно делать, в считанные минуты разнесли целую банду, не получив ни одной царапины, и ни дрогнув. Как будто, как будто... – Петр Ильич запнулся.

– Как будто нас кто-то вел и защищал, – задумчиво проговорил Андрей.

– Как такое возможно, Андрей? Ты об этом думаешь?

– Это отчаяние. Ведь бывает, что человек в состоянии аффекта способен совершить немыслимое? Я не знаю, что думать. Просто остается принять все, как есть. И не расслабляться.

– Я считаю, что дело в том, что мы всё делаем по собственной воле.

– Что вы имеете в виду? – спросил Андрей.

– Мы свободны от пут внешнего давления, давления той среды, о которой ты говорил. Мы, как пружина, которая была долгое время сжата, а избавившись от силы удерживающей ее, рванула прочь. Я всю жизнь был зажатой в рамки собственных комплексов пружиной. Что-то произошло, что-то внутри меня, это что-то было доведено до того предела, что избавило меня от удерживающей силы. Возможно, это и было тем самым отчаянием, доведенным до предела, а оказавшись на пределе, перешло в некую иную форму и вырвалось наружу с силой, долгое время затрачиваемой на сдерживание. Это, как закон сохранения энергии. – Петр Ильич рассмехался. – Став таким образом сильнее, мы способны творить немыслимые доселе чудеса. Обретя свободу, мы стали сильнее.

– Вы считаете, что мы обрели свободу? – удивился Андрей.

– Можно бесконечно рассуждать о природе свободы, но так никогда и не подойти к ее осмыслению. Даже определить ее невозможно. А принимать чью-то концепцию, основанную на том или ином философском или религиозном течении, не имеет смысла, поскольку, сам факт отношения свободы к течению лишает ее самой сути. Замкнутый круг, как размышления о боге, о любви, о смерти, о смысле жизни или

бесконечности. Ее сила в загадке.

Андрей улыбаясь, смотрел на Петра Ильича. Он курил, пуская сигаретный дым вверх.

– Вы тут все философствуете? – раздался за спиной голос Кортнева.

– Присоединяйтесь, Вячеслав, – предложил Петр Ильич.

– Премного благодарен, но я предпочитаю реалистичный взгляд на мир, – Кортнев присел возле Андрея.

– У тебя есть объяснение произошедшему? – поинтересовался Андрей.

– Что конкретно ты имеешь в виду?

– Например, нашу бойню в ауле.

– Везение, – не задумываясь, ответил Кортнев.

– Аффект, – добавил Петр Ильич.

– А в целом? – продолжил Андрей.

– Не думаю, что сейчас самое время находить объяснение тому, что уже произошло. Гораздо важнее решить, что делать дальше. А то мы с вами ведем жизнь курортников, вышедших на прогулку, которым не о чем беспокоиться.

– Мы должны паниковать? – спросил Андрей.

– Не передергивай. Еще этот парень... Что с ним делать? Андрей с Петром Ильичем молчали.

– Итак, давайте попробуем трезво, конечно же, насколько сможем, оценить наши шансы. Начну с себя. Я в розыске, и это единственное, в чем мы можем быть уверены. Я для начала обрисую вам оптимистичный сценарий. Я в ро-

зыске, меня в рабочем порядке ищут по всей стране. Ищут Вячеслава Кортнева, а не Алексея Федоровича Котова, коим я являюсь по паспорту. То есть, меня могут схватить, если спишут физиономию, и то, если захотят напрягаться. Вероятность того, что меня остановят и начнут сверять личность, конечно, есть, но... Андрей, как часто тебя останавливали в Москве и проверяли документы?

– Никогда, – ответил Андрей.

– А мы не в Москве, вероятность мала даже в том случае, если меня проверят. Другое дело Маша. У нее дома была полиция. Матери ничего не сказали. Выглядит маловероятно, но это оптимистичный сценарий. По нему предположительно я забрал Марию и направился в неизвестном направлении. Снова, если у Маши проверят документы, сверятся со сводкой, то ее вычислят. Далее, Петр Ильич. Он просто путешествует и его никто не ищет. Ты, Андрей. Если твое лицо не идентифицировано, будучи заснятым на камеру, так же, как и номера автомобиля, то твоей связи с Оксаной просто нет. Два убийства на речке? При чем тут ты? Оксана убила отца в своей квартире! Это уже без вариантов. Но, где ее искать? Этим занимаются московские сыскари, и скорее всего, там, в Москве и занимаются. Более того, об украденных пистолетах информации нет, поэтому пока все в раздумьях, что это за ствол, а баллистическая экспертиза пока ничего не дала. И снова, возвращаясь к речке – кто, из чего стрелял, неизвестно. Налет на магазин? А не было там камер, вернее,

не работают они там, как и много где, висят для солидности. Кто там что скажет? Не за что зацепиться. Наша война в ауле? Ну, кому придет в голову как-то связать это с кем-то из нас? Куда пропал Ислам? Да, его ищут, но, опять же, с нами не свяжут, ни с нами всеми, ни с каждым по отдельности. То есть, ищут меня с другими документами и Машу по стране, и Оксану в Москве. Вы все чисты, и ваши манипуляции с автомобильными номерами, перекрашиванием не имеет смысла.

– Чудесная картина, – заметил Петр Ильич, – только как это узнать?

– Направить запрос в МВД, – предложил Андрей. – Итак, это оптимистичный сценарий. Сценарий крайний с другой стороны, а именно тот, от которого нам необходимо отталкиваться, нам понятен.

– Что ж, давайте внесем ясность, – предложил Петр Ильич.

– Пожалуйста, – продолжил Кортнев. – Итак, версия такая. Я, со мной без изменения до шоу в магазине, так же, как и с Машей. Тут могут быть только вариации относительно того, каким образом ситуацию приняла ее мать. В телефонном разговоре, который, кстати, мог быть прослушан, та ничего не сказала, но полиции могла намекнуть на то, что я украл ее дочь. Хотя это все не имеет значения. Итак, у нас ситуация та же. Петр Ильич. Его родственники настояли на поисках, и он теперь в розыске, и его фото в сводках. Окса-

на. Отделение сдало свои позиции и заявило о пропаже, а то и краже оружия. Из чего был убит отчим теперь ясно, а заодно успели выяснить, из чего убиты и ребята на речке. Андрей. Камеры срисовали и тебя и твой автомобиль. Твоя связь с Оксаной очевидна. Шоу в магазине! Камеры были включены, запись разослана, все наши лица засвечены, а мы определены. И мы вместе, потому как по глупости выскочили вслед за вами.

– Зачем? – уже не в первый раз спрашивал Андрей.

Кортнев ухмыльнулся.

– Да черт его знает. Необъяснимый порыв.

– Верно, – поддержал Петр Ильич.

– Аул? – спросил Андрей.

– Сложнее. – Вячеслав задумался. – С этой стороны проблемы, я думаю, нам стоит опасаться не полиции.

– Тайник может помочь полиции вывести на эту твою банду? – спросил Андрей.

– Я не из банды.

– Но, все же, может? – продолжал Андрей.

– Для этого нужно обнаружить тайник и связать его с падением, что... – Кортнев запнулся.

– Что как раз несложно, – помог Андрей.

– А связать меня? От Ростова далеко...

– У нас же пессимистичный сценарий? Пусть они знают и это. Что это меняет? Мы находимся между Астраханью и Волгоградом, что возможно при любом раскладе, были мы в

ауле, или только в Ростове.

– Из Ростова мы могли двинуть сразу на север и быть уже очень далеко отсюда.

– Но мы этого не сделали, – произнес Петр Ильич.

– И это мы уже обсуждали, – вставил Андрей. – По большому счету, мы ни к чему не пришли. Решили, что мы все вместе и нас ищут везде. Что нам делать? Что-то другое, отличное от того, что мы наметили?

– Нам бы схорониться, по-хорошему, – тихо произнес Кортнев.

– Я думал об этом, – сказал Андрей. – Вопрос в том, где. Вернее, если это делать, то здесь и сейчас, в противном случае, то есть, при нашем дальнейшем продвижении, это уже не будет иметь смысла. Я имею в виду, если мы будем искать подходящее место. Мы же не рецидивисты и малины у нас нет. Или у тебя есть предложение?

– Нет, конкретных предложений у меня нет. Можно, конечно, воспользоваться моим справочником, но не думаю, что им стоит злоупотреблять.

– Да и, принимая в расчет пессимистичный расклад, мы не так далеко ушли от места нашей горной лавины. Уж не знаю, какими возможностями обладают горские мафиози, и как они смогут нас вычислить или напасть на след... – добавил Андрей.

– Смогут, не сомневайся, и ты не узнаешь, как.

– А я бы в горах остался, – мечтательно произнес Петр

Ильич. – Нет, это я просто так, о своем. – Он рассмеялся. – Если говорить о бегстве из страны, то граница с Грузией была совсем рядом.

– А потом? – спросил Андрей.

– Нет, если ты решил осесть на своей земле под чужим именем... – начал Петр Ильич. – Я говорю, что в том случае, если выбирать бегство, то можно было бежать на Кавказ. Так делали лучшие умы российской интеллигенции, поэты, в какой-то момент они оказывались на Кавказе. И там можно было бы и переждать.

– Чтобы потом вернуться и перейти границу в другом месте? – улыбнувшись, спросил Андрей.

– Или осесть под чужим именем, – сказал Гордон. – Кстати, Казахстан в двух шагах.

– Нет, давайте будем исходить из того, что есть, не нужно фантазировать, – предложил Андрей.

– Я хотел поддержать беседу, – смеясь, сказал Петр Ильич.

– Резюмирую, – произнес Андрей, – здесь оставаться нельзя, если где и хорониться, то не здесь. Вопрос остается открытым, Вячеслав, Петр Ильич?

– Я бы пошел дальше, до конца, – тут же ответил Гордон.

– Посмотрим по обстановке, – задумчиво произнес Кортнев.

– Что ж, пока нам придется двигаться вдоль Волги вплоть до Самарской области.

– Ислам? – спросил Кортнев.

– Нужно с ним поговорить, вернее, разговорить его. Мы даже не знаем, чего он сам хочет. Мне кажется, он в прострации и, вообще, не понимает, что происходит вокруг, и где он находится, и куда идет. Но, бросать мы его не бросим.

– Об этом не может быть и речи, – сказал Петр Ильич.

– Бросать не бросим, но и что с ним делать не ясно. Вот он как раз тот, у кого документы могут попросить в любой момент. Мы уже достаточно удалились от гор. И все-таки! – Вячеслав не выдержал и спросил: – Петр Ильич, вы не одумались? Вам это все зачем? Я, простите меня, ну никак в толк не возьму, что вы творите.

– Нет, Вячеслав, я не вернусь. Останусь я с вами, или окажусь в одиночестве, если вы решите меня изгнать, я решил превратить жизнь в дорогу.

Андрей улыбнулся.

– Как знаете, – выдохнув, заявил Кортнев. – Никуда мы вас не изгоним.

– Господи боже! – воскликнул Петр Ильич. – Совсем забыл! Совсем вылетело из головы! Ведь недавно проверил! Еще когда около Астрахани остановились. – Петр Ильич взялся обеими руками за голову. – Вот я олух, старый пень! Счета мои заморозили...

Андрей с Вячеславом переглянулись.

– То есть, это значит... – продолжал Петр Ильич.

– Что камеры в магазине работали, – закончил Андрей.

– Зато теперь не надо гадать, – грустно улыбнувшись, ска-

зал Вячеслав.

– А мы тут распинаемся! – Андрей рассмеялся.

– Как я забыл об этом? Ведь сразу же собирался сказать. Вот годы мои. Вы простите меня.

– А теперь давайте планировать, – предложил Андрей, – пока зима не наступила.

– Молчит, – сказала Оксана, подсаживаясь к Андрею, которого Петр Ильич с Вячеславом уже оставили одного, отправившись готовиться к ночлегу.

– Боится.

– Он порой начинает дрожать. Ничего не ест до сих пор. Что с ним такое, страх, стресс? – Оксана пожала плечами.

– Это семь лет рабства, – сказал Андрей. – Как будто в прошлое попали.

– Что будем с ним делать?

– Ничего мы с ним не можем сделать, только взять с собой.

– Куда?

– Там видно будет. Мы не психологи, вряд ли у нас получится что-то придумать. Подождем, может, придет в себя и уже сам решит, как ему быть. Взрослый уже. В чем-то гораздо взрослее нас. И тут мы его не поймем, как бы мы не жаловались на свою жизнь. Извини, Оксана.

– Да все так, я согласна. О чем говорили?

– Взвешивали наши шансы и гоняли варианты из пустого в порожнее. Если быть честным, то мы просто-напросто

не знаем что делать, хоть и пытаемся убедить друг друга в том, что беспокоится нам не о чем. — Андрей задумался и вдруг, повысив голос, произнес: — Мы все здесь убийцы! Мы больны! Мне кажется, нас накрыла какая-то волна эпидемии, всех накрыла. Оглядываясь на события последних дней, я порой не могу объяснить свои собственные действия. Я, как и Ислам, в состоянии шока, и это оказывает непосредственное влияние на поступки. И на мои и на наши. С самого начала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.